

Из коллекций
Военно-исторического музея
артиллерии, инженерных войск
и войск связи
(Санкт-Петербург)

Сержант и обер-офицер
Артиллерийского полка
1757—1758 гг.

Рядовой и офицер
лейб-гвардии
бомбардирского батальона
1762 г.

Офицер полевой
артиллерии
1762 г.

Публикация полковника запаса
В.М. КРЫЛОВА,
кандидата исторических наук;
С.В. УСПЕНСКОЙ,
кандидата исторических наук
(Санкт-Петербург)

ПОВЕЛИТЕЛИ ОГНЯ

Обмундирование и снаряжение русских артиллеристов в 1757—1762 гг.

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить
подписку на «Военно-
исторический журнал»
в отделениях связи по
каталогу «Газеты. Журналы.
Книги. Учебные пособия»
агентства «Роспечать».

Индекс журнала для
подписчиков
Российской Федерации —
70137,
для зарубежных
подписчиков — 79726.
Вы можете подписаться на
«Военно-исторический
журнал» также в киосках по
каталогу «Газеты. Журналы.
Книги» на всей территории
России.
Стоимость одного
экземпляра ВИЖ
по каталогу в первом
полугодии 2005 г. 25 рублей.
В розницу цена свободная.

Адрес для переписки:
119160, Москва,
Хорошевское шоссе,
д. 38а, редакция «Военно-
исторического журнала».

Адрес электронной почты:
E-mail: vizh@vipmail.ru

Жители Москвы
и Подмосковья могут
оформить подписку
на ВИЖ с личным
получением по адресу:
119160, Москва,
Хорошевское шоссе, 38а,
Редакционно-издательский
центр Министерства
обороны РФ,
тел.: (095) 157-80-47,
внутренний телефон 1-76.

Ежемесячное
издание
Министерства
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ноябрь
№ 11
2004 год

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К 60-летию
Победы

В боях заслужили
артиллеристы
свой праздник

Боевое
применение
фронтовых
и армейских
узлов связи
в годы Великой
Отечественной
войны

Балтийский
флот: между
мировыми
войнами

«Можно отметить
ряд высоких
подвигов
воинской
доблести,
проявленных
мусульманами»

Из дневника
контр-адмирала
В.К. Пилкина
1919 г.

ISSN-0321-0626

Военно-исторические паритеты Отечества

Сержант и канонир полевой артиллерии
1762 г.

Из коллекций Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи
(Санкт-Петербург)

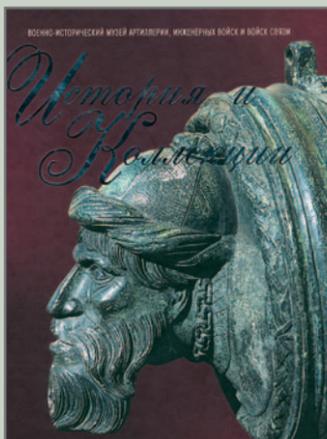
11 ноября — День памяти погибших в Первой мировой войне

Военно-исторический журнал 2004 № 11 ноябрь

«ДЛЯ ПАМЯТИ»

Военно-исторический музей артиллерии,

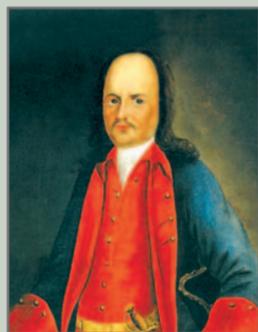
инженерных войск и войск связи по праву считается одним из крупнейших военных музеев мира и старейшим в России. В его фондах хранятся уникальные реликвии воинской доблести и славы, редчайшие по своей полноте коллекции вооружения и военной формы одежды, батальной живописи и графики, скульптуры. Созданный по личному указанию Петра I, музей за три столетия превращен в пантеон русской ратной славы. Замечательным событием и серьезной вехой в его истории стал выход в свет художественного альбома*, в котором представлены наиболее ценные, интересные, уникальные предметы из его собраний. Авторскому коллективу под руководством начальника музея, члена редакционного совета «Военно-исторического журнала» кандидата исторических наук полковника запаса В.М. Крылова удалось выпустить полноцветное иллюстрированное издание, впервые в полной мере отражающее богатство и разнообразие коллекций музея и в увлекательной форме рассказывающее о его истории. Страницы альбома позволяют увидеть славную историю России, богатую героическими событиями и ярчайшими примерами беззаветного служения нашему Отечеству.

Обложка альбома

Петр I
Копия с портрета художника Ж.-М. НАТЬЕ
Середина XVIII в.

Майор артиллерии С.Л. Бухвостов, названный Петром I «первым русским солдатом» и назначенный им заведовать цейхгаузом
Копия с гравюры XVIII в.

Штурм крепости Нотебург 11 октября 1702 г.
Художник А.Е. КОЦЕБУ. 1846 г.

* «Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи: История и коллекции» (СПб.: ВИМАИВиВС, 2004).

Знак шейный офицерский, по преданию принадлежавший Петру I и бывший на нем во время Полтавского сражения 1709 г.

Знамена русских полков из собраний музея

«Из послужного списка наркома обороны маршала Тимошенко»
Эскиз плаката художников В.Н. ДЕНИ и Н.А. ДОЛГОРУКОВА

Первый красный флаг над Выборгом
Художник М.Б. ХРАПКОВСКИЙ

27 НОЯБРЯ 1939 года народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов выступил со следующим заявлением: «Вчера, 26 ноября, финская белогвардейщина предприняла новую гнусную провокацию, обстреляв артиллерийским огнем воинскую часть Красной армии, расположенную в деревне Майнила на Карельском перешейке. В результате погибли 1 командир и 3 красноармейца, ранены 2 командира и 6 красноармейцев и младших командиров. Советское правительство требует наказания организаторов этой акции и расследования майнильского инцидента». Маховик будущей войны начал раскручиваться.

30 ноября 1939 года в 8 часов утра войска Ленинградского военного округа (ЛВО) в составе четырех армий (18 стрелковых дивизий и 5 танковых бригад), насчитывавших 450 тыс. человек, 1576 орудий, 1476 танков и 2446 самолетов, перешли границу и стали развивать наступление в глубь страны. Началась война, которую теперь чаще называют «зимней войной». Она продолжалась всего лишь три с половиной месяца — с 30 ноября 1939 по 13 марта 1940 года.

«Зимняя война», показавшая многие просчеты и ошибки военного руководства страны, в то же время доказала, что русский ратник по-прежнему остается мужественным, стойким и смелым. За время финской кампании орденами и медалями были награждены 50 тыс. человек, около 400 удостоены звания Героя Советского Союза. 70 частей и соединений стали орденоносными.

«НА ТОЙ ВОЙНЕ НЕЗНАМЕНИТОЙ...»

К 65-летию начала Советско-финляндской войны

«Да здравствует Рабоче-крестьянская Красная армия — верный страж советских границ!»
Плакат художника Г.Г. КЛУЦИСА

М.И. Калинин на митинге в Выборге
Май 1941 г.

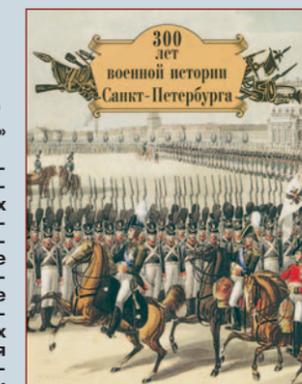

• К читателям «Молодежного военно-исторического журнала»

27 МАЯ 1703 года в устье Невы Петр I основал Санкт-Петербург — город, которому суждено было стать не только столицей Российской Империи, но и сыграть огромную роль в истории нашего государства. Все 300 лет со дня основания Санкт-Петербурга был и остается в центре евразийских и мировых событий. Преобразования, происходившие и происходящие в России, неразрывно связаны с этим городом. В Санкт-Петербурге (Петрограде, Ленинграде), городе, рожденном в результате первых побед русской армии в Северной войне, городе, знамена полков которого гордо развевались над поверженными вражескими армиями, городе, му-

РЕДКАЯ КНИГА — ПОБЕДИТЕЛЮ КОНКУРСА

жество которого останется в веках после победы в Великой Отечественной войне, городе, на улицы которого никогда не ступала нога завоевателя, увековечены ратные подвиги русского народа. Архитектурные ансамбли и памятники, музеи и учебные заведения, названия улиц и площадей Санкт-Петербурга напоминают о нашей вечной гордости — о славе русского оружия. В 2003 году, в канун юбилея города, под общей редакцией командующего войсками Ленинградского военного округа генерала армии В.С. Бобышева вышло издание: «300 лет военной истории Санкт-Петербурга» (СПб.: АО «Славия», 2003). Авторский коллектив книги поставил перед собой сложную задачу: представить на страницах одного издания целостную картину военной истории Санкт-Петербурга, рассмотренную в контексте обеспечения военной безопасности всей страны. Это позволило не только напомнить об истории создания Российских Вооруженных сил, но и обобщить опыт решения проблем обеспечения безопасности на различных этапах истории нашего государства, как в годы взлета и падения императорской России, так и в советский период.

Эту книгу получит в подарок победитель конкурса (условия см. на с. 79).

Основан
в августе 1939 года

Учрежден
Министерством
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

11

ноябрь 2004 (535)

Издание Министерства обороны Российской Федерации

П.В. ПЕТРОВ — Балтийский флот накануне Советско-финляндской войны	2	MEЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ P.V. PETROV – The Baltic Fleet on the eve of the Soviet-Finland war
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ А.П. ЖАРСКИЙ — Боевое применение фронтовых и армейских узлов связи в годы Великой Отечественной войны	8	THE GREAT PATRIOTIC WAR: FROM THE HISTORY OF ARMAMENT AND MILITARY EQUIPMENT A.P. ZHARSKY – Combat application of the front and army signal office centers in the days of the Great Patriotic War
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: В ПОИСКАХ ПРАВДЫ Ф.В. ОВСЮК — Воспитывать граждан, а не диссидентов	18	THE GREAT PATRIOTIC WAR: IN SEARCH OF THE TRUTH F.V. OVSYUK – To bring up citizens and not dissidents
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО: ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ В.В. КАПИСТКА — М.М. Литвинов — И.В. Сталину: «Я считал бы неправильным передачу в Германию всех... наших заграничных заказов»	24	THE MILITARY CONSTRUCTION: FROM THE HISTORY OF ARMAMENT AND MILITARY EQUIPMENT V.V. KAPISTKA – M.M. Litvinov to I.V. Stalin: "I would consider it wrong to transfer all ... of our foreign orders to Germany"
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ Т.В. АНИСИМОВА — Военно-политические отношения между СССР и Германией в 1922—1941 гг.	30	HISTORIOGRAPHY AND THE SOURCE STUDY T.V. ANISIMOVA – Military-Political Relations between the USSR and Germany in 1922 – 1941
ЗА КУЛИСАМИ «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА» С.В. ФОКИН — «Будем повелевать мы и только мы, безо всяких соглашений с Москвой»	34	BEHIND THE SCENES OF "THE THIRD REICH" S.V. FOKIN – "We and only we shall rule, without any agreements with Moscow"
ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ Н.П. МАРТЫНОВ, И.М. КУЗИНЕЦ — «Русский морской инженер-механик должен быть «научнее» морских механиков всех стран»	37	THE MILITARY TRAINING AND EDUCATION N.P. MARTYNOV, I.M. KUZINETS – "A Russian navy engineer-mechanic should be "more scientific" than navy mechanics of all countries"
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ: ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ «Можно отметить ряд высоких подвигов воинской доблести, проявленных мусульманами» (Публикация Д.Ю. АРАПОВА)	42	WORLD WAR I: DOCUMENTS AND MATERIALS "One can note a number of high exploits of military valour, shown by Muslims" (Publication of D.Yu. ARAPOV)
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В.Д. ГАРМАЕВ — Красные конники Бурятии	45	THE MILITARY CONSTRUCTION V.D. GARMAEV – Red horsemen of Buryatia
ИЗ ФОНДОВ ВОЕННЫХ АРХИВОВ Судьба внука А.С. Пушкина — Л.М. Дубельта (Публикация Н.Н. ШАБАНОВОЙ)	48	FROM THE MILITARY ARCHIVES FUNDS The destiny of L.M. Dubelt – a grandson of A.S. Pushkin (Publication of N.N. SHABANOVA)
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ: ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ «...После революции оподление будет сильное, и только после годов начнется оздоровление» (Публикация И.С. ДАНИЛЕНКО, И.А. АНФЕРТЬЕВА)	51	WORLD WAR I: FROM THE UNPUBLISHED MANUSCRIPTS "... After the revolution acting in a mean way will be towering, and only years later improving from a moral point of view will start" (Publication of I.S. DANILENKO, I.A. ANFERTIEV)
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ «Народ не Бог, и служу я не ему, а служу России...» (Публикация А.Ю. ЕМЕЛИНА)	57	FROM THE UNPUBLISHED MANUSCRIPTS "The people is not the Lord, and I serve not to him, but I serve to Russia..." (Publication of A.Yu. EMLIN)
МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ	★ ★	THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE
ЗАБЫТОЕ ИМЯ А.А. БУДКО, Е.Ф. СЕЛИВАНОВ — Генерал-фельдмаршал М.С. Воронцов — один из «энергичнейших и культурнейших администраторов»	63	FORGOTTEN NAME A.A. BUDKO, E.F. SELIVANOV – General-Field-Marshal M.S. Vorontsov – one of the "most energetic and cultured administrators"
ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ Е.Ф. КУЗНЕЦОВ — Что стало с подводной лодкой «Ягуар»?	66	FAMILY ARCHIVES E.F. KUZNETSOV – What happened with the submarine of "Yaguar"?
А.С. ПУГАЧЕВ — «Мы все чувствовали в вас не только умелого начальника, но и опытного учителя...»	68	A.S. PUGACHEV – "All of us saw in you not only an able chief but a skilful teacher as well..."
ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ Кадетские годы (Публикация З.Д. ЯСМАН)	71	THE EPOCH, REFLECTED IN BIOGRAPHIES The cadet years (Publication of Z.D. YASMAN)
К ЧИТАТЕЛЯМ «МОЛОДЕЖНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» А.С. ЖДАНОВСКИЙ — Викторина «Военная история Санкт-Петербурга»	74	TO THE READERS OF "THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE" A.S. ZHDANOVSKY – The cryptogram "The military history of Saint-Petersburg"
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ «Малочисленность пехоты вынуждала нас всю тяжесть прогрызания вражеской обороны возлагать на артиллерию...» (Публикация В.М. КРЫЛОВА)	75	DOCUMENTS AND MATERIALS "Small number of the infantry forced us to entrust all the heaviness of gnawing through the enemy defense on the artillery..." (Publication of V.M. KRYLOV)
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ — Малоизвестное о генерале армии А.В. Хрулеве	77	CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY V.V. GRADOSELSKY – Little known facts about General of the Army A.V. Khrulev
В.В. ТИМОШЕНКОВ — «От доброго провианта будут и люди лучше...»	77	V.V. TIMOSHENKOV – "Good provisions will make people better..."
В.Е. ТРИОДИН — «И из-за этого мальчишки мы потеряли тысячи солдат фюрера?»	78	V.E. TRIODIN – "Because of this urchin we lost thousands of soldiers of the Fuhrer"
М.И. ФРОЛОВ — «Военное духовенство России»	79	M.I. FROLOV – Military clergy of Russia
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ — 7, 17, 23, 65, 70; ХРОНОГРАФ — 26; В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ — 56; КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА — 50, 76; ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» — 41, 80		SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION — 7, 17, 23, 65, 70; CHRONOGRAPH — 26; NEXT ISSUES — 56; THE BOOKSHELF OF MILITARY HISTORIAN — 50, 76; THE EDITORIAL MAIL OF "VOENNO-ISTORICHESKIY ZHURNAL" — 41, 80

VOYENNO-
ISTORICHESKIY
ZHURNAL

11 (535)
2004 November

The Journal of Military History

Established by the Ministry of Defense of Russian Federation

Edition of the Ministry of Defense
of the Russian Federation Armed Forces
Founded in August, 1939

Главный редактор
И. А. АНФЕРТЬЕВ.

Редакционная
коллегия:

С. В. АВЕРЧЕНКО
(заместитель
главного редактора),
Ю. Н. БАЛУЕВСКИЙ,
В. П. ВОЛОДИН,
И. О. ГАРКУША,
В. А. ЖИЛИН,
С. А. ИЛЬЕНКОВ,
В. И. ИСАКОВ,
А. В. КИРИЛИН,
В. П. КОЗЛОВ,
А. А. КОЛЬТЮКОВ,
В. А. КРАВЧЕНКО,
И. В. КУЗИНА
(ответственный
секретарь),
И. П. МАКАР,
А. А. НОГОВИЦЫН,
В. И. ОСТАНКОВ,
А. В. ОСТРОВСКИЙ,
Н. И. РЕЗНИК,
А. С. РУКШИН,
А. С. СКВОРЦОВ,
Н. Е. СОЛОВЦОВ,
В. И. ТЕРЕЩЕНКО,
С. И. ЧУВАШИН.

Редакционный
совет:

К. М. АНДЕРСОН,
И. И. БАСИК,
А. А. БУДКО,
Е. Ю. ГУСЬКОВА,
И. С. ДАНИЛЕНКО,
А. А. ЗДАНОВИЧ,
С. Н. КОВАЛЕВ,
Е. Н. КОРЧАГИН,
Г. Ф. КРИВОШЕЕВ,
В. М. КРЫЛОВ,
В. Н. КУЗЕЛЕНКОВ,
Г. А. КУМАНЕВ,
Е. И. МАЛАШЕНКО,
А. К. НИКОНОВ,
Р. Б. РЫБАКОВ,
М. Р. РЫЖЕНКОВ,
А. Н. САХАРОВ,
А. Р. СОКОЛОВ,
А. О. ЧУБАРЬЯН,
А. А. ЧУРИЛИН.

БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ НАКАНУНЕ

Оперативно-тактическая подготовка на флоте в 1937–1939 гг.

ВОТЕЧЕСТВЕННОЙ военной литературе довольно редко пишется о невысоком уровне боевой подготовки личного состава советского ВМФ и, в частности, оперативно-тактической подготовки его высшего и среднего командного состава, в том числе и Краснознаменного Балтийского флота (БФ), в конце 1930-х годов, т. е. в период, когда комначсостав Вооруженных Сил СССР понес невосполнимый урон в ходе массовых репрессий. Результатом выдвижения на руководящие должности молодых командиров стало повсеместное падение уровня боевой и оперативно-тактической подготовки, что наиболее отчетливо проявилось в ходе советско-финляндской войны 1939—1940 гг. На этот печальный факт обратил внимание нарком ВМФ СССР адмирал Н.Г. Кузнецов на сборе командующих флотами и флотилиями 2–10 декабря 1940 года, подчеркнув в своем вступительном слове, что «самым слабым звеном... мы считаем сейчас подготовку начальствующего состава, который не может еще в полной мере использовать и личный состав, подчиненный ему»¹. Но далее нарком ВМФ сделал достаточно неожиданное заявление: «Не было у нас такой системы, где мы могли бы высший начальствующий состав, прежде всего, оценивать, скажем, по его оперативно-тактической подготовке, по его умению руководить во время войны теми соединениями, которыми ему придется руководить»².

Говоря это, Н.Г. Кузнецов почему-то умолчал, что практически единственным способом проверки в мирное время уровня подготовки командного состава ВМФ являлось проведение оперативно-тактических игр, маневров и учений. Данные мероприятия были призваны, как известно, вырабатывать у командиров единую систему оперативного мышления по разным проблемам военного искусства. Результаты этих оперативных игр и маневров, проводившихся достаточно регулярно на каждом флоте в предвоенные годы, как правило, позволяли давать весьма объективную оценку общему состоянию оперативной подготовки командного состава. Другое дело, что Н.Г. Кузнецов, кон-

статируя низкий уровень подготовки комсостава, не мог затронуть такую острую тему, как последствия репрессий на флоте, в связи с чем причины сложившегося положения оставались недосказанными и необъясненными.

В разнообразной литературе, посвященной истории БФ, очень мало говорится об учебных мероприятиях, проводившихся на флоте во второй половине 1930-х годов, особенно в период с 1937 по 1939 год. Даже в новейшем, вышедшем в 2001 году, труде по истории Балтийского флота весьма лаконично сказано, что в 1930-е годы «на отрядных учениях, штабных тренировках, играх и учениях по боевому управлению командование и штабы отработывали организацию управления, на практике проверяли положения руководящих документов», однако при этом авторы указывают: «Непосредственной отработке вопросов управления силами в предвоенные годы на БФ уделялось недостаточно внимания»³. Между тем, не зная, какие же именно боевые задачи отработывались флотом перед войной и, главное, насколько успешно они решались его командованием, нельзя понять причину серьезных недостатков в действиях БФ, выявившихся в ходе войны с Финляндией зимой 1939/40 г. На основе многочисленных, впервые вводимых в научный оборот документов, извлеченных из фондов Российского государственного архива Военно-морского флота, постараемся объективно осветить этот малоизученный сюжет в истории Балтийского флота.

22 НОЯБРЯ 1936 года начальник Генерального штаба РККА Маршал Советского Союза А.И. Егоров направил начальнику Морских сил РККА флагману флота 1 ранга В.М. Орлову директиву № 23529, где сообщил ему тему военной игры по оперативной подготовке командно-начальствующего состава управления Морских сил РККА на 1937 год: «Операция Краснознаменного Балтийского флота по захвату укрепленного района противника в устье Финского залива»⁴. Чуть ранее, 20 ноября, А.И. Егоров утвердил перечень тем оперативных игр для комсостава БФ на этот год. Всего

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ

в нем фигурировали 3 игры: общефлотская на тему «Действия подводных лодок и воздушных сил на коммуникациях с целью не допустить питания противника морем через южные порты Балтийского моря и с целью срыва перевозок через порты Финского и Рижского заливов с одновременным содействием флангам сухопутной армии на побережье Финского залива»; авиационная — «Поиски и уничтожение боевых кораблей и транспортов противника в море в значительном удалении от своих баз с преодолением противодействия противника и одновременном решении задачи по отражению воздушных налетов на наши базы и аэродромы» и тыловая — «Организация питания (всеми видами боевого снабжения) боевого ядра БФ при вынесенном базировании на необорудованную базу в условиях помех со стороны авиации и флота противника»⁵.

При определении тем оперативных игр учитывались те задачи, которые позже были поставлены перед Балтийским флотом директивой начальника Генерального штаба РККА № 23613 от 30 декабря 1936 года. В соответствии с требованиями этой директивы по оперативному плану БФ должен был решать следующие задачи: 1) уничтожение боевого флота лимитрофных государств (Финляндии, Эстонии и Латвии); 2) недопущение базирования флота Германии на побережье Финляндии, Эстонии и Латвии; 3) нарушение подвоза в Германию и Польшу через порты Балтийского моря, а также недопущение подвоза войск и боевого снаряжения со стороны Германии и Польши в порты Финляндии, Эстонии и Латвии; 4) содействие войскам Северо-Западного фронта и обеспечение их тыла и флангов от десанта и обстрела противника⁶. Поставленные начальником Генштаба задачи были подтверждены и конкретизированы в январе 1937 года командующим войсками Ленинградского военного округа (ЛВО) командармом 1 ранга Б.М. Шапошниковым⁷.

5 марта 1937 года на Балтийском флоте была проведена общефлотская оперативная игра на указанную выше тему. Основными задачами, которые решались в ходе этой игры, были: 1) проталкивание* подводок в Балтийское море в первый период войны; 2) организация боевой работы подводных лодок дальнего и ближнего действия; 3) изучение вариантов трасс для германских транспортов в военное время; 4) самостоятельный удар тяжелой авиации по эскадре или конвою; 5) совместный удар тяжелой авиации и подводок⁸. Масштаб оперативной игры (число участников, время) ограничивался действительной потребностью в тренировке тех, кому фактически придется выполнять данные задачи. Для выработки единства оперативного мышления комсостава, как отмечалось позже в отчете начальника штаба БФ флагмана 2 ранга И.С. Исакова, «на разбор привлекались все флагманы и командиры, которые должны знать характер операций БФ»⁹. Предварительная подготовка к игре (принятие решений, проведение расчетов, нанесение обстановки и развертывания) выполнялась играющими сторонами в период со 2 по 4 марта.

* Так в документе.

ВХОДЕ игры командование БФ сделало немало полезных наблюдений о качестве оперативно-го руководства обеих сторон. Так, действия командования «красной» стороны в своем подавляющем большинстве оценивались как неправильные. Например, избранный для прорыва командиром бригады линкоров капитаном 1 ранга К.И. Самойловым боевой ордер (тральщики–линкоры–подлодки) был сочтен неудовлетворительным, поскольку линейные корабли (ЛК), находившиеся в центре противолодочного заграждения, рисковали намотать тросы на винты или наскочить на неприятельские мины. И в том, и в другом случае линкоры оказались бы сразу выведенными из строя, превратившись в хорошие мишени для неприятельской авиации и береговой артиллерии¹⁰. Более предпочтительным, как было указано, являлся вариант, при котором линкоры, следуя после подводок и дойдя до передней кромки противолодочного рубежа, стали бы маневрировать, не продвигаясь дальше на запад, и (при необходимости) подавлять своим огнем береговую артиллерию и броненосцы противника¹¹.

Неправильным было признано решение командующего флотом «красной» стороны и по применению подводных лодок. В частности, он не определил, а соответственно и не довел до командиров бригад подводных лодок (1-й и 2-й) разграничительные линии их полос действий. Примененный же командующим тактический прием — лежание подводок на грунте в точке рандеву и всплытие по сигналу с надводного корабля «взрыв бомбами» — был сочтен «нереальным» по той причине, что подлодки лежали на значительном расстоянии друг от друга и поэтому «не все могли услышать сигнал о всплытии». Кроме того, в случае нанесения противником авиационных ударов по надводным кораблям, находившимся возле противолодочного рубежа, могла сложиться довольно неприятная ситуация, когда взрывы авиабомб и снарядов на большом расстоянии были бы восприняты экипажами подводных лодок как сигнал на всплытие. А это в реальных боевых условиях означало верную гибель всплывших лодок и срыв последующей операции по их проталкиванию в Балтийское море¹². В действиях командиров бригад подводок, в свою очередь, отмечалось немало недочетов тактического характера. Так, позиции для ПЛ были выбраны ими неудачно, поскольку решение об этом они принимали без учета обстановки и путей движения транспортов противника¹³.

Действия командующего ВВС «красных» полковника Вирика также оказались неудачными, потому что, как отмечалось, решение было принято им «без полного оперативного объема, вытекающего из поставленной задачи в данный момент перед БФ»¹⁴. Одной из основных причин являлось неграмотное использование разведывательной авиации, курсы полетов которой пролегли в основном через Эстонию, а район Турку, Ханко оказался совершенно «неосвоенным», хотя там располагались неприятельские крейсера и значительные силы авиации. Более того, самолеты-разведчики совершенно не прилагали усилий по поиску аэродромов, на которых базировались бомбардировщики коалиции противника, в силу чего авиация «красных» к началу операции не смогла

нейтрализовать действия ВВС «синих»¹⁵. Был сделан вывод, что командование «красных» предоставило противнику инициативу в нанесении первого авиаудара по собственным надводным силам. И самое главное, использование авиации «красной» стороной не было подчинено основной задаче — прорыву противолодочного рубежа подлодками. В первую очередь ВВС следовало бы использовать для подавления береговой артиллерии и броненосцев береговой обороны «синих». А вместо этого авиация «красных» занималась поиском неприятельских транспортов в море, упустив из виду более важные задачи¹⁶.

В ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ «красным» действия «синей» стороны оценивались руководством игры как правильные и осмысленные. Были особо отмечены следующие грамотные решения командующего объединенным флотом коалиции флагмана 2 ранга Г.Г. Виноградского: создание в устье Финского залива сильного противолодочного рубежа, поддерживаемого всеми силами; сосредоточение на аэродромах Финляндии и Эстонии мощной авиационной группировки и правильное ее применение; использование ПЛ как средства борьбы с подлодками «красных»; перенесение своих коммуникаций в шведские шхеры; использование демонстративных колонн транспортов; формирование отряда легких сил в Ханко; постановка минных заграждений в Ботническом заливе¹⁷.

В результате проведения оперативной игры командованием БФ было сделано немало правильных выводов. Во-первых, обнаружилось, что оперативное взаимодействие различных соединений отработано еще неудовлетворительно. Кроме того, части, приданные из других родов сил, использовались нередко для решения задач, непосредственно не подчиненных целям проводимой операции¹⁸. Во-вторых, крайне важным обстоятельством, сильно снижавшим результативность действий сторон (в первую очередь «красной»), являлось отсутствие систематического изучения положения дел на театре, из-за чего решения зачастую принимались без учета действий соседей и не соответствовали обстановке. Более того, даже при решении задач, преследующих одну и ту же цель, разными силами (подлодки и авиация) отсутствовал взаимный обмен информацией. В-третьих, выяснилось, что оформление документов производилось не по существовавшему наставлению, из-за чего в приказах не всегда ясно и четко ставились боевые задачи. Отмечалась также недостаточно хорошая работа воздушной разведки¹⁹.

Анализ игры показывает, что почти все поставленные учебные задачи так и не были решены. Особенно это касалось совместных действий подводных лодок и авиации, а также самостоятельных действий бомбардировочной авиации по нарушению неприятельских коммуникаций в море. Даже основная задача игры, ради которой, собственно, она и была затеяна, — обеспечение прорыва ПЛ через противолодочный рубеж — осталась фактически нерешенной из-за недостаточно грамотного руководства командования действиями «красных». Вместе с тем в качестве рекомендации на будущее было всего лишь выказано предположение, что задачу по проталкиванию «днем с боем ПЛ» можно осуществить только «при соотношении сил в море в нашу пользу, т.е. когда мы сильнее на воде»²⁰. Таким образом, главная учебная задача оперативной игры превратилась в некую теоретическую проблему, над разрешением которой еще предстояло долго работать.

Помимо мартовской общевойсковой оперативной игры в период с 8 по 12 апреля 1937 года на БФ бы-

ла проведена фронтовая двусторонняя оперативная авиационная игра с участием штабов ВВС Ленинградского военного округа и БФ. К ней были привлечены командиры авиасоединений и частей ЛВО и флота, а также комсостав общевойсковых и авиационных штабов²¹.

Оставляя в стороне общий ход этой игры, совпадающий во многом с общевойсковой, следует остановиться на основных выводах, сделанных после ее проведения руководителем игры — начальником 1-го (оперативного) отдела штаба БФ капитаном 3 ранга В.З. Роговешко. Прежде всего представляет интерес его мнение об общем уровне командования обеих («красной» и «синей») сторон: «Как правило, на протяжении всей игры командующий "красным" флотом плохо и с большим нажимом оформлял документы (свои решения). Лучше в этом отношении работал командующий коалиционным флотом (т.е. флотом «синей» стороны. — П.П.)»²².

Уже в самом начале своего отчета В.З. Роговешко констатировал довольно безрадостную картину общего уровня руководства «красной» стороны: «Дважды в этом году я присутствую на больших оперативных играх (в качестве первой здесь имеется в виду общевойсковая оперативная игра, проведенная в марте 1937 г. — П.П.), на которых оба раза задача по борьбе и уничтожению транспортов с экспедиционными войсками, перевозимыми морем с территории "коричневых" на территорию "синих" и "желтых", возлагалась на авиацию фронта, которая оба раза с возложенной задачей не справилась»²³. Далее Роговешко подчеркивает, что «особенно ярко это выявлено на последней игре 7—13 апреля 1937 года, когда авиация фронта (т.е. «красных». — П.П.) благодаря своей занятости по борьбе с ВВС противника, подержке сухопутных войск на фронтах и неумению правильно организовать длительную операцию из-за недостаточного, по-видимому, знакомства с морскими особенностями, ни одного транспорта с войсками не утопила»²⁴.

В чем же причина столь неудачных действий ВВС «красной» стороны в обеих играх? По мнению руководителя игры, такой результат был отнюдь не случаен: он объяснялся тем, что «операции проводятся не теми людьми, которым положено этим заниматься». Как считал В.З. Роговешко, авиационные командиры ЛВО, принимавшие участие в играх, совершенно не знали: 1) морского театра и его особенностей; 2) организации флота; 3) использования и возможностей флота»²⁵.

ВЫВОД, который делает руководитель игры, довольно прост: необходимо, чтобы задачи по борьбе и уничтожению транспортов с экспедиционными войсками, перевозимыми морем с территории «коричневых» на территорию «синих» и «желтых», возлагались исключительно на одного командующего флотом. Это соображение обосновывалось тем, что только данный командир хорошо знает морской ТВД со всеми его особенностями и может правильно организовать разведку транспортов противника, а также последующие действия по их уничтожению совместными силами надводных кораблей, подлодок и авиации²⁶.

Таким образом, в 1937 году учебные мероприятия на Краснознаменном Балтийском флоте не принесли впечатляющих результатов. Здесь важно заметить, что действия «красной» стороны не просто оказались малоуспешными: командование БФ не смогло в принципе подойти к решению многих важнейших вопросов, напрямую связанных с выходом флота на оперативный простор. Причем любопытно то обсто-

тельность, что вышеназванные оперативные игры состоялись еще до начавшихся в мае—июне 1937 года широкомасштабных репрессий на флоте, и потому обычные сетования на них как на единственную причину снижения уровня оперативно-тактической подготовки командного состава в данном случае не совсем уместны. Тем более что первыми жертвами репрессий стали как раз военачальники, игравшие за неприятельскую, т. е. за «синюю» сторону: командир бригады эсминцев флагман 2 ранга Г.Г. Виноградский (командующий объединенным флотом коалиции), один из опытейших моряков на Балтике, и командир 3-й бригады подводных лодок капитан 1 ранга А.А. Пышнов (командующий подводными силами коалиции). И только позже, уже в 1941 году, был арестован и бывший командующий бригадой линкоров «красных» флагман 2 ранга К.И. Самойлов.

25 января 1938 года только что назначенный наркомом ВМФ армейский комиссар 1 ранга П.А. Смирнов в директиве № 246172 подвел итоги оперативной подготовки комсостава ВМФ за прошедший год и пришел к совершенно неутешительным выводам. По его мнению, «оперативная подготовка командного состава и штабов, как показали итоги 1937 года, стоит на низком уровне и не отвечает современным требованиям планирования и ведения операций на море»²⁷. Основные недостатки в организации и проведении мероприятий по оперативной подготовке командно-начальствующего состава флота, как считал П.А. Смирнов, сводились к следующему: отсутствие единства оперативных взглядов на методы ведения операций; слабые навыки в быстрой и правильной оценке обстановки; неуверенность и предвзятость в принятии решений на операцию; штабы не овладели методами и навыками оперативных расчетов; неудовлетворительная организация применения авиации; бессистемное использование кодов для связи; излишняя загрузка радиосвязи; неумение штабов наладить контроль за выполнением приказов командиров и правильно организовать взаимную информацию²⁸. С целью ликвидации вышеуказанных отрицательных явлений нарком ВМФ приказал всем военным советам флотов «считать оперативную подготовку высших командиров и штабов основной задачей всей командирской подготовки на 1938 год». В качестве частных задач он потребовал развивать гибкость оперативного мышления, смелость в принятии решений, уверенность, волю и настойчивость при их осуществлении, а также изучать оперативные взгляды вероятных противников и сам театр военных действий²⁹. Перед проведением оперативных игр нарком ВМФ приказал сделать исторические доклады на темы, близкие к темам предстоящих игр. К общефлотской оперативной игре БФ П.А. Смирнов потребовал привлечь преподавательский состав Военно-морской академии³⁰.

Одновременно нарком ВМФ утвердил и перечень тем военных игр по оперативной подготовке командно-начальствующего состава БФ на 1938 год. Как обычно, были запланированы 3 игры: общефлотская на тему «Совместные с армией действия по овладению побережьем и шхерным районом восточной части Финского залива с одновременными операциями по срыву перевозок противника в Балтийском море»; авиационная — «Разгром морских и воздушных сил лимитрофов в их базах и на их аэродромах в первые дни войны в условиях начавшейся переброски германских сил в Финский залив» и тыловая — «Организация питания (всеми видами снабжения) флота в операции по овладению шхерными районами восточной части Финского залива»³¹.

Рассмотрим теперь, как же проходили учебно-практические мероприятия в 1938 году. В период с 25 по 26 марта с участием ЛВО и БФ была проведена запланированная общефлотская двусторонняя оперативная игра³². В качестве ее частных учебных целей фигурировали: 1) отработка взаимодействия с наступающим флангом армии и авиацией в условиях шхерного побережья; 2) закрепление навыков организации и выполнения операции флота и ВВС на коммуникациях противников в Балтийском море; 3) выявление необходимых средств для операции в шхерах; 4) изучение шхерного района восточной части Финского залива. Вся подготовительная работа (принятие решений, расчеты, нанесение обстановки, разработка документов) была выполнена играющими с 14 по 21 марта. Игра началась с докладов участниками своих решений, после чего производился розыгрыш узловых вопросов по фактическим действиям сторон³³.

В РЕЗУЛЬТАТЕ проведения игры ее руководством были сделаны следующие малоутешительные выводы. Прежде всего констатировалось, что «учебные цели, поставленные на игре, в полной мере были не отработаны»³⁴. Большинство командиров соединений и частей БФ, за исключением командиров авиасоединений, «несмотря на достаточный срок, отведенный для подготовки к игре, подготовились плохо, решение задач до конца не продумали и не произвели необходимых тактических расчетов». Объяснялось это тем, что основная масса командиров «в таких играх участвовала впервые и навыка в работе не имела»³⁵. Вот здесь уже в полной мере сказались последствия репрессий 1937 года, когда перемещения молодых, недостаточно опытных командиров на более высокие должности приняли массовый характер.

Многие недостатки, указанные в отчете начальника штаба флота флагмана 2 ранга В.Ф. Трибуца, были отмечены еще в ходе прошлогодней игры, но значительного прогресса с того времени, по всей видимости, не произошло. Так, например, вновь выяснилось, что «операция не была обеспечена разведкой — тральной, гидрографической, рельефа береговой черты, самого плацдарма для высадки, на подходах к месту высадки»³⁶, «не учитывались опасность нападения противника из шхер и действия шюцкора»³⁷, не были организованы посты ВНОС, а расстановка транспортов и их охрана не доработаны. Непродуманным оказалось место маневренного плеса для кораблей поддержки «красных». Отмечалась также слабая проработка вопросов взаимодействия с армией и ВВС по овладению шхерным районом³⁷.

Организация командования всей операцией и боевое управление были признаны начальником штаба БФ В.Ф. Трибуцем «нечеткими». В своем отчете он особо отметил, что «командующий эскадрой «красных» капитан 1 ранга Н.Н. Несвицкий не возглавил руководство всей операцией и не организовал взаимодействие всех частей»³⁸. В действиях многих командиров было замечено несоответствие принимавшихся ими решений выполнявшимся задачам. Боевые документы, выработанные как накануне игры, так и в ходе нее, в большинстве своем страдали расплывчатыми формулировками. Задачи в боевых приказах ставились зачастую неконкретно, отсутствовали навыки в правильной оценке сложившейся обста-

** Добровольческая военнизированная организация в Финляндии, строившаяся по типу финской армии и считавшаяся ее обученным резервом. В 1927 г. приравнена к вооруженным силам (в 1940 г. шюцкор вошел в их состав и был принят на бюджет).

новки. Командиры всех уровней слабо проявляли инициативу при выполнении поставленных задач. Оформление документов было признано В.Ф. Трибуцем абсолютно неудовлетворительным³⁹.

Выявились многочисленные проблемы и при решении конкретных задач. Например, обнаружилось, что использование корабельной артиллерии при стрельбе по береговым целям, в частности по батареям, проработано крайне слабо. Целый ряд связанных с этим принципиальных вопросов (дистанция, корректировка огня, количество боезапаса, тип снарядов, связь с наступающими частями) требовал подробного изучения. Совершенно не отработывались задачи по ведению артиллерийского огня на подавление в ночных условиях⁴⁰. Впрочем, вскрылись вещи куда более непонятные. В ходе игры вдруг стало очевидным «отсутствие единых взглядов у подводников о методе преодоления противолодочных преград»⁴¹. Спрашивается, для чего же тогда проводилась оперативная игра в 1937 году, посвященная специально этому вопросу?

ОДНИМ словом, и эта оперативная игра не принесла удовлетворения. Почти все ее учебные задачи остались нерешенными. Правда, были сделаны выводы на будущее относительно метода проведения десантных операций в шхерах. Признавалось, что «овладение шхерами является наиболее сложной операцией», которая требует «предварительных мероприятий по обеспечению действующих сил от помех с запада и со стороны шхер, а также специального обеспечения в момент проведения самой операции»⁴².

После общефлотской на БФ была проведена оперативная авиационная игра. Она проходила с 14 по 15 апреля по теме «Разгром морских и воздушных сил лимитрофов в их базах и на их аэродромах в первые дни войны в условиях начавшейся переброски сил «коричневых» в Финский залив». Игра преследовала следующие учебные цели: 1) отработка взаимодействия морской и фронтовой авиации в ударах по базам противника; 2) отработка организации и методов боевого управления морской и сухопутной авиацией, действующей с оперативных аэродромов; 3) организация обороны аэродромных узлов; 4) тренировка в планировании; использование морской авиации и учет напряженности ее работы⁴³.

По итогам оперативной игры командующий ВВС БФ полковник Ильин сделал общий вывод, что «частные задачи и вся тема в целом отработаны». По его мнению, участники в подавляющем большинстве принимали тактические правильные и грамотные решения, ими было «достигнуто единое понимание использования методов и средств подавления воздушного противника и флота на основе данных последних войн»⁴⁴. Впрочем, Ильин тут же отметил и существенные пробелы в тактической подготовке отдельных командиров. Например, командующий ВВС «синих» поставил слишком много задач своей авиации, не выделив при этом основных. Формулировка им большинства задач носила многословный и расплывчатый характер, без указания конкретного времени, места и объектов ударов. Кроме того, командующий ВВС коалиции совершенно упустил такой момент, как действия по флоту «красных» и его базам. Вообще «синие» не смогли полностью использовать свою бомбардировочную авиацию⁴⁵. В очередной раз было указано на слабую организацию авиационной разведки обеими сторонами, из-за чего целый ряд бомбовых ударов пришелся по пустым аэродромам. Командиры авиачастей недостаточно внимательно производили расчеты боезапасов и го-

рючего на вылеты, не было точных расчетов и на маршрутах полетов (особенно на стороне «синих»), плохо обстояло дело с изучением тактико-технических характеристик самолетов противника. При постановке боевых задач на бомбардировку не всегда указывались важнейшие объекты, подлежащие уничтожению. Выяснилось также, что многие летчики не знали тактических приемов борьбы бомбардировщиков с истребителями, а также противозенитных маневров⁴⁶.

КАК ВИДИМ, несмотря на поучительные уроки проведенной в 1937 году оперативной игры, большая часть отмеченных тогда недостатков так и осталась без должного внимания командования флота. Не случайно ведь одни и те же проблемы (плохая авиаразведка, разбросанность и отсутствие целеустремленности в действиях ВВС, неотработанное взаимодействие морской и фронтовой авиации и др.) плавно перетекали из года в год, из одних оперативных игр в другие, оставаясь, по сути дела, нерешенными. К тому же большая доля условности при постановке и решении задач на играх сильно снижала практическую значимость этих полезных мероприятий. Но даже и при всей облепченности этих игр результатами, как правило, оставались неутешительными.

С целью повышения качества оперативной и боевой подготовки на Краснознаменном Балтийском флоте 27 июня 1938 года заместитель наркома ВМФ флагман флота 2 ранга П.И. Смирнов в приказе потребовал от военного совета БФ провести в конце сентября маневры на тему «Оборона главной базы с одновременным действием подводных лодок на коммуникациях противника и операциями надводного флота в море на значительном удалении от своих баз»⁴⁷. Заместитель наркома подчеркнул, что главное внимание на маневрах «должно быть уделено развитию у командного и начальствующего состава гибкости оперативного мышления, смелости, решительности и спокойной уверенности, основанной на хорошем знании театра, вероятных противников, тактических приемов и техники». Следовало также проверить реальность сроков оперативной и мобилизационной готовности БФ и соответствие установленных оперативных норм действительным потребностям⁴⁸.

Штаб БФ немедленно приступил к работе по планированию предстоящих маневров, но она была внезапно прервана. 15 сентября П.И. Смирнов в своем приказе объявил военному совету БФ, что «ввиду недостаточной подготовки флота в целом к проведению учебно-боевых операций в сложных условиях» маневры 1938 года необходимо отменить. Вместо этого он потребовал провести в период с 27 сентября по 1 октября большое отрядное учение (БОУ), «ориентированное на тему маневров». Оно должно было состоять из следующих частных учений: 1) от мобилизации 2—3 соединений по указанию ГМШ; 2) организация ведения оперативной разведки на театре; 3) ПВО главной базы с фактическим использованием оружия зенитной артиллерии в дневных условиях; 4) сосредоточенный удар всеми силами БФ в дневных условиях на Сескарском плесе; 5) десантное учение с фактической высадкой батальона Кронштадтского стрелкового полка; 6) поход эскадры в составе двух линкоров и четырех миноносцев до параллели Либавы вокруг о. Готланд⁴⁹. Можно только гадать, что именно послужило причиной отмены маневров БФ, но, как представляется, не последнюю роль в этом сыграли и неудовлетворительные результаты проведенной в марте 1938 года общефлотской оперативной игры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 186. Л. 16; Русский архив: Великая Отечественная. Накануне войны. Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. М., 1997. Т. 12 (1—2). С. 220.

² РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 186. Л. 2—3; Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1—2). С. 220.

³ Егоров В.Г., Масыгин В.П., Амосин Б.М. и др. Очерки из истории Балтийского флота. Калининград, 2001. Кн. 4. С. 122.

⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 35. Л. 11—12.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 297. Л. 1—2.

⁷ Там же. Л. 4—5. В случае войны Краснознаменный Балтийский и Северный флоты на основании постановления Комитета обороны при СНК СССР от 21 апреля 1936 г. в оперативном отношении должны были подчиняться военному совету ЛВО.

⁸ Там же. Д. 399. Л. 180.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 202—203, 207.

¹¹ Там же. Л. 203, 207.

¹² Там же. Л. 202.

¹³ Там же. Л. 203—204.

¹⁴ Там же. Л. 204.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 203.

¹⁷ Там же. Л. 205.

¹⁸ Там же. Л. 206.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 206—207.

²¹ Там же. Д. 402. Л. 1.

²² Там же. Л. 10.

²³ Там же. Л. 9.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 9об.

²⁷ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 35. Л. 123.

²⁸ Там же. Л. 123—124.

²⁹ Там же. Л. 124.

³⁰ Там же. Л. 125.

³¹ Там же. Л. 128.

³² Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 432. Л. 276.

³³ Там же. Л. 276—277.

³⁴ Там же. Л. 292.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Л. 292—293.

³⁸ Там же. Л. 293.

³⁹ Там же. Л. 293—294.

⁴⁰ Там же. Л. 293.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л. 294.

⁴³ Там же. Д. 433. Л. 70.

⁴⁴ Там же. Л. 82.

⁴⁵ Там же. Л. 80—82.

⁴⁶ Там же. Л. 81—82.

⁴⁷ Там же. Д. 431. Л. 1—1об.

⁴⁸ Там же. Л. 1.

⁴⁹ Там же. Л. 2—3.

П.В. ПЕТРОВ,
кандидат исторических наук
(Санкт-Петербург)

(Окончание следует)

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ГЕНЕРАЛ КЛАУЗЕВИЦ И РУССКАЯ АРМИЯ

В ВОЕННОЙ академии Генерального штаба ВС РФ состоялся российско-германский семинар «Период службы К. фон Клаузевица в русской армии и влияние его идей на постановку военно-стратегических вопросов нашего времени». Семинар, на котором присутствовал заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ генерал-полковник А.С. Скворцов, вел начальник научно-исследовательского центра ВАГШ по научной работе полковник В.В. Попов. С докладом выступил начальник центра отечественной военной стратегии ВАГШ доктор философских наук, профессор И.С. Даниленко, а со вступительным словом с германской стороны — начальник академии руководящего состава бундесвера генерал-майор Х.-К. Бекк.

Интерес современных российских и германских военных исследователей и ученых к этой личности не случаен. Выдающийся немецкий военный теоретик и историк, лишь после смерти получивший международное признание, не утратившее своего значения по сей день, оставил заметный след и в нашей отечественной военно-научной летописи. В феврале 1812 года подполковник (впоследствии генерал-майор) прусской армии Клаузевиц Карл Филипп Готфрид фон составил документ «Три символа веры», провозглашавший идею народной войны с претендующей на мировое господство Францией, а в мае в знак протеста против заключения прусским королем союза с Наполеоном покинул родину и поступил на военную службу к российскому императору. За участие в боевых действиях против французских войск был удостоен высоких наград, в том числе золотого оружия и ордена Св. Владимира 4-й степени.

В работе семинара приняли участие представители Совета Федерации и Государственной думы, Министерства обороны и Генерального штаба ВС РФ, Академии военных наук, командование, слушатели и ветераны Военной академии Генерального штаба, аккредитованные в Москве военные атташе некоторых стран, делегация академии руководящего состава бундесвера, сотрудники германского посольства.

С научными сообщениями по обсуждаемой теме выступили начальник Института военной истории МО РФ кандидат военных наук полковник А.А. Кольтюков, заведующая кафедрой ВАГШ Т.В. Грачева, кандидат военных наук полковник в отставке А.Г. Кавтарадзе, профессора Б. Хойзер, Л. Сушон и др.

* * *

ПОЧЕСТИ МАРШАЛУ

В МОСКВЕ прошли торжественные мероприятия, посвященные 100-летию со дня рождения Героя Советского Союза, Народного героя Югославии, Маршала Советского Союза Сергея Семеновича Бирюзова (1904—1964). На Красной площади у Кремлевской стены маршалу отдали почести начальник Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации генерал-полковник Ю.Н. Балуевский, руководители ВВС и РВСН, делегация от г. Скопина, возглавляемая главой города И.М. Егановым, представители Рязанского землячества, ветераны войны и труда, Вооруженных сил, сослуживцы и родственники С.С. Бирюзова.

В рязанском городке Скопине — родине маршала — прошли торжественные мероприятия, на которых присутствовали губернатор Рязанской области, генерал-полковник в отставке Г.И. Шпак, представители Министерства обороны РФ, ветеранских, творческих и научных организаций, сослуживцы С.С. Бирюзова и его дочь О.С. Зотова.

После парада духовых оркестров состоялся митинг общест-венности у памятника С.С. Бирюзову, на котором выступили Г.И. Шпак, И.М. Еганов, Герой Советского Союза полковник А.В. Черножуков, представитель Росвоенцентра капитан I ранга В.Г. Попов и ветераны войны.

Выступившие высоко оценили вклад С.С. Бирюзова в укрепление обороноспособности нашей Родины. За 42 года службы в Вооруженных силах Сергей Семенович Бирюзов прошел путь от рядового красноармейца до Маршала Советского Союза — начальника Генерального штаба ВС СССР — первого заместителя министра обороны СССР.

Полковник в отставке В.М. ЧИКОВ
(Москва)

БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ФРОНТОВЫХ И АРМЕЙСКИХ УЗЛОВ СВЯЗИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

НАКАНУНЕ Великой Отечественной войны связь в оперативно-стратегическом и оперативном звеньях управления предполагалось обеспечить в основном по общегосударственной сети связи (сети связи Народного комиссариата связи)¹. При этом основным средством связи, готовившимся в мирное время для фронтов и армий, являлась проводная («проволочная») связь по постоянным воздушным линиям связи. Вся сеть воздушных телеграфно-телефонных линий в зависимости от емкости операционных направлений реконструировалась, дополнялась проводами в соответствии с установленным мобилизационным планом расчетом: штаб фронта — Генеральный штаб — два телеграфных провода и цепь цветного металла для ВЧ; между соседними фронтами — два телеграфных провода; штаб фронта — штаб армии — один телеграфный провод, цепь цветного металла для ВЧ и цепь для НЧ с использованием «средней точки» для телеграфной связи².

Кроме проводных средств Наркомат связи (НКС) должен был с началом войны выделить в распоряжение командования фронтов и армий некоторое количество стационарных радиосредств. Например, по плану Генерального штаба для Западного Особого военного округа должно было выделяться радиостанций — 16, для Киевского — 18 и т.д.³. Непосредственное руководство средствами связи НКС, поступавшими в распоряжение военного командования, возлагалось на полевые органы Наркомата связи (Управления полевой связи (Уполесвязи) во фронтах и инспектораты связи при штабах армий).

По данным источников⁴, на органы полевой связи НКС возлагалась задача по созданию военно-оперативных узлов связи (ВОУ). Эти узлы готовились в приграничной полосе, главным образом в районах предполагаемого развертывания наших войск, и представляли собой сеть опорных пунктов связи, базируясь на которые

командование фронтов и армий могло использовать местные средства связи в интересах управления войсками (такими опорными пунктами могли быть линейно-технические узлы Наркомата связи и районные конторы связи, которые имели особое значение для армий). Каждый ВОУ представлял собой своеобразную подсистему связи, включавшую основной узел, определенный командованием в качестве опорного пункта, а также близлежащие узлы и линейно-технические сооружения связи.

Границы ВОУ определялись начальниками связи военных округов по согласованию с областными управлениями связи.

В оперативном отношении ВОУ должны были подчиняться соответствующим начальникам связи фронтов и армий через полевые органы НКС, а в административном — начальникам областных управлений связи. В полосе действия фронта планировалось создать несколько военно-оперативных узлов. Каждый фронтовой (армейский) полевой узел («узел связи штаба») предполагалось привязывать («базировать») к двум — трем основным телефонно-телеграфным узлам и одному — двум вспомогательным. Например, для Юго-Западного фронта планировалось иметь ВОУ во Львове, Тернополе, Ровно и Проскурове. Узлы связи штабов армий должны были привязываться: 5-й армии — к Ковельскому и Луцкому ВОУ, 12-й армии — к Станиславскому, Стрийскому и Самборскому ВОУ⁵.

Ввиду того что положение о ВОУ было утверждено народным комиссаром обороны 28 апреля 1941 года, оно не могло быть достаточно изучено ни будущими исполнителями, ни руководящим составом войск связи. Это явилось причиной многих недоразумений при взаимодействии органов НКС с военным командованием в начале войны. Мобилизационная и техническая готовность этих узлов была на крайне низком уровне, особенно в западных об-

ластях Украины и Белоруссии, вошедших в состав СССР в 1939 году⁶. Так как ВОУ целиком и полностью опиралась на радиальную сеть постоянных воздушных линий связи страны, построенных преимущественно вдоль железных и шоссейных дорог, то вполне понятно, что живучесть их была крайне низкой.

Центром системы связи фронта (армии) в соответствии с довоенными взглядами на организацию связи во фронтовой (армейской) операции должны были стать полевые узлы связи штаба объединения⁷.

Боевое применение полевых узлов связи, их организационно-техническая структура во многом определялись порядком управления, принятым в объединении, в частности порядком функционирования пунктов управления фронта (армии). По взглядам, сложившимся к началу войны, управление войсками в оперативно-стратегическом и оперативном звеньях управления предполагалось осуществить с единого командного пункта (КП), расположенного на направлении главного удара⁸. Опыт Советско-финляндской войны (1939—1940) показал необходимость эшелонирования пунктов управления фронта (армии), однако к началу Великой Отечественной войны практических мер по закреплению этого опыта принято не было.

Развертывание и эксплуатацию узлов связи (УС) КП фронта (армии) планировалось осуществить силами и средствами отдельных полков связи (опс) фронта и армии (штат 014/50), которые должны были формироваться с началом боевых действий⁹. По штатам мирного времени во фронте имелся опс, а в армии отдельный батальон связи (обс)¹⁰.

По опыту Советско-финляндской войны и операций Красной армии в Западной Белоруссии и Западной Украине емкость проводной части УС КП фронта должна была составлять 55 проводов, а УС КП армии — до 36 проводов¹¹.

Анализ документов¹² позволил

определить, что в состав УС КП фронта (армии) перед войной предполагалось включать следующие элементы: военно-телеграфную станцию (ВТС); центральную телефонную станцию (ЦТС); радиогруппу, объединяющую все радиосредства, обслуживающие КП (РГр); пункт сбора и передачи донесений (ПС); пост воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС); посадочную площадку для связных самолетов; запасную телеграфно-телефонную станцию.

Существовало мнение, что телефонная связь в оперативном звене управления будет использоваться только в качестве внутренней связи на пунктах управления. Основным же видом связи являлась телеграфная связь, которая использовалась как для передачи оперативных документов, так и для прямых переговоров командования. Статья 322 «Наставления по телеграфной службе» (1941) гласила: «В условиях армии и фронта телеграфная связь является основным средством управления войсками...»¹³. Поэтому и основным элементом УС КП фронта (армии) была ВТС, которая могла включать в себя аппаратные и зарядно-генераторную станцию¹⁴. Так, ВТС узла связи КП Северо-Западного фронта (Советско-финляндская война) в своем составе имела: три телеграфных аппарата Бодо, семь аппаратов СТ-35 и два Морзе, а на ВТС 13-й армии этого фронта один комплект Бодо, один СТ-35 и 6 комплектов Морзе¹⁵. Размещалась ВТС, как правило, на нижнем этаже здания, занятого отделами штаба фронта (армии).

Радио для управления войсками фронта (армии) предполагалось использовать ограниченно. В мирное время радиосвязь в высших звеньях управления организовывалась (обеспечивалась) преимущественно с помощью стационарных радиостанций. Основным способом организации радиосвязи считалась радиосеть¹⁶, и только на отдельных наиболее важных направлениях предусматривалась организация радионаправлений. Состав фронтовых и армейских радиогрупп был небольшим. Так, на узле Северо-Западного фронта (4 февраля 1940 г.) было задействовано 4 радиостанции, а узле связи 13А — всего три. Радиосредства использовались по методу отдельных приемопередающих радиостанций¹⁷.

Пункт сбора донесений и передачи приказаний предназначался для приема и отправки боевых документов подчиненным штабам и

Группа офицеров УС Ленинградского фронта. Сидят (слева направо): Констанци, Макаров, Усатюк, Шандыбина, нач. УС Ильичев, Дмитриева, Болонкин, Гонтова; стоят: Коплев, Чениверинов, Вахрушева, Черепанов, Сысоева, Киселев, Илларионов

для сбора и доставки донесений от них¹⁸. В качестве подвижных средств связи перед войной использовались: конные посыльные, мотоциклисты, а также автомашины, бронеобъекты и самолеты.

Опыт боевого применения узлов связи в Советско-финляндской войне позволил вскрыть существенные недостатки в их технической оснащенности, а также несоответствие организационно-штатной структуры узловых частей связи выполняемым ими задачам¹⁹.

Во время войны в войсках работала комиссия в составе представителей от управления связи Красной армии и Военной электротехнической академии связи, проверявшая состояние службы связи. Проанализировав и обобщив опыт эксплуатации узлов связи фронта (армии) в боевой обстановке, комиссия сформулировала некоторые предложения по их всестороннему совершенствованию. Было признано необходимым создание типовых телеграфных и телефонных аппаратных, типового вводно-коммутиционного оборудования, специального парка контрольно-измерительной аппаратуры, а также приборов для засекречивания телеграфно-телефонных и радиопередач по всем каналам связи.

АНАЛИЗ опыта начавшейся Второй мировой войны показал исключительно важную роль полевых узлов связи в обеспечении устойчивого управления войсками. В условиях, когда противник стал выделять узлы связи в разряд первостепенных объектов поражения, в условиях большой подвижности войск несоизмеримо возросли требования по их жи-

вучести и мобильности²⁰. Необходимо было коренным образом изменить тактику их боевого применения, как-то: размещение элементов УС на местности, охрана и оборона, инженерное оборудование и перемещение. Однако к началу Великой Отечественной войны ни одна из вышеперечисленных проблем решена не была²¹.

Уже в первые дни войны стало ясно, что возможности НКС и, в частности, ВОУ по обеспечению непрерывности связи в оперативно-стратегическом и оперативном звеньях управления переоценены. Народный комиссариат связи своими силами не смог поддерживать в постоянной боевой готовности УС, выделенные военному командованию фронтов и армий²². Поэтому передача основных потоков сообщений по управлению войсками фронтов и армий стала осуществляться с помощью полевых узлов связи пунктов управления (УС ПУ).

Под системой связи объединения в годы войны понималось «организованное применение сил и средств связи в соответствии с их свойствами, условиями местности и боевой обстановки»²³. Кроме узлов связи система включала в себя следующие элементы: оси и направления связи, военно-почтовые учреждения, резервы связи, органы снабжения и ремонта средств связи.

Узлы связи штаба (УС КП фронта и армии) предназначались для передачи (приема) потоков информации по управлению войсками, а также для обеспечения внутренней телефонной связи на пункте управления. На полевых узлах связи использовались провод-

Таблица 1

Информационные направления, обеспечиваемые от КП фронта в годы Великой Отечественной войны

Наименование направления связи	Кол-во информационных направлений на различных этапах				Примечания
	22 июня 1941 – 18 ноября 1942 г.	19 ноября 1942 – 31 декабря 1943 г.	1 января 1944 – 9 мая 1945 г.	9 августа 1945 – 3 сентября 1945 г.	
Генеральный штаб	1	1	1	1	В первом периоде войны исключение представлял Западный фронт, который в разное время включал в себя от 6 до 10 армий
Гл. командование направления КП соседних фронтов	0–1	—	—	1	
2-й эшелон штаба (фронта) ТПУ	2	2	2	2	
ВПУ фронта	1	1	1	1	
НП командующего фронтом	0–1	1	1–2	2	
КП А	—	1	1	1	
КП ТА	3–4	3–7	6–9	3–4	
КП ВА	—	1–2	1–4	1	
КП авиационного соединения	—	1	1–2	1	
КП резервного соединения	2–3	—	—	—	
КП Воздушно-десантные группы (ВДК, ВДП)	3–4	1–2	1–2	2–3	
Полевые укрепрайоны	0–2	—	—	1–2	
Штабы флотов (флотилий)	0–1	0–1	0–4	0–2	
Штаб партизанского движения	0–1	1	1	2	
КП кавалерийских корпусов	—	1	1	—	
КП танковых механизированных корпусов	1	1–2	1–2	1	
УСОНЫ	—	2–4	1–3	1	
Армия ПВО	—	1	1	—	
Запасный узел связи (ЗУС)	—	—	—	—	
Другие информационные направления	1	1	1	1	
ИТОГО	1–3	—	—	—	
ИТОГО	16–26	19–28	20–37	19–23	

Таблица 2

Информационные направления, обеспечиваемые от КП армии в годы Великой Отечественной войны

Наименование направления связи	Кол-во информационных направлений на различных этапах				Примечания
	22 июня 1941 – 18 ноября 1942 г.	19 ноября 1942 – 31 декабря 1943 г.	1 января 1944 – 9 мая 1945 г.	9 августа 1945 – 3 сентября 1945 г.	
Генеральный штаб	1	1	1	1	С сентября 1943 г. связь с артиллерийскими соединениями и частями обеспечивалась силами и средствами командования артиллерией армии
КП фронта	1	1	1	1	
КП соседних армий	2	2	2	2	
2-й эшелон штаба армии (ТПУ)	1	1	1	1	
ВПУ армии	1	1	—	—	
НП командующего армии	—	1	1	1	
КП стрелковых корпусов	—	1–3	3–4	2–4	
КП механизированных и танковых корпусов	—	1	1–2	1	
КП кавалерийских корпусов	—	1–2	1–3	1	
КП стрелковых дивизий	4–6	0–1	1–2	1–2	
КП кавалерийских дивизий	0–1	—	—	1–2	
КП артиллерийских соединений и частей	—	2–4	—	—	
КП инженерных соединений и частей	0–1	—	2–3	1–2	
КП химических частей	—	—	1–2	1–2	
КП стрелковых бригад	1–4	3–4	0–1	0–1	
КП танковых бригад	1–3	1–2	0–1	0–1	
КП приданных или взаимодействующих авиационных соединений	1	0–1	1–2	0–1	
Полевые укрепрайоны	0–1	—	—	1–2	
ЗУС	1	1	1	1	
ВУСы	—	—	1–2	1	
ИТОГО	13–24	17–26	19–29	17–27	

ные, радио- и подвижные средства связи. В начале войны по линиям проводной связи, как правило, организовывалась (обеспечивалась) телеграфная буквопечатающая связь, а по радиоканалам — телеграфная слуховая. Во втором периоде войны по проводным линиям стала широко применяться телефонная связь, а по радиоканалам — буквопечатание.

В соответствии с принятой системой управления войсками фронта (армии) в начале войны во фронте (армии) развертывался один полевой узел связи — УС штаба. Наличие во фронте (армии) единственного пункта управления, удаленного в ряде случаев на значительное расстояние от войск, стало одной из причин частых случаев потери управления войсками²⁴. Это привело к необходимости деления (эшелонирования) штатных сил и средств Полевого управления фронта (армии) и создания системы ПУ объединения²⁵. Неотъемлемыми элементами ПУ являлись узлы связи, которые классифицировались в соответствии с назначением пунктов управления. Так, при первом эшелоне штаба КП фронта (армии) развертывался основной узел связи (УС КП) с задачей обеспечить военному совету и штабу устойчивую связь со старшим штабом, с соседями, подчиненными, взаимодействующими войсками и тылами²⁶.

Во втором эшелоне полевого управления фронта (армии) развертывался тыловой узел связи (ТУС) с основной задачей обеспечить управление тылом и внутреннюю связь на пункте управления. Кроме того, с помощью ТУС могло обеспечиваться управление подходящими резервами и войсками, совершающими перегруппировку, а также управление фронтом (армией) в случае отхода войск²⁷.

Для обеспечения управления войсками со вспомогательного пункта управления (ВПУ) и с наблюдательного пункта командующего (НП) были созданы УС ВПУ и УС НП фронта (армии).

В целях повышения живучести основных узлов и обеспечения непрерывности управления войсками в случае выхода их из строя в ходе войны стало правилом на удалении 8–12 км от УС КП развертывать запасные узлы связи (ЗУС)²⁸.

Вышеизложенная классификация узлов, сложившаяся по опыту двух лет войны, была узаконена директивой Главного управления связи Красной армии (ГУСКА) № 1072007 от 8 июня 1943 года²⁹.

Опыт первых же операций начального периода войны показал,

Количество связей, обеспечиваемых от УС КП фронта в годы войны

Этапы развития УС	Наименование операции	Наименование фронта	Кол-во проводных связей			Кол-во радиосвязей		
			ТГ	Из них Бодо	ТФ	Радионаправлений		Радиосетей
						Всего	Бодо-радио	
22 июня 1941 — 18 ноября 1942 г.	Московская битва	Западный фронт	32	10	5	8	—	6
		Северо-Западный фронт	6	5	8	1	—	5
	Приграничное сражение	Юго-Западный фронт	13	5	7	5	—	7
	Сталинградская битва	Южный фронт	10	5	5	3	—	5
	Донбасская операция	Калининский фронт	12	4	6	3	—	6
19 ноября 1942 — 31 декабря 1943 г.	Сталинградская битва	Сталинградский фронт	15	5	3	1	—	11
		Донской фронт	22	3	5	6	—	9
	Сталинградская битва	Центральный фронт	24	7	9	7	1	10
	Курская битва	Воронежский фронт	27	9	11	12	1	13
	Курская битва	Брянский фронт	15	4	4	6	1	7
1 января 1944 — 9 мая 1945 г.	Белорусская операция	3-й Белорусский фронт	23	9	12	10	2	14
		2-й Прибалтийский фронт	23	5	10	8	1	16
	Рижская операция	1-й Украинский фронт	30	18	10	28	6	11
	Висло-Одерская операция	1-й Белорусский фронт	34	16	15	22	5	13
	Висло-Одерская операция	Ленинградский фронт	17	5	26	5	2	8
9 августа 1945 — 3 сентября 1945 г.	Харбино-Гиринская операция	1-й Дальневосточный фронт	18	5	7	14	4	14
		2-й Дальневосточный фронт	8	4	5	9	4	9
	Сунгарийская операция	Забайкальский фронт	15	5	5	11	5	11

что УС КП играет в системе связи фронта (армии) исключительно важную роль. По данным исследования, проведенного в 1950-х годах Военно-научным управлением Генерального штаба, одной из основных причин потери управления войсками в первом периоде войны являлось неустойчивое функционирование узлов связи по причине их крайне низкой живучести³⁰. Анализ показывает, что в ходе войны по мере увеличения боевого состава фронтов и армий, усложнения задач по управлению войсками роль УС КП фронта (армии) постоянно возрастала. Об этом говорит и тот факт, что устойчивость и непрерывность управления войсками ставились командованием в прямую зависимость от эффективности боевого применения УС КП фронта (армии)³¹.

Основные информационные направления и количество различных видов связи, обеспечиваемых и организуемых в ходе войны от УС КП фронта и УС КП армии, а также средства проводной и тактико-технические данные радиосвязи приведены в табл. 1—4.

Из табл. 3 видно, что от фронто-

вого узла в среднем обеспечивалось 30—40 телеграфных и 10—20 телефонных связей по проводным средствам, а также 20—30 радиосвязей (10—20 радионаправлений и 10—15 радиосетей). Для организации внутренней связи на узле развертывались 3—4 телефонные станции общей емкостью 300—400 абонентов³².

От основного узла связи армии (табл. 4) обеспечивалось 13—17 телеграфных и 12—15 телефонных проводных связей, а также 10—15 радиосвязей. На узле развертывались основная телефонная станция и 2—3 подстанции общей емкостью до 150 абонентов³³.

Об объеме работы электрических средств связи УС КП фронта (армии) можно судить по следующим данным: так, среднесуточный телеграфный обмен по проводным линиям УС КП Ленинградского фронта в ходе Ленинградско-Новгородской операции по проводным линиям составил 275 тыс. слов и 370 тыс. слов по радиосредствам.

Кроме того, командованием и должностными лицами осуществлялось большое количество те-

леграфных переговоров, которые распределялись примерно следующим образом: с Генеральным штабом ВС — командующий фронтом, члены военного совета, начальник штаба фронта — 2—3 раза в сутки; начальники оперативного и разведывательного отделов, начальники (командующие) родов войск и служб — 3—4 раза; со штабами армий — командующий фронтом, члены военного совета — 2—3 раза в сутки; начальники оперативного и разведывательного отделов, начальники (командующие) родов войск и служб — 3—4 раза; со штабами армий — командующий фронтом, члены военного совета — 2—3 раза в сутки; начальник штаба фронта, начальники оперативного и разведывательного отделов — 3—5 раз; начальник Политического управления, начальники родов войск и служб — 2—3 раза³⁴. Время занятия телеграфных каналов в штабах фронтов и армий составляло 5—15 проц. от общего времени работы телеграфа. Так, в операциях 1944—1945 гг. в штабе армии за полмесяца в среднем проводи-

Количество связей, обеспечиваемых от УС КП армии в годы войны

Этапы развития УС	Наименование операции	Наименование армии	Кол-во проводных связей			Кол-во радиосвязей		
			ТГ		ТФ	Радионаправлений		Радиосетей
			Всего	Из них Бодо		Всего	Бодо-радио	
22 июня 1941 — 18 ноября 1942 г.	Клинско-Солнечногорская операция	16 А	6	1	7	—	—	7
	Ростовская наступательная операция	56 А	9	1	8	—	—	6
	Клинско-Солнечногорская операция	20 А	2	1	6	1	—	5
	Московская битва	33 А	10	1	—	—	—	6
	Сталинградская битва	63 А	10	2	5	—	—	5
19 ноября 1942 — 31 декабря 1943 г.	Курская битва	13 А	15	1	14	7	—	14
	Сталинградская битва	21 А	8	1	6	—	—	6
	Курская битва	57 А	9	1	10	—	—	8
	Донбасская операция	6 А	9	1	8	1	—	10
	Ворошиловградская операция	3 гв А	12	1	7	2	—	7
1 января 1944 — 9 мая 1945 г.	Львовско-Сандомирская операция	60 А	12	1	8	4	—	8
	Ровно-Луцкая операция	13 А	13	1	14	2	—	14
	Корсунь-Шевченковская операция	52 А	14	1	11	4	—	11
	Висло-Одерская операция	69 А	17	1	10	4	—	10
9 августа 1945 — 3 сентября 1945 г.	Яско-Кишиневская операция	46 А	13	1	9	3	8	9
	Хингано-Мукденская операция	39 А	3	1	1	2	1	20
	Хингано-Мукденская операция	36 А	2	1	3	5	—	13
	Харбино-Гиринская операция	25 А	3	1	2	7	1	11
	Сунгарийская операция	15 А	3	1	2	5	—	10
Хингано-Мукденская операция	6 гв. ТА	1	1	—	6	1	8	

лось 300—500 телеграфных переговоров с затратой на них 100—150 ч³⁵.

На заключительном этапе войны для прямых переговоров широко использовался и телефон. В штабе армии общее количество вызовов на одну линию составляло 80—120 в сутки, а средняя продолжительность переговоров по телефону равнялась 5—7 мин³⁶.

На пунктах сбора УС КП фронта и армии соответственно в сутки обрабатывалось 3000—7000 и 2000—4000 пакетов с боевой документацией³⁷.

Непрерывный рост потоков сообщений по управлению войсками фронта (армии)³⁸, а также значительное повышение требований к живучести и мобильности узлов³⁹ вызвали необходимость постоянного их совершенствования, которое осуществлялось по следующим основным направлениям⁴⁰: улучшение технической оснащенности узлов связи; развитие организационно-штатной структуры узловых частей связи; развитие организационно-техни-

ческой структуры узлов связи; совершенствование тактики боевого применения узловых частей связи.

НАЧАЛО Великой Отечественной войны совпало с третьим предвоенным перевооружением войск средствами связи. В предвоенные годы были разработаны и приняты на вооружение узловых частей связи фронта (армии) вполне современные и отвечающие своему назначению радиосредства — радиостанции РАТ, РАФ, РСБ. Наиболее удачной в конструктивном и эксплуатационном отношении была радиостанция РАТ, являвшаяся основным типом станции, предназначенной для связи штабов фронтов с Генеральным штабом. Здесь впервые была применена кварцевая стабилизация частоты. Сравнительно широкий диапазон (2,5—25 МГц) обеспечивал большой выбор частот для связи земной и пространственной волной. Тактико-технические данные радиосредств фронтового и армейского звена, принятых на воору-

жение к июню 1941 года, представлены в табл. 5.

Получили развитие и проводные средства связи. На смену устаревшим аппаратам Юза, Уитстона и Морзе стали поступать двукратные аппараты Бодо (2БДА-40) для связи в звене Генеральный штаб — фронт — армия и новый стартовый телеграфный аппарат СТ-35 (советский телетайп) для звена корпус и выше. Промышленностью начал осваиваться выпуск унифицированных телефонных аппаратов с фоническим и индукторным вызовом — УНАФИ. Тактико-технические данные некоторых средств проводной связи, состоявших на вооружении узловых частей к июню 1941 года, см. в табл. 6.

Вместе с тем темпы перевооружения частей связи новой техникой были очень низкими. Возможности промышленности по производству средств связи были малы и не могли удовлетворить потребности армии в случае войны. Напряженность в обеспечении войск техникой связи особенно остро

Средства проводной связи, состоявшие на вооружении узловых частей фронта (армии)

Тип аппаратуры	Масса, кг		Практический обмен, групп/в ч	Время развертывания	Дальность действия, км			Необходимые виды питания	Перехват текста на линии
	в упаковке	без упаковки			по кабельным линиям	по шестовым линиям	по ПВЛС (постоянные воздушные линии)		
1. Морзе	23	19	400	5—10 мин	55	115	450	Одна линейная батарея на одной из станций	Легко осуществ.
2. СТ-35	40	28	1000	15—20 мин	35	100	250	Линейное питание и моторное	Легко осуществ.
3. Бодо-2-кр. дуплекс стационарный	1100	600	3500	4—6 ч	—	—	400—600	Местное линейное и моторное	Затруднен
4. 2 БДА-40	320	320	3500	20—30 мин	—	—	400—600	Моторное, линейное	Затруднен

Примечание. Перед войной было изготовлено всего два опытных образца 2 БДА-40. Один из них применялся на Ленинградском фронте, а другой — на Юго-Западном (ЦАМО СССР. Ф. 71. Оп. 12173. Д. 685. Л. 143).

Таблица 6

Тактико-технические данные радиостанций оперативного звена управления, принятых на вооружение к 1941 году

Тип радиостанции	Назначение радиостанции	Выходная мощность, Вт	Дальность действия, км		Диапазон волн, м	Число фикс. волн	Источники электропитания	Тип антенны, высота мачт	Способ транспортировки	Состав команды	Среднее время развертывания
			Телеграф	Телефон							
РАТ	Радиостанция сети Генштаба	1000	1000	600	25—120	381	Бензоэлектрический агрегат	Вертикальный диполь 20 м	3 автомашины	17 человек	2 ч
РАО-КВ	Радиостанция сети фронт-армия	400—500	До 600	До 300	25—120	381	Бензоэлектрический агрегат	Вертикальный луч или штырь 10 м	2 автомашины	5 человек	10—12 мин
РСБ-Ф	Радиостанция сети армии, корпуса	40—50	До 60	До 30	25—120	381	Бензоэлектрический агрегат	Вертикальный луч 10 м, штырь 4 м	1 автомашина	4—5 человек	10—12 мин

стала ощущаться в период мобилизационного развертывания Советских Вооруженных Сил (с осени 1939 по июнь 1941 г.). За это время общая численность армии и флота возросла в 2,8 раза. По основным видам техники связи в войсках имелся значительный некомплект и большое количество устаревших образцов. Кроме того, крупным недостатком в техническом оснащении полевых узлов связи фронта (армии) являлось то, что весь парк телеграфно-телефонной аппаратуры не был приспособлен к эксплуатации в полевых условиях.

Подобное состояние обеспечения армии средствами связи накануне войны объяснялось не только экономическими трудностями, которые испытывала страна перед войной, но и явной недооценкой роли военной связи. Так, просьбы начальника Управления связи Красной армии о наращивании мощностей заводов, производивших средства военной связи,

дважды отклонялись со ссылкой на то, что средства нужны для производства других видов военной продукции. Кроме того, в 1938—1939 гг. несколько заводов, производивших средства связи для армии, были переоборудованы под выпуск других видов вооружения.

Просчет заключался, прежде всего, в том, что наше военное руководство переоценило роль общегосударственных средств связи в управлении войсками фронтов и армий, считая вопросы оснащения частей связи делом второстепенным. Так, осенью 1940 года Комитет обороны, рассмотрев план поставок средств связи на 1941 год, большой их процент наметил выделить различным невоенным наркоматам: путей сообщения, внутренних дел и связи.

В начале войны положение со средствами связи усугубилось из-за больших безвозвратных потерь и резкого сокращения их поставок

промышленностью. Предприятия, производящие военную технику связи, пришлось эвакуировать в восточные районы страны. Из 31 завода, выпускавшего военную технику связи, нормальную работу по выпуску радиостанций фронтового и армейского звена в это время мог продолжать только Горьковский завод.

На начальный период войны приходилась и основная доля безвозвратных потерь техники связи. Это объясняется, прежде всего, нерациональным размещением мобилизационных запасов, которые в большинстве своем были потеряны на складах западных военных округов в первые же дни войны.

Для того чтобы исправить положение дел с производством и снабжением армии техникой связи, правительство вынуждено было принять ряд чрезвычайных мер: во-первых, постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) № 1112 от 6 января 1942

года промышленность, производившая средства связи, в части материально-технического и рабочего снабжения была приравнена к заводам Наркомата авиапромышленности. Запрещалась мобилизация инженерного состава, рабочих и автотранспорта с предприятий, производивших средства военной связи;

во-вторых, было принято решение об изъятии части средств связи из народного хозяйства. Это помогло в обеспечении фронтовых и армейских узлов радиостанциями, телеграфными аппаратами и телефонными коммутаторами;

в-третьих, по решению ГКО (постановление № 1117 от 21 января 1942 г.) был создан телефонно-те-

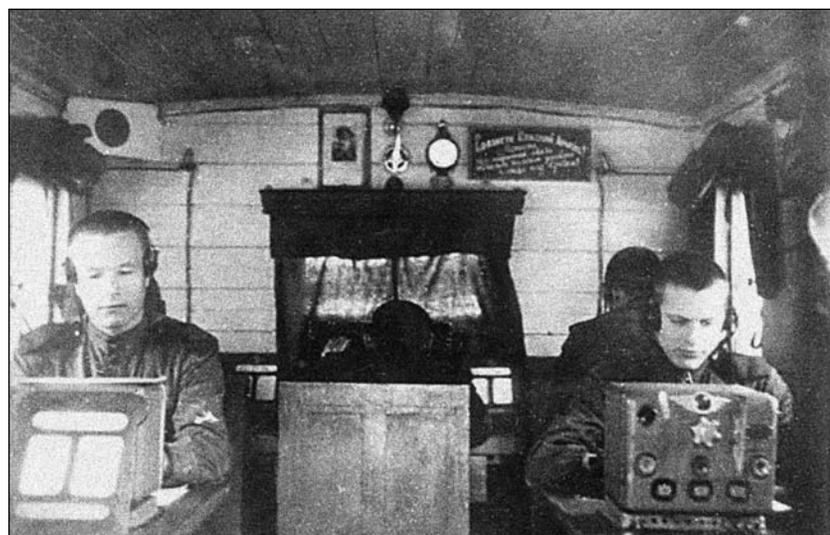
Сержант Максимович за работой на аппарате Бодо
1942–1943 гг.

Радиоприемная манипуляционная аппаратура, изготовленная в полевых условиях

чатание по радио. Изготовленные перед войной два экспериментальных образца аппаратуры «Алмаз» с началом боевых действий были установлены на радиостанциях РАТ Генерального штаба и Западного фронта. Работа первых образцов новой аппаратуры получила высокую оценку, что дало возможность организовать ее серийное производство. К началу 1943 года аппаратура «Алмаз» имела на основных узлах связи всех фронтов. Летом этого же года буквопечатание по радио стало применяться и в звене штаб фронта — штаб армии. Для этой цели была разработана аппаратура «Карбид», работающая по радиоканалу, образованному радиостанциями РАФ-КВ-4.

Усилия научно-исследовательских учреждений и промышленных предприятий также направлялись на то, чтобы приспособить аппаратуру к эксплуатации в полевых условиях. Основными достоинствами вновь разрабатываемой и модернизируемой техники производной связи являлись: сравнительно небольшая масса и малое время, необходимое для ее развертывания. Например, масса созданного в 1943 году телеграфного аппарата Бодо 2БДА-43 была уменьшена по сравнению с предыдущими образцами в три раза, а время развертывания комплекса сократилось с 6 ч до 20–30 мин.

Другим важным направлением

леграфный завод № 1 НКО. Завод достаточно быстро наладил производство и уже к концу 1942 года выпустил 130 тыс. телефонных аппаратов, 210 коммутаторов и 20 комплектов Бодо, т.е. почти столько, сколько производили тогда все заводы других наркоматов, вместе взятые.

Отсутствие необходимых коммутационных устройств на узлах вызвало необходимость разработки и внедрения в производство упрощенных типов телеграфных коммутаторов для узлов связи фронта — ТКФ-30/60, армии — ЛБК-19.

Благодаря принятым мерам положение со снабжением средствами связи к лету 1943 года резко улучшилось. Накануне Курской битвы укомплектованность частей связи составляла 80–85 проц., а опс армий, действовавших на главном направлении, почти 100 проц. Полностью проблема обеспечения частей связи техникой была решена в 1944 году. Так, узловые части связи

фронтов и армий, участвовавшие в Белорусской операции, были укомплектованы радиосредствами на 100 проц., аппаратами Бодо — на 98 проц., аппаратами Ст-35 — на 88 проц. и Морзе — на 100 проц.

В ходе войны шла борьба не только за количественный рост средств связи, но и за улучшение их качественных показателей. Модернизации подверглись почти все радиосредства. В третьем периоде войны на фронтовых и армейских радиоузлах широко применялись автомобильные радиосредств являлись: более широкий диапазон частот, обеспечение радиосвязи без поиска и подстройки, значительное повышение помехозащищенности, надежности в работе.

Начиная с 1943 года в высших звеньях управления широкое распространение получило буквопе-

развития средств проводной связи была их унификация. Так, если к началу войны в частях связи имелось на вооружении 10 образцов полевых телефонных аппаратов отечественного производства и значительное количество иностранных модификаций, то к концу войны всего один — ТАИ-43.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны большое внимание уделялось изучению опыта войск по применению и эксплуатации средств связи в боевых условиях. С целью более полного изучения опыта войны летом 1944 года ГУСКА было принято решение о направлении в действующую армию комиссий из представителей ЦНИИИС РККА и промышленности. Перед комиссиями были поставлены задачи:

произвести осмотр, выборочное испытание практически каждого образца аппаратуры, состоящей на вооружении, и опрос специалистов, эксплуатирующих средства связи;

дать всестороннюю и обоснованную оценку каждому типу радиостанции, телеграфного аппарата, телефонного коммутатора и т.д.;

сформулировать конкретные предложения по улучшению тактико-технических и эксплуатационных характеристик существующих и рекомендации по разработке перспективных образцов средств связи.

Комиссией по изучению опыта эксплуатации радиосредств было обследовано два фронтовых и два армейских радиоузла (1-й Прибалтийский, 3-й Белорусский фронты). Кроме того, комиссии был представлен для изучения обобщенный материал управлений связи девяти фронтов по заранее разработанному вопроснику.

После завершения работ на фронтах материалы обследования были обсуждены на военно-научных конференциях в ЦНИИИС РККА в конце 1944 года и в Военной академии связи (ВАС) в начале 1945 года. В работе конференций принимали участие представители ГУСКА, войск связи фронтов, ЦНИИИС, ВАС, Наркомата электропромышленности, а также главные инженеры, конструкторы

и технологи ведущих предприятий, производящих военную технику связи. Материалы конференций легли в основу решений, определивших пути дальнейшего развития средств военной связи. Были приняты следующие решения:

прекратить производство ряда устаревших образцов (например, коммутаторы Р-20, Р-60);

модернизировать некоторые типы аппаратуры связи (Бодо, СТ-35 и др.);

наладить производство ранее разработанных образцов техники связи, серийный выпуск которых по тем или иным причинам налажен не был (коммутационные устройства ЛБК-20/12 и ТГСА, телефонные коммутаторы системы ЦБ-МБ, аппаратуру ВЧ-телефонирования и тонального телеграфирования, водно-соединительное оборудование);

разработать ряд новых образцов техники связи (типичные телеграфные и телефонные подвижные аппаратные, комплект контрольно-измерительной аппаратуры, аппаратуру автоматического засекречивания и др.).

Особо подчеркивалась необходимость унификации как основных узлов и деталей, так и всего аппаратного парка.

Работа, проделанная комиссией и военно-научными конференциями в годы войны, является примером гибкого и оперативного реагирования научно-исследовательских учреждений и промышленности на запросы войск.

Значительная работа по совершенствованию узловой техники связи проводилась и личным составом частей связи. Например, первые устройства дистанционного управления радиостанциями большой и средней мощности были разработаны войсковыми рационализаторами; аппаратные

подвижных узлов связи также создавались силами мастерских и частей связи.

Таким образом, основными направлениями совершенствования технической оснащенности УС КП фронта (армии) в годы войны являлись: увеличение поставок средств связи промышленностью; модернизация довоенных образцов аппаратуры связи с целью приспособления ее к условиям боевой обстановки.

Несмотря на ряд серьезных трудностей, испытываемых промышленностью в налаживании производства и модернизации средств связи в ходе войны, на заключительном ее этапе техническая оснащенность фронтовых и армейских узлов достигла такого уровня, который вполне соответствовал требованиям боевой обстановки.

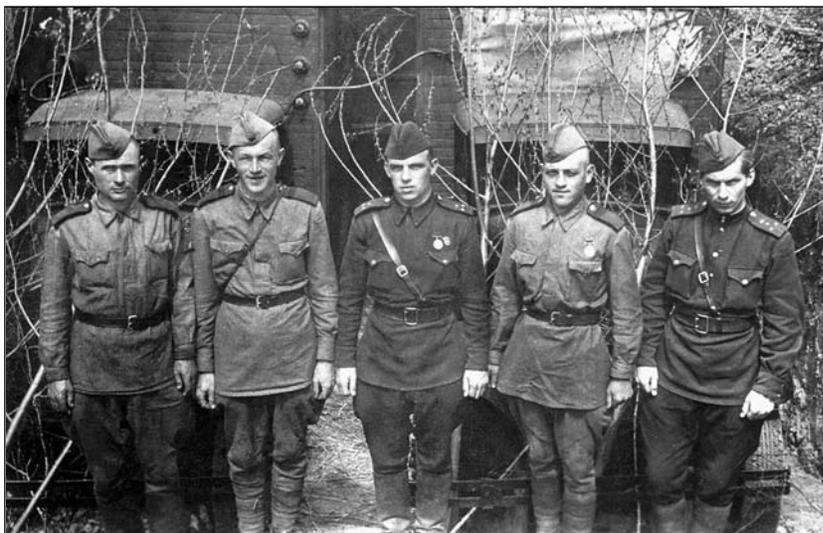
В предвоенные годы войска связи Красной армии состояли из частей и подразделений связи, которые организационно входили в состав соединений и частей различных родов войск и частей связи резерва Главного Командования (РГК).

К частям связи РГК относились все части связи центрального, окрестного и армейского звена.

В тактических соединениях и частях количество частей и подразделений связи соответствовало числу существующих соединений и частей. Эти подразделения и части связи предназначались для обеспечения связи соединениям как в мирное, так и в военное время. Их структура в мирное время не имела принципиальных отличий от организации, принятой для войны.

По другому обстояло дело с частями связи резерва Главного Командования. В мирное время они готовили кадры специалистов для

Экипаж радиостанции, отлично обслуживающий радиосвязью командование Сталинградского фронта. В центре начальник радиостанции старший лейтенант Сакович (66-й ОПС) 1943 г.

будущих формирований, обеспечивали проведение боевой подготовки в военных округах, а также несли специальную службу по заданию Генерального штаба. Эти части содержались по штатам мирного времени, которые по своей организационно-штатной структуре коренным образом отличались от штатов военного времени. По существу, они являлись лишь базами будущих формирований, готовившими кадры для частей, развертываемых при мобилизации. Соотношение кадрового состава к приписному в этих частях составляло 1 : 5, что могло быть в крайнем случае приемлемым лишь для объединений второго оперативно-стратегического эшелона, но не для войск приграничных военных округов.

Непосредственно перед началом войны части связи РКГ состояли из 19 отдельных полков связи (14 окружных и 5 армейских), 25 отдельных батальонов связи, 17 стационарных узлов связи (1 узла НКО и 16 окружных), 1 роты световой сигнализации и 25 складов связи. Общая численность личного состава всех частей связи РКГ достигала примерно 45—47 тыс. человек при некомплекте офицерского состава 24 проц. и сержантов — около 10 проц. Так, вооружение окружного полка связи, насчитывавшего 1510 человек и имевшего в своем составе 4 батальона и полковую школу, позволяло с трудом обеспечить одно положение узла связи.

Надо отметить, что развертывание с началом боевых действий фронтовых и армейских частей связи в западных приграничных военных округах было сорвано, вследствие чего начальники связи фронтов и армий первого стратегического эшелона не имели всего комплекта положенных им частей связи, а узловые части (опс и обс) вынуждены были действовать в том составе, в каком их застала война. Например, Прибалтийский Особый военный округ, на базе которого был развернут Северо-Западный фронт, никаких преобразований согласно мобилизационному плану осуществить не сумел, если не считать, что 17-й опс округа по прибытии в Новгород был переименован в 32-й опс фронта.

Содержание и характер начального периода войны показали, что организационно-штатная структура узловых частей связи фронта (армии) мирного времени не должна существенно отличаться от организационно-штатной структуры, планируемой на военное время.

Для обеспечения боевого применения УС КП фронта (армии) по расчетам Генерального штаба предполагалось развернуть 37 отдельных полков связи (8 фронтовых и 29 армейских) и 6 отдельных радиодивизионов. Опыт первых недель войны показал, что этого количества частей связи было явно недостаточно. Объяснялось это, прежде всего, формированием значительно большего, чем предполагалось, числа оперативных объединений. Кроме того, некоторым фронтам, имеющим большой состав, приходилось выделять два узловых полка связи. Поэтому уже 4 июля 1941 года начальник связи Красной армии вынужден был просить Генеральный штаб о дополнительных формированиях. При этом временно для некоторых армий вместо полков создавались отдельные батальоны связи. Полностью укомплектовать фронты и армии узловыми частями удалось лишь к началу 1942 года. На 1 января 1941 года в Красной армии имелось 69 отдельных полков связи, а по мере дальнейшего развертывания Вооруженных сил их число достигло 103 (на 1 января 1944 г.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС). Ф. 10р. Оп. 1. Д. 63; *Пересыткин И.Т.* Связь в начальный период войны. М.: Воениздат, 1960. С. 168; *История военной связи.* М.: Воениздат, 1984. Т. 2. С. 368; *Гапич Н.И.* Некоторые мысли по вопросам управления и связи // *Воен.-истор. журнал.* 1965. № 7. С. 46—55.

² *История военной связи.* Т. 2. С. 366—368.

³ *Пересыткин И.Т.* Указ. соч. С. 368.

⁴ *Гапич Н.И.* Указ. соч. С. 47; *Пересыткин И.Т.* Указ. соч. С. 137.

⁵ *Жарский А.П., Зайцев В.П.* Фронтовые и армейские узлы связи в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Л.: ВАС, 1985. С. 92.

⁶ *Пересыткин И.Т.* Указ. соч. С. 365.

⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 10р. Оп. 1. Д. 63.

⁸ *Марамзин В.А.* История развития методов управления войсками в операциях Великой Отечественной войны. М.: ВАГШ, 1976. С. 18.

⁹ Связь в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. (Ставка-фронт). Л.: ВАС, 1961. С. 30.

¹⁰ Там же.

¹¹ *История военной связи.* Т. 2. С. 53.

¹² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 10р. Оп. 1. Д. 63; *Наставление службы связи (проект).* М.: Воениздат, 1941.

¹³ *Наставление по телеграфной службе.* М.: Воениздат, 1941. С. 218.

¹⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 10р. Оп. 1. Д. 63. Л. 14.

¹⁵ *История военной связи.* Т. 2. С. 54.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Работа пункта сбора донесений и службы посыльных.* М., 1939.

¹⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 10р. Оп. 1. Д. 13. Предложения и выводы об использовании опыта войны с белофиннами по службе связи Красной армии.

²⁰ *Усов В.И., Кисляков П.Д.* Управление и связь по опыту Второй империалистической войны // *Военная мысль.* 1940. № 11—12. С. 77—97.

²¹ *Жарский А.П.* Фронтовые (армейские) УС по опыту начального периода Великой Отечественной войны. Л.: ВАС, 1984.

²² Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО РФ). Ф. 71. Оп. 12169. Д. 30. Л. 37.

²³ Служба и войска связи в Отечественной войне // *Сб. УИОВ ГШ № 23.* М., 1947. С. 95—131.

²⁴ *Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.* М., 1962. Т. 1. С. 47.

²⁵ *Марамзин В.А.* Указ. соч. С. 34.

²⁶ Краткие выводы по службе связи Красной Армии за девятимесячный период Отечественной войны с немецкими захватчиками (июнь 1941 — март 1942). М.: Воениздат, 1942. С. 61.

²⁷ Там же.

²⁸ Узлы связи штабов фронта и армии // *Сб. УИОВ ГШ № 4.* М.: Воениздат, 1943. С. 102—121.

²⁹ *Жарский А.П., Зайцев В.П.* Сборник руководящих документов по управлению и связи в годы Великой Отечественной войны. Л.: ВАС, 1984. С. 150.

³⁰ *Советское военное искусство...* Т. 1.

³¹ *Жарский А.П., Зайцев В.П.* Сборник руководящих документов... С. 137.

³² Проводные узлы связи фронта и армии. Информационный бюллетень штаба войск связи Сухопутных войск № 9. М., 1946. С. 58.

³³ ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12169. Д. 30. Л. 7.

³⁴ Служба связи Красной Армии по опыту двух лет Отечественной войны. М.: Воениздат, 1943. С. 320.

³⁵ *Жарский А.П.* Узлы связи во фронтовых и армейских операциях Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Л.: ВАС, 1984. С. 4.

³⁶ *Пересыткин И., Бульчев И.* Связь, как средство управления войсками // *Военная мысль.* 1947. № 5. С. 13—28.

³⁷ Там же.

³⁸ *Жарский А.П., Мякотин А.В.* Совершенствование боевого применения фронтовых (армейских) узлов связи пунктов управления по опыту Великой Отечественной войны. Киев, 1984. С. 10.

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Жарский А.П., Зайцев В.П.* Фронтовые и армейские узлы связи в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Л.: ВАС, 1985. С. 92.

*Подполковник запаса
А.П. ЖАРСКИЙ,
кандидат военных наук
(Санкт-Петербург)*

(Окончание следует)

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
ПОСВЯЩЕННАЯ 90-летию
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

СОСТОЯЛАСЬ международная научная конференция «Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов». Со вступительным словом к ее участникам обратился директор Института всеобщей истории Российской академии наук (РАН) академик РАН, доктор исторических наук А.О. Чубарьян. С научными докладами выступили: руководитель Федерального архивного агентства член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор В.П. Козлов — «Документы Архивного фонда Российской Федерации по истории Первой мировой войны» и заведующий отделом Института всеобщей истории РАН доктор исторических наук В.А. Мальков — «Новые подходы в изучении истории Первой мировой войны»; с научными сообщениями: начальник отдела Российского государственного военного архива (РГВА) кандидат исторических наук Н.С. Тархова — «Деятельность Военно-исторической комиссии по описанию войны 1914—1918 гг.»; ведущий научный сотрудник Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации (ИВИ МО РФ) кандидат исторических наук В.А. Авдеев — «Первая мировая война глазами русского зарубежья»; помощник директора Архива Сербии и Черногории доктор наук М. Милошевич — «Россия конца Первой мировой войны в документах Архива Сербии и Черногории»; директор Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) И.О. Гаркуша — «Российский государственный военно-исторический архив — крупнейшее хранилище документальных источников по истории Первой мировой войны»; доктор философских наук, профессор генерал-майор в отставке И.С. Даниленко — «Первая мировая война на советских и зарубежных военных исследованиях»; ведущий научный сотрудник Национального архива Республики Беларусь, доктор наук В. Скалабан — «Белорусские беженцы Первой мировой войны: перспективы изучения»; начальник отдела информационного обеспечения и публикации документов РГВИА В.М. Шабанов — «Документальные источники о Георгиевских кавалерах периода Первой мировой войны в Российском государственном военно-историческом архиве»; главный редактор «Военно-исторического журнала» капитан 1 ранга И.А. Анфертьев — «История Первой мировой войны на страницах "Военно-исторического журнала"»; ведущий специалист РГВИА Ю.В. Киреева — «Документы Российского государственного военно-исторического архива об иностранных военнопленных в России в годы Первой мировой войны»; ведущий научный сотрудник ИВИ МО РФ кандидат исторических наук, профессор генерал-лейтенант в отставке В.Т. Иминов — «Эволюция военного искусства в годы Первой мировой войны»; кандидат исторических наук В.В. Крылов — «Документальные публикации по истории Первой мировой войны: ар-

хеографический и историографический аспект»; начальник отдела ИВИ МО РФ доктор исторических наук, профессор полковник В.В. Ионов — «Подготовка русской армии накануне Первой мировой войны»; директор Института современной истории в Белграде доктор наук, профессор Н. Попович — «Русско-сербские отношения накануне и в период Первой мировой войны»; кандидат исторических наук О.В. Павленко — «Славянские геополитические проекты накануне и в период Первой мировой войны»; директор архива Королевского музея армии и военной истории Бельгии Р. Бойен — «Бельгийские броневики в российской армии во время Первой мировой войны»; историки из Военно-исторического института и музея Министерства обороны Венгрии доктор наук Т. Балла и доктор наук Г. Кисс — «Жизнь австро-венгерских солдат на восточном фронте в 1914—1917 гг.»; научный сотрудник Института украиноведения НАН Украины К.Е. Науменко — «Украинские военные формирования австро-венгерской армии в Первой мировой войне по документам архивов Украины»; главный редактор журнала «Исторический архив» доктор исторических наук, профессор А.А. Чернобаев — «Человек на войне: эволюция общественно-политических взглядов (на примере биографии А.И. Тодорского)»; директор Института новейшей истории Словении доктор исторических наук Я. Фишер — «Российские военнопленные на территории Словении»; доктор юридических наук, профессор капитан 1 ранга в отставке В.П. Галицкий — «Защита юридических прав военнопленных в ходе и после Первой мировой войны»; научный сотрудник Института новейшей истории Словении доктор исторических наук Д. Гуштин — «Словенцы — солдаты австро-венгерской армии в войне с Россией в 1914—1918 гг.»; научный сотрудник Государственного архива Хорватии Д. Микшич — «Русские и хорватские военнопленные по документам Государственного архива Хорватии»; старший научный сотрудник ИВИ МО РФ полковник И.Я. Куминов — «Особенности применения военной техники и оружия в Первой мировой войне»; ведущий специалист РГВИА М.С. Нешкин — «Выдающиеся русские авиаторы в годы Первой мировой войны (по материалам РГВИА)»; начальник отдела ИВИ МО РФ полковник А.Ю. Лашков — «Организация противовоздушной обороны военных объектов действующей армии и глубокого тыла России в годы Первой мировой войны»; руководитель Военно-исторического центра г. Сморгони Гродненской области Республики Беларусь В.Н. Лигута — «810-дневное сражение за г. Сморгонь в 1915—1917 гг.»; начальник архивного отдела администрации Балашихинского района Московской области кандидат исторических наук С.Г. Нелипович — «Противовоздушная оборона Варшавы в 1914—1915 гг. (по документам РГВИА)»; начальник отдела ИВИ МО РФ полковник В.Л. Герасимов — «Морская авиация России в годы Первой мировой войны»; сотрудник РГВА кандидат философских наук А.Р. Ефименко — «Русские войска на Салоникском фронте между двумя революциями: "Либераль-

ные опыты" над армией в 1917—1918 гг. по материалам штаба 2-й Особой пехотной дивизии»; ведущий научный сотрудник ИВИ МО РФ кандидат исторических наук, доцент Т.М. Симонова — «Проблемы русских военнопленных в лагерях на территории Германии и Австро-Венгрии»; доктор исторических наук, профессор В.Ф. Ершов — «Общество российских ветеранов Первой мировой войны в эмиграции по материалам Русского заграничного исторического архива».

Итоги работы подвели академик РАН А.О. Чубарьян и член-корреспондент РАН В.П. Козлов.

* * *

**ПАМЯТИ ПОДВОДНИКОВ-
ЧЕРНОМОРЦЕВ**

В НОВОРОССИЙСКЕ прошла научно-практическая конференция «Из глубин Цемесской бухты к событиям забытой истории», посвященная истории подводного флота Черного моря. Ее организовал Новороссийский государственный исторический музей-заповедник (директор Л.А. Колбасина) совместно с общественными организациями города: историческим обществом (председатель С.Г. Новиков), клубом истории флота (председатель В.С. Шикин), краевой организацией «Ветераны подводного флота». На конференции были приглашены историки, краеведы, офицеры и матросы флота, морской погранохраны, ветераны вооруженных сил, работники музеев, библиотек, школ города.

Началось мероприятие под звук судового колокола подводной лодки. С приветственным словом выступил председатель Новороссийского клуба истории флота В.С. Шикин. Затем краевед С.А. Санеев представил доклад о подводниках Первой мировой войны, подводном флоте Белой армии, создании в Новороссийске в 1919 году военно-морской базы. Заместитель директора музея по научной работе подполковник запаса Л.А. Степко кроме освещения темы «Якоря на подводных лодках» затронул проблему создания учебного дивизиона подводных лодок, который базировался в городе в 1940—1942 гг., а также охарактеризовал некоторые экспонаты музея. Бывший морской летчик П.Н. Таламанов остановился на деятельности черноморских подводных лодок в годы Великой Отечественной войны. Литератор В.Б. Пахомов выступил с докладом о подводных лодках типа «М» — «Малютка». Капитан 3 ранга запаса Н.И. Перевозный поделился воспоминаниями о своей службе шифровальщиком на подводной лодке Щ-201 в годы Великой Отечественной войны, боевом прошлом своих товарищей. Все присутствовавшие почтили минутой молчания память подводников, погибших при защите нашей Родины. Завершилась конференция выступлением командира подводной лодки капитана 1 ранга запаса В.И. Тихоновского о послевоенном развитии Черноморского флота. В дар музею-заповеднику докладчик передал написанные им картины.

ВОСПИТЫВАТЬ ГРАЖДАН, А НЕ ДИССИДЕНТОВ

Из опыта работы
военно-
исторических
музеев

МНОГОПЛАНОВАЯ деятельность военных музеев строится на основе как самостоятельных исследований своих, накопленных собственным трудом музейных материалов и коллекций, так и творческого использования достижений профильной науки — истории. Ее влияние на содержание музейной работы за последнее время ощутило возросло. Крутой поворот в социально-экономическом развитии страны в начале 1990-х годов сопровождался пересмотром оценки некоторых событий и их активных участников, рассекречиванием и освоением новых архивных материалов, расширением тематики исследований, что имело определенное положительное значение. Вместе с тем этот процесс, как известно, в некоторых средствах массовой информации сопровождался необъективной критикой прошлого, огульным отрицанием всего положительного, что было достигнуто в советский период, негативным освещением истории Великой Отечественной войны.

Наряду с этим со второй половины 90-х годов прошлого века пошла новая, в некотором смысле уже обратная волна трансформации исторического знания, усилилась борьба с фальсификаторами истории. В отечественной историографии наметились некоторые позитивные сдвиги в сторону более объективного отражения истории. Так, Институт военной истории (совместно с учеными Российской академии наук, работающими в Институте всеобщей истории, Институте российской истории, Институте славяноведения) подготовил и опубликовал такие фундаментальные труды, как «Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки» в 4 томах (1998—1999), «Военная история России»¹. В 90-е годы XX века вышли в свет 27 томов (50 книг) Русского архива, посвященных Великой Отечественной войне и содержащих ценные архивные материалы, в том числе уникальные документы, ранее не доступные историкам. Высокую оценку специалистов получило новаторское исследование, посвященное трудовому

подвигу советского народа в восстановлении страны, укреплению и возвышению СССР после Победы².

На Международной конференции «1941 год. Мир в огне. Новые документы. Новые подходы» (май 2001 г.) в докладах и выступлениях президента Ассоциации историков Второй мировой войны профессора О.А. Ржевского, пре-

К 85-летию Центрального музея Вооруженных сил

зидента Академии военных наук генерала армии М.А. Гареева, начальника Института военной истории МО РФ генерал-майора В.А. Золотарева, известного дипломата и ученого В.М. Фалина и ряда других участников были подведены некоторые итоги новых военно-исторических исследований, разоблачены происки фальсификаторов, отмечены недостатки в преподавании истории в школе, подвергнуты критике попытки некоторых зарубежных и отечественных историков и СМИ принизить значение нашей Победы.

Внимание широких кругов историков, сотрудников музеев привлек фундаментальный труд³, в котором на основе анализа большого количества документов (значительная их часть опубликована впервые) с позиций современных научных знаний дана объективная картина событий, в том числе Великой Отечественной войны. Завершилась многолетняя работа большого коллектива ученых по созданию 8-томной Военной Энциклопедии — систематизированного свода военных знаний, отражающего их современный уровень.

ОСУЩЕСТВЛЯЮТСЯ мероприятия по выполнению решения Правительства РФ от 30 августа 2001 года о преподавании отечественной истории. Комиссия, созданная по инициативе Российской академии наук, Российской академии образования и Минобразования РФ, подготовила Концепцию преподавания отечественной истории. 3 декабря 2001 года проблемы ее препода-

вания были обсуждены на Всероссийской научно-практической конференции, а затем в начале 2002 года — на «круглом столе». Опубликованы проблемные статьи по историографии⁴.

Подведены итоги объявленного Правительством РФ конкурса на лучший учебник по новейшей истории Отечества с объявлением победителя — коллектива авторов в составе Н.В. Загладина, С.Т. Минакова, С.И. Козленко и Ю.А. Петрова. По другим конкурсам первенство отдано еще нескольким учебникам, среди которых выделяются, прежде всего, «Отечественная история XX — начала XXI века» под редакцией А.О. Чубарьяна.

Авторы этих изданий стремились на деле реализовать указания правительства и выводы научно-практических конференций. Напомню главное: в принятых ими решениях отмечалось, что за последнее десятилетие появилась тенденция к истолкованию советского периода нашей истории исключительно с негативными оценками. Новое прочтение отечественной истории должно соответствовать правде жизни и способствовать установлению социального мира в стране. Школа и преподавание истории должны воспитывать граждан, а не диссидентов.

Как сообщалось в печати, экспертный совет Министерства образования РФ, учитывая протесты общественности, снял с учебника «Отечественная история XX века» И. Долуцкого гриф «рекомендован». Встречаясь с историками во время посещения Российской государственной библиотеки 27 ноября 2003 года, В.В. Путин отметил, что учебники истории «не должны становиться ареной для современной политической борьбы»⁵, а затем вновь поставил задачу по их совершенствованию.

ПРОБЛЕМА объективного освещения исторического прошлого имеет и внешнеполитический аспект, поскольку тенденциозность в оценке событий, в том числе Второй мировой войны, нередко мешает нормализации межгосударственных отношений. Например, Китайская Народная Республика протестовала против неверной оценки японской агрессии в школьных учебниках

этой страны. Совет Европы, изучив учебники истории ряда европейских стран, отметил недостатки этих пособий, призвал уважать историческую правду, поддерживать демократические преобразования, проявлять терпимость и взаимопонимание. Как сообщалось в печати, в марте 1998 года во время трехстороннего саммита лидеров России, Германии и Франции обсуждалась идея написания общего учебника истории Европы XX века. И еще один факт: РАН и Академия наук Украины создали совместную комиссию для выработки согласованных решений по ряду актуальных вопросов истории взаимоотношений братских народов и стран.

В январе 2003 года состоялось Всероссийское научно-методическое совещание «Проблемы методологии исследований, инновационные подходы и координация научно-образовательной деятельности в преподавании истории в высшей школе»⁶. Совещание приняло меры по повышению объективности и научного уровня исследований, отметив при этом возрастание роли истории, которая приобрела стратегическое значение для современной образовательной среды. Поскольку музейные коллективы в соответствии с Положением о музеях (ст. 13) решают свои задачи на основе исторической науки, руководители и сотрудники музеев армии и флота обязаны изучать новые материалы, труды, исследования по военной истории, использовать новые подходы в своей музейной практике и, прежде всего, в подготовке к 60-летию Победы.

ВАЖНО учитывать и те требования, которые предъявляет к деятельности музеев Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации, утвержденная правительственной комиссией 21 мая 2003 года. Она разрабатывалась в течение ряда лет межведомственной редакционной группой и существенно отличается от первоначального проекта, опубликованного в 1999 году. Концепция ориентирована на переоценку ряда традиционных представлений в области патриотического воспитания и создание условий для инновационных тенденций в организации, формах и методах практической деятельности по формированию патриотического сознания граждан РФ. Основным критерием результативности патриотического воспитания, как определяет Концепция, является «уровень патриотизма как одна из основных характеристик отдельной личности

и граждан Российской Федерации в целом, проявляющийся в мировоззрении, установках и ценностях, общественно значимом поведении и деятельности». Необходимо подчеркнуть, что в данной Концепции как официальном документе впервые мировоззрение определено в качестве одного из основных критериев уровня патриотизма и эффективности патриотического воспитания. Это очень важная установка, заслуживающая детального рассмотрения. Но одно не вызывает сомнения: сотрудники музеев должны повышать теоретический уровень проводимой работы, наряду с воспитательной усиливать внимание к образовательной функции музейной деятельности, к формированию исторического сознания военнослужащих, молодежи, всех групп населения.

В этом смысле полезно изучение опыта патриотического воспитания накануне и в ходе Великой Отечественной войны, когда в этих целях велась активная пропаганда не только героических традиций прошлого, не только боевых подвигов героев той войны, но и формировалось историческое сознание. Важную роль играл и «Краткий курс истории ВКП(б)», написанный при участии И.В. Сталина. «Будучи во многом грубым искажением исторической правды, — говорится в учебнике для 11 класса, — «Краткий курс» в преддверии войны выполнял особую роль. Он создавал цельный, хотя и упрощенный, образ прошлого, содействовал формированию у молодежи патриотического мировоззрения»⁷.

Это заставляет в свою очередь повышать уровень теоретической и методической подготовки музейных кадров, требует их умения находить, не копируя прошлый опыт, новые подходы к решению очень непростых воспитательных задач.

О чем конкретно идет речь?

В короткой статье невозможно дать полные, аргументированные ответы на все поставленные и возникающие вопросы. Тем более что еще не по всем позициям ученые достигли согласия. Выделим лишь главные проблемы, по которым уже определились новые подходы в их решении.

Об оценке Октябрьской революции. Она необходима как для целостной оценки советского периода, так и для четкого определения целей и задач Великой Отечественной войны, значения Победы. Ведь шел спор о том, что защищали в войне народ и его Вооруженные силы — «просто страну» или «завоевания революции». Директор Института российской исто-

рии член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров отмечал, что такая оценка невозможна «до тех пор, пока мы не ответим на еще один «проклятый» вопрос: о смысле Октябрьской революции и той системы государства и общества, которая строилась в нашей стране начиная с 1917 года и рухнула в начале 90-х годов»⁸.

Еще недавно многие СМИ осуждали революции и гражданские войны за их жестокость и кровопролитие. И ныне многие ученые отдают предпочтение реформам, но отмечают, что революции были объективной необходимостью и открывали простор для ускоренного развития не только в странах Запада, но и в России.

Ответственная комиссия, созданная РАН, Российской академией образования и Минобразованием РФ, в разработанной ею концепции, учитывая мнение многих историков, считает целесообразным не разделять Февральскую, Октябрьскую революции и Гражданскую войну, которые решали взаимосвязанные задачи коренного преобразования жизни страны и общества, а дать общее название — Великая Российская революция (хронологические рамки: февраль 1917 — 1921 г.)⁹. И примечательно, что это положение концепции постепенно находит свое отражение в новых учебниках по отечественной истории. Так, в одном из них, изданном под редакцией академика А.О. Чубарьяна, освещена роль революционных событий в «качественном изменении общества» со ссылкой на пример революции: Английской XVII и Великой французской XVIII веков¹⁰. В изданном в 2004 году учебнике «История России» А.А. Данилова, Л. Г. Косулиной, М.Ю. Брандта соответствующая глава уже названа так, как предложено в концепции — «Великая Российская революция». Значение последней, в частности ее Октябрьский период, высоко оценивается в некоторых других новых исторических трудах¹¹. Статья 112 Трудового кодекса РФ, утвержденной 30 декабря 2001 года, законодательно закрепила 7 ноября — годовщину Октябрьской революции — как День согласия и примирения, как нерабочий праздничный день.

О роли советской экономики в достижении Победы. После событий начала 1990-х годов со страниц периодических изданий и школьных учебников исчезли данные о высоких темпах развития экономики СССР. Но контрастные примеры правды развивается и на этом направлении. В новых исследованиях эти важные показатели заняли подобающее им мес-

Таблица

1913 год		1940 год	
Россия	5,3	СССР	17,6
США	35,8	США	28,7
Германия	15,7	Германия	13,3
Великобритания	14,0	Великобритания	9,2
Франция	6,4	Франция	4,5

то¹². Красноречивы сравнительные данные об удельном весе России и СССР в мировом промышленном производстве, приведенные в таблице (в проц.).

ПОЛЕЗНЫЕ данные о развитии экономики содержатся в таком авторитетном издании, как Новая Российская Энциклопедия. В ее 1-м томе (с. 370), например, отмечается, что рост промышленного производства в 1930-е годы в среднем на 15 проц. ежегодно был достигнут неимоверным напряжением сил всего населения СССР, сочетанием энтузиазма людей, вдохновенных идей строительства справедливого бесклассового общества, и приведением в действие мощных механизмов принудительного труда, а также минимальным обеспечением жизненного уровня населения и использованием зарубежной передовой техники и технологии.

Советская экономика к началу Великой Отечественной войны превзошла дореволюционный объем промышленного производства в 8 раз. Вот почему она смогла дать фронту боеприпасов в 14 раз больше, чем экономика царской России в годы Первой мировой войны¹³. Не менее убедительны и другие показатели. Например, если изготовление боеприпасов для наземных систем вооружения и авиации германской промышленности в период Второй мировой войны превышало тот же показатель времен Первой мировой в 2,6 раза, то объем соответствующего советского военного производства в 1941—1945 гг. был выше, чем в 1914—1917 гг. в 24,5 раза¹⁴. В целом же СССР в военные годы произвел вооружений в 2 раза больше, чем нацистская Германия; мы выпустили по врагу снарядов, сбросили бомб в 1,3 раза больше, чем израсходовал этих боевых средств противник¹⁵.

Об источниках героизма советских воинов. Одна из главных причин всенародного подъема, готовности бороться до конца состояла в том, что граждане СССР в своем большинстве были приверженцами социалистического строя с его принципами социальной справедливости. Они осознанно и самоотверженно защищали гарантированное «право на труд, бесплатное образование и здравоохранение, на отдых и доступ к достижениям

науки и культуры»¹⁶. Гитлеровский генерал Блюментрит, участвовавший в звании лейтенанта в Первой мировой войне на русском фронте, вынужден был признать, что советские воины, приверженные идеям социализма, воевали лучше солдат царской армии¹⁷.

И еще одно признание из «противоположного стана». В эмигрантском журнале «Новый путь», издававшемся под редакцией бывшего активного русского меньшевика Ф. Дана, 7 октября 1942 года в статье «Ничего нельзя понять в этом чуде, если закрыть глаза на тот факт, что при всех своих падениях, срывах, ошибках и даже преступлениях революция, начавшаяся четверть века назад, вошла в плоть и кровь народных масс; что при всех невзгодах, лишениях, страданиях... она дала им какие-то достижения и, быть может, еще больше — какие-то надежды, за которые массы держатся всеми фибрами своей души, которые в их глазах перевешивают все темные и тяжелые стороны ее, за которые они хотят идти на нечеловеческие муки, сражаться и умирать. Революция дала патриотизму народов Советского Союза новую великую идею — идею социального освобождения»¹⁸.

Вопрос о руководстве страной, ее Вооруженными силами в годы войны, ответ на который длительное время давался односторонне, с принижением роли политического и военного руководства СССР, или не звучал вовсе. И это, естественно, создавало трудности для музейных сотрудников. Ныне

определенно говорят, что вопрос о руководстве исключительно важен. Вспомните капитуляцию Франции, рухнувшую под первыми ударами нацистской Германии не потому, что у нее не было возможностей для дальнейшей борьбы. Нет, она имела первоклассную, хорошо вооруженную армию, желавшую сражаться с фашизмом. Был народ, победивший Германию в Первой мировой войне и готовый идти на жертвы ради победы. Но руководство страны преднамеренно вело дело к капитуляции (после окончания войны президент Франции Петен был осужден верховным судом и приговорен к смертной казни, замененной пожизненным

Обложка журнала «Бомбардир», издаваемого Военно-историческим музеем артиллерии, инженерных войск и войск связи

Первичная «санитарная» обработка извлеченного из болота танка Т-70

2001 г.

▲ Передача Центральному музею ВВС найденного поисковиками самолета Р-5 1996 г.
▲ Буклет выставки Русско-германского музея в Берлин-Карлсхорсте «Женщины в Красной Армии. 1941—1945»

заклЮчением, а премьер-министр Лаваль казнен как изменник).

В ряде новых изданий объективно освещается роль ВКП(б) и И.В. Сталина в достижении победы. Авторы книги «Война 1941—1945» делают вывод: «В центре системы находился Сталин. Государственник и полководец, он был ее единственным руководителем. С его именем связаны и трагедия, и победа в войне. Осознание справедливого характера войны и поддержка на этой основе своего правительства, вступление миллионов людей в ВКП(б) подтверждали, что народ связал с именем Сталина, с партией большевиков свою уверенность в разгроме агрессоров»¹⁹.

Не приходится удивляться, что эта тема постоянно дебатруется на страницах исторических изданий, отражается в новых исследованиях как за рубежом²⁰, так и особенно в нашей стране²¹.

РУКОВОДИТЕЛИ и сотрудники музеев признательны историкам за ту помощь, которую они, представители большой науки, своими новаторскими публикациями оказывают музейным работникам в определении новых подходов как в методологии, так и в решении перечисленных выше и других актуальных вопросов. В первую очередь эти слова благодарности адресованы авторам книг и статей, в которых мы находим ответы на интересующие нас вопросы, ученым Института военной истории МО РФ и редколлегии «Военно-исторического журнала», с которыми ЦМВС, другие военные музеи поддерживают постоянные

творческие связи. В подтверждение приведу пример успешного сотрудничества ЦМВС с учеными в определении новых подходов к углубленному пониманию вопроса о достоинстве и величии Победы в Великой Отечественной войне. Этот вопрос приобрел ныне, в период подготовки к 60-летию Победы, большую актуальность, поскольку есть силы, заинтересованные в принижении ее значения, чтобы свести все величие Победы, не говоря о главных слагаемых величайшего события, к водружению Знамени над рейхстагом и проведению Парада Победы.

Ни в Большой, ни в Малой, ни в Советской военной энциклопедиях, к примеру, нет даже определения (дефиниции) такого распространенного и многозначительного слова, как «победа». Разве что излагается обыденное представление о сущности этого понятия, ассоциируемого лишь с успешным завершением боевых действий. Вместе с тем известно, что юридически состояние войны прекращается лишь с подписанием мирного договора или другого соответствующего документа, которые и определяют, что конкретно означает победа в войне для той или иной воюющей стороны.

В 1999 году, когда в Центральном музее Вооруженных сил шла реконструкция зала Победы, этот вопрос приобрел для нас не только теоретическое, но и реальное, чисто практическое значение. Ответ был найден сначала в книге «Памяти павших», в главе, принадлежащей перу ведущего научного

сотрудника ИВИ академика РАЕН генерал-майора С.А. Тюшкевича, а затем в находившемся в то время в печати 6-м томе нового энциклопедического издания (статья доктора военных наук профессора полковника В.В. Круглова). Вот это определение: «Победа в войне — нанесение поражения противнику и достижение одной из воюющих сторон (государством, коалицией государств, политическим движением или организацией) политических и военно-стратегических целей войны. Непосредственным результатом победы является прекращение военных действий на условиях победителя, что оформляется двусторонним или многосторонним международно-правовым документом: актом о капитуляции, соглашением о перемирии, мирным договором и др.»²².

ГЛАВНОЕ в этом определении заключается в том, что победа в войне означает достижение не только военных (чем ныне обычно и ограничивается рассказ о победе), но и ее политических целей. А это значит, что, разгромив совместно с союзниками Германию и ее сообщников, СССР не только спас свою свободу и независимость, внес решающий вклад в освобождение ряда стран Европы и Азии, но и утвердил себя в новом международно-правовом и геостратегическом положении, вместе с союзными государствами осуществил меры по установлению послевоенного миропорядка, по искоренению фашизма и осуждению военных преступников; явился соучредителем и членом Организации

Объединенных Наций, стал постоянным членом Совета Безопасности ООН, где получил право вето при решении крупных проблем международной безопасности. В соответствии с решениями Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций и условиями Парижских договоров 1947 года Советский Союз получил самые справедливые границы, узаконил вхождение в свой состав Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины, Закарпатской Украины, области Петсамо (Печенга), Кёнигсберга и прилегающего к нему района, Южного Сахалина и Курильских островов; в порядке компенсации за понесенный ущерб от фашистской агрессии и оккупации СССР в соответствии с решениями Ялтинской и Потсдамской конференций получил репарации, демонтировал и ввез к себе 4389 предприятий из Германии, Польши (немецкая Силезия), Австрии, Венгрии, Чехословакии и Маньчжурии; получил одну треть трофейного военного и торгового флота. Победив врага, СССР стал второй сверхдержавой мира.

Благодаря поддержке главной редакции Военной Энциклопедии, с любезного согласия автора упомянутой статьи профессора В.В. Круглова интерпретация понятия «победа», сформулированного на основе исторических фактов, за два года до выхода в свет 6-го тома была введена в музейную практику ЦМВС, рассмотрена на научно-практическом семинаре начальников (сотрудников) военных музеев. В Информационно-методическом сборнике ЦМВС № 6 помещена соответствующая публикация, изготвлена и экспонируется в зале Победы карта «Изменение государственных границ в результате Второй мировой войны». Сотрудники музеев и многие историки проявили к этой теме живой интерес. Достаточно сказать, что положение о новом подходе к оценке величия Победы явилось темой выступления на двух военно-исторических конференциях и на «круглом столе», вошло в содержание шести статей по тематике Великой Отечественной войны и патриотического воспитания.

Но успокаиваться пока еще рано. Новый объективный подход к оценке величия Победы все еще медленно отражается в экспозициях ряда военных музеев. Судя по содержанию некоторых новых школьных учебников, их авторы не использовали данную статью из Военной Энциклопедии при написании глав о Великой Отече-

ственной войне. Впрочем, в наше время, когда научная литература издается удручающе малыми тиражами, это вполне объяснимо.

Потребуются, нетрудно предположить, еще некоторое время и определенные усилия, чтобы в деле утверждения исторической правды о Победе был сделан новый шаг, чтобы новое, подлинно научное понимание ее сущности, осознание ее величия вошли в сознание воинов Вооруженных сил, молодежи — всех граждан России. Ученым, и прежде всего историкам, многое предстоит сделать, чтобы новое определение Победы вошло в школьные и вузовские учебники, в пособия по общественно-государственной подготовке военнослужащих Вооруженных сил РФ, в труды по истории Великой Отечественной войны.

Однако есть и другая сторона вопроса о сотрудничестве — более широкое использование историками богатых возможностей исторических музеев: как их фондов, документирующих прошлое, так и результатов проведенных музейных исследований. Здесь накопился многолетний ценный опыт, о чем говорил еще в 1979 году, выступая на заседании ученого совета ЦМВС, известный ученый (в то время представитель Института истории АН СССР) А.П. Ненароков. «Ныне нельзя себе представить ни одного сколько-нибудь обобщающего труда по истории Гражданской и Великой Отечественной войн, — отмечал он, — который был бы подготовлен без обращения к работам научных сотрудников музея»²³. Его высказывание подтверждается многочисленными фактами, в том числе активным участием ЦМВС, других военных музеев в создании справочников о Героях Советского Союза, полных кавалерах ордена Славы, в издании Военной Энциклопедии, в публикациях на страницах исторических журналов.

К СЖАЛЕНИЮ, имеют место отдельные случаи, когда публикации военных музеев не вызывают должного внимания. Так, многие годы сотрудники ЦМВС, где находится на хранении священная реликвия — Знамя Победы, утверждают историческую правду о его водружении над рейхстагом, что нашло отражение и в новом энциклопедическом издании²⁴. Тем не менее в нескольких школьных учебниках по отечественной истории ошибочно трактуется, что событие произошло днем 30 апреля 1945 года, хотя уже давно доказано — Знамя Победы закреплено на крыше рейхстага примерно в 2 часа ночи

1 мая 1945-го (на купол рейхстага перенесено 2 мая). Это подтверждено и непосредственными участниками штурма Берлина и рейхстага, в частности Героем Советского Союза С.А. Неустроевым, который первым назвал упомянутые дату и время в открытой печати²⁵. Когда учащимся в школе говорят о знаменательном подвиге одно, а в музее другое, то это может породить сомнения и по другим вопросам военной истории и, таким образом, отрицательно сказываться на формировании исторического сознания подрастающего поколения. Расширение и углубление сотрудничества историков с военными музеями может и должно способствовать как повышению качества военно-исторических исследований, так и дальнейшему совершенствованию музейной деятельности.

Социологические исследования, проведенные в Москве и Рязани, показали, что среди всех учреждений, которые ведут патриотическое воспитание, музеи находятся на первом месте (это отметили 23 проц. участников опроса). Они значительно превосходят школы (15 проц.), в 4—5 раз перекрывают по этим показателям библиотеки (5 проц.), театры (5 проц.), клубы и дома культуры (4 проц.). Однако на Всероссийском семинаре-совещании организаторов патриотического воспитания (16—17 декабря 2002 г.), на совещании ректоров московских вузов, представителей военно-учебных заведений, школ, ветеранских и молодежных организаций столицы (12 марта 2003 г.) было высказано немало критических замечаний и о состоянии образовательно-воспитательной деятельности, и о настроениях молодежи, и о фактах противодействия со стороны некоторых СМИ.

В соответствии с Государственной программой «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001—2005 годы», тесно связанной с дальнейшим укреплением обороноспособности и безопасности страны, военным музеям предстоит принять участие в смотре их деятельности. А это значит: необходимо основательно потрудиться, чтобы активизировать по всем направлениям музейную работу, расширив ее размах в войсках и на кораблях, создавать новые и совершенствовать существующие исторически достоверные, художественно выразительные экспозиции и выставки, отражающие героическую историю наших Вооруженных сил, их исторические победы на фронтах Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Золотарев В.А., Саксонов О.В., Тюшкевич С.А. Военная история России. М.: «Кучково поле», 2001.

² Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М.: РОССПЭН, 2001.

³ Мировые войны XX века. В 4 кн. М.: Наука, 2002.

⁴ См.: Сахаров А.Н. О новых подходах к истории России // Вопросы истории. 2002. № 8; Поляков Ю.А. Как отразить многомерность истории // Новая и новейшая история. 2003. № 4.

⁵ Труд. 2003. 28 ноября.

⁶ См.: Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 3—28.

⁷ Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А. История Отечества. XX — начало XXI века. М.: «Русское слово», 2003. С. 220.

⁸ Версты. 2000. 6 мая.

⁹ См.: Отечественная история. 2002. № 3. С. 37, 51; Концепция преподавания отечественной истории XXI века. М.: «Русское слово», 2001. С. 12, 13.

¹⁰ Отечественная история XX — начала XXI века. М.: Просвещение, 2004. С. 48—75.

¹¹ См., напр.: Мировые войны XX века. Кн. 1. С. 395—400.

¹² Там же. Кн. 2. С. 355.

¹³ Жушевский А.С. Арсенал Победы // Воен.-истор. журнал. 1998. № 3. С. 10.

¹⁴ Алексеев В.А., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции. // Отечественная история. 2003. № 5. С. 11.

¹⁵ История военной стратегии России. М., 2000. С. 272.

¹⁶ Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. М.: Наука, 1999. С. 11.

¹⁷ См.: Анфилов В. Даже противник опровергает // Красная звезда. 1991. 12 февраля.

¹⁸ Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 463.

¹⁹ Кулков Е.Н., Мязков М.Ю., Ржевский О.А. Война 1941—1945. Факты и документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 192.

²⁰ См., напр.: Буллок Алан. Гитлер и Сталин: жизнь великих диктаторов. В 2 т. Смоленск: «Русич», 2000.

²¹ См., напр.: Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995; Вишнев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М.: Наука, 2001; Емельянов Ю.В. Сталин. Путь к власти. Сталин. На вершине власти. М.: «Вече», 2002; Карпов В.В. Генералиссимус. Калининград, 2002; Гарева М.А. Полководцы Победы и их военное наследие. М.: «Инсан», 2003.

²² Военная Энциклопедия. Т. 6. М.: Воениздат, 2002. С. 413, 414.

²³ Архив Центрального музея Вооруженных сил РФ. Оп. 6. Д. 43. Л. 120, 121.

²⁴ Военная Энциклопедия. Т. 3. М.: Воениздат, 1995. С. 292, 293.

²⁵ См.: Неустров С.А. О рейхстаге — на склоне лет // Октябрь. 1990. № 5. С. 130—144; Он же. Русский солдат: на пути к рейхстагу. Краснодар: «Советская Кубань», 1997.

**Полковник в отставке
Ф.В. ОВСЮК,
заслуженный работник
культуры РФ
(Москва)**

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

«ВОЕННОЕ ДЕЛО РОССИИ И ЕЕ СОСЕДЕЙ В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ»

В СООТВЕТСТВИИ с решением министра обороны Российской Федерации в первой половине 2005 года в г. Санкт-Петербурге, в Большом думском зале Таврического дворца планируется проведение международной научно-практической конференции «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем». В связи с этим в Москве под руководством заместителя начальника Генерального штаба ВС РФ кандидата политических наук, доцента генерал-полковника А.С. Скворцова состоялось организационное совещание межведомственной рабочей группы по подготовке конференции. В совещании приняли участие: кандидат военных наук полковник А.А. Кольцоков (Институт военной истории МО РФ); М.И. Ульянов (Департамент по вопросам безопасности и разоружения МИД); В.Е. Куприенко (Историко-документальный департамент МИД); генерал-майор В.М. Бурыкин (Главное управление кадров МВД); генерал-майор В.Н. Скрябин (управление воспитательной работы Внутренних войск МВД); доктор исторических наук, профессор А.Н. Кирпичников (Институт истории материальной культуры РАН); А.В. Горбунов (Государственный Бородинский военно-исторический музей); генерал-полковник в отставке В.Н. Веревкин-Рахальский (Российский комитет ветеранов войны и военной службы), а также полковник П.Н. Автомонов (штаб Ленинградского военного округа); капитан 1 ранга И.А. Анфертьев («Военно-исторический журнал»); доктор исторических наук генерал армии М.А. Гареев (Академия военных наук); полковник С.В. Кравченко (Редакционно-издательский центр МО РФ); доктор исторических наук В.М. Лавров (Институт российской истории РАН); доктор исторических наук, профессор Г.А. Куманев (Институт российской истории РАН); полковник П.М. Литвин (управление начальника вооружения МО РФ); А.Н. Наумов (Государственный музей-заповедник «Куликово поле»); А.Ф. Стронцкий (Совет безопасности РФ); подполковник Ю.Н. Лещенко («Военно-исторический журнал»); полковник С.К. Чистый (Главное управление воспитательной работы); О.Н. Хомич (Центральный музей Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.), сотрудники Института военной истории: кандидат исторических наук полковник И.И. Басик; кандидат психологических наук полковник В.А. Гаврилов; полковник В.Л. Герасимов; доктор исторических наук, профессор полковник В.В. Ионов; кандидат философских наук полковник В.М. Кашайкин; кандидат исторических наук полковник С.Н. Ковалев; кандидат исторических наук полковник М.Г. Лешин; кандидат исторических наук полковник В.Ю. Русанов; капитан 2 ранга А.Н. Спиринов; подполковник Д.К. Кратюк.

С докладом выступил генерал-полковник А.С. Скворцов «О концепции проведения конференции и ходе ее подготовки рабочей группой Министерства обороны Российской Федерации. Основные задачи, стоящие перед межведомственной рабочей группой», с докладом — А.Н. Кирпичников «Научный план проведения конференции и ее ожидаемые результаты».

На совещании обсуждалась концепция проведения международной научно-практической конференции, цель которой заключается в том, чтобы на основе введенных в научный оборот новых архивных материалов и документов проанализировать вопросы теории и практики строительства и деятельности военной организации Российского (Советского) государства и его соседей в мирное и военное время, извлечь необходимые уроки и сформулировать выводы по совершенствованию военной организации Российской Федерации, определить основные направления укрепления национальной безопасности государства и международного военного сотрудничества.

В подготовке конференции участвуют представители Совета Федерации и Государственной думы Федерального собрания РФ, Совета безопасности РФ, Министерства внутренних дел, Министерства иностранных дел, Федеральной службы безопасности, Министерства культуры и массовых коммуникаций, правительства Санкт-Петербурга, Российской академии наук, Российского комитета ветеранов войны и военной службы, а также Министерства обороны РФ, Генерального штаба, главных командований видов Вооруженных сил, Тыла Вооруженных сил, родов войск, штаба ЛенВО, Военной академии Генерального штаба, Института военной истории МО, Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба, Центрального музея Вооруженных сил и редакции «Военно-исторического журнала».

Для участия в конференции приглашены: представители Администрации Президента РФ, Министерства по чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий России, Росвоенцентра при Правительстве России, Российского организационного комитета «Победа», ведущие российские историки, ветераны войны, представители средств массовой информации, зарубежные делегации из стран — членов Организации Договора о коллективной безопасности (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Таджикистан), а также Азербайджана, Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германии, Грузии, Ирана, Китая, Латвии, Литвы, Монголии, Польши, Румынии, Сербии и Черногории, Соединенных Штатов Америки, Турции, Узбекистана, Украины, Финляндии, Франции, Эстонии и Японии.

На конференции предполагается заслушать доклад об исторической ретроспективе возникновения, формирования и развития военного дела в России (СССР) в его взаимосвязи с общемировыми процессами; особое внимание будет уделено историческим корням Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., а также периодизации развития военного дела в России (СССР) и его особенностям, наиболее характерным для нашего государства, опыту решения актуальных проблем военного дела на современном этапе и перспективе его развития с учетом прогнозируемых угроз безопасности России и мирового опыта; прозвучат содоклады о роли и месте военного дела в системе обеспечения национальной безопасности России; опыт законодательного обеспечения военного строительства; выступления о взаимосвязи внешней политики и военного дела; роли органов государственной безопасности в военной истории Отечества; опыт международно-правового обеспечения военного сотрудничества России с соседними государствами; об использовании зарубежного опыта в обеспечении внутренней безопасности государства; развитии военного дела в Древней Руси VI—XVII вв., Российской Империи, Советском Союзе и Российской Федерации в XVIII—XX вв. и советского военного искусства, военного строительства в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., истории создания, современном состоянии и перспективах развития отдельных видов и родов Вооруженных сил РФ, развитии военного дела в зарубежных странах.

Для участников конференции будет организовано посещение учебного центра Ленинградского военного округа с показом танкострелковой тренировки, войскового стрельбища и занятия по управлению огнем мотострелкового взвода в обороне, экскурсии в музей Санкт-Петербурга: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи и Центральный военно-морской музей. В период проведения конференции будут демонстрироваться экспозиции, посвященные различным аспектам развития военного дела и военного сотрудничества России (СССР) с зарубежными государствами. Для участников предполагается культурная программа: посещение Константиновского дворца, Петродворца, Петропавловской крепости, Эрмитажа и Мариинского театра, а также выступление Ансамбля песни и пляски Ленинградского военного округа. Будут также работать секции: «Вооруженные силы в системе безопасности государства», «Специальные службы и военная политика государства», «Военная сила в борьбе с терроризмом», «Военная промышленность в системе военной организации государства», «Роль науки в совершенствовании военного дела государства». Планируется возложить цветы на Пискаревском мемориальном кладбище.

М.М. ЛИТВИНОВ — И.В. СТАЛИНУ:

«Я СЧИТАЛ БЫ НЕПРАВИЛЬНЫМ ПЕРЕДАЧУ В ГЕРМАНИЮ ВСЕХ... НАШИХ ЗАГРАНИЧНЫХ ЗАКАЗОВ»

Мнение о том, что военно-техническое сотрудничество СССР со странами Запада в сфере авиации не оставило заметного следа в развитии советских ВВС, сегодня не выдерживает критики: СССР продолжал испытывать зависимость от зарубежных технологий и закупать технику и оборудование весьма длительное время.

Автор данной статьи на основе вновь открывшихся документов Наркомата обороны и последних исследований российских историков показывает структуру авиационно-технического импорта СССР вплоть до 1941 года и его влияние на становление ВВС Красной армии.

АНАЛИЗ документов Народного комиссариата военных и морских дел позволяет сделать вывод, что масштаб импорта самолетов, авиационного вооружения, моторов, различного оборудования и иного авиационного имущества был особенно велик в первое десятилетие после окончания Гражданской войны и значительно снизился в начале 1930-х годов. Все это так. Однако мнение комкора В.М. Гиттиса, возглавлявшего тогда Отдел внешних заказов НКВМ (Народный комиссариат военного машиностроения), что «с 1931 года прекращается совершенно наша зависимость от заграницы в отношении снабжения авиации самолетами и моторами», которое он высказал в докладной записке на имя заместителя председателя Революционного военного совета (РВС) Я.Б. Гамарника, представляется весьма поспешным. Действительно, по мере насыщения отечественных

Авиационный импорт СССР перед Второй мировой войной

ВВС самолетами, моторами, авиационным вооружением и оборудованием, закупленными в ряде стран Западной Европы, потребность в этом виде импорта стала заметно уменьшаться, но вскоре выяснилось, что полностью рассчитывать на собственную промышленность нельзя, особенно если речь идет о высоких технологиях и новых образцах техники и вооружения¹. Поэтому сделки с инофирмами оставались на достаточно высоком уровне, хотя массовыми их и нельзя было назвать². Зато приоритет теперь отдавался высокотехнологичному оборудованию. Так, согласно постановлению Комиссии обороны от 14 ноября 1932 года НКВМ и Народный комиссариат тяжелой промышленности (НКТП) весной 1933 года закупили у германских фирм «Телефункен», «Сименс» и «Фернзее» образцы новейших изобретений в области телевидения, телемеханики и радио для нужд Военно-воздушных сил: телевизионную установку для боевого самолета; 6 комплектов самолетных приемопередающих радиостанций для бомбардировочной, штурмовой и разведывательной авиации; 6 комплектов радиостанций для истребительной авиации; 10 комплектов приборов для ночных полетов; 2 комплекта аэродромно-самолетных радиостанций — всего на сумму 287 тыс. рублей³. Однако потребность в подобном оборудовании была настолько велика, что летом того же года начальник ВВС РККА А.Я. Алкснис за 392 тыс. рублей купил в Германии партию авиационных приборов для ночных и «слепых» полетов, причем сделка была заключена на 40—50 проц. ниже ры-

ночных цен⁴. Кроме того, значительные суммы были выделены для покупки авиагоризонтов и гироскопических компасов, оборудования в области телемеханики, фотоэлементов и другой техники для нужд авиации⁵. Можно привести еще ряд подобных примеров, что говорит о том, что импорт в СССР военно-авиационной техники в 1921—1933 гг. носил достаточно масштабный характер. В те годы основу зарубежных самолетов в частях ВВС составляли истребители, разведчики и бомбардировщики германских, английских и французских фирм: по самым общим подсчетам, их было закуплено более 1200 единиц. Но это был не весь самолетный парк. Определенное количество машин было построено советскими заводами.

В 1933—1938 гг. общая тенденция на приобретение в западных странах отдельных образцов авиационной техники в целом сохранялась. Однако если в начале 20-х годов основным партнером в этой сфере была Германия, то теперь вектор интересов СССР изменился — в эти годы Советский Союз закупал новейшие самолеты, моторы и всевозможное оборудование, а также лицензии и техпомощь прежде всего в США, Англии и Франции, так что основу зарубежного импорта в годы перед Второй мировой войной составляла американская, а по отдельным наименованиям и английская авиатехника.

В одном из секретных донесений К.Е. Ворошилова на имя И.В. Сталина за 1934 год есть весьма любопытная фраза. Народный комиссар военных и морских дел докладывал: «САСШ⁶ являются

сейчас страной самой передовой в мире авиационной техники — как в области конструкторской, так и в области эксплуатации авиации...»⁷. Сталин, как известно, в те годы еще считался с мнением Ворошилова, и вплоть до 1939 года американский авиационный импорт в СССР получал, как правило, «зеленый свет». Вместе с тем, когда Я.И. Алкснис в апреле 1934 года подготовил заказ на некоторые американские самолеты (в основном это были «Дуглас» и «Мартин»), Ворошилов напомнил командарму, что «приобретать мы можем, разумеется, только образцы, а не массу аппаратов, это нужно иметь в виду»⁸.

Очевидным является и тот факт, что в 1920—1930-е годы советское военно-политическое руководство для приобретения зарубежной авиационной техники денег не жалело. Даже в 1929 году, когда во всех городах СССР были введены карточная система и строго нормированное распределение основных видов продуктов (400 г хлеба и 100 г мяса в день), а с 1931 года — и промышленных товаров, страна продолжала закупать за границей дорогостоящие «Фоккеры», «Хейнкели», «Боинги», «Дугласы», моторы «Юпитер», «Райт-Циклон», БМВ и другую авиационную технику. Давая оценку столь, казалось бы, противоречивому факту, следует сказать, что для Советского государства это было время «большого скачка», судьбоносная эпоха индустриализации. Создание тяжелой индустрии, в свою очередь, позволяло советскому руководству перевооружить армию, оснастить ее современными отечественными образцами вооружения и боевой техники, повысить обороноспособность страны. Авиация, как теперь известно, была не только приоритетным направлением этой политики, но и отражала общий курс государства на привлечение иностранной помощи в советское военное строительство.

УСТАНОВКА на приобретение за рубежом новейших образцов военной техники говорит о стремлении СССР по-прежнему ориентироваться на передовые западные технологии и опыт ведущих авиастроительных фирм. Наиболее характерным в этой связи является постановление Совета труда и обороны

(СТО) СССР «О покупке лицензий и технической помощи на американские и английские самолеты», принятое в апреле 1936 года⁹. В том же месяце в США и Англию с санкции И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова была направлена комиссия в составе Н.М. Харламова (председатель), Зверева, Рогова, Беленковича, Люпа, Базенкова, Горощенко, Загаинова, Сухого (ЦАГИ)¹⁰. Позднее к ним присоединились еще несколько групп советских специалистов — всего около 30 человек — с задачей изучить американские самолеты и провести переговоры с представителями фирм о приобретении лицензий (и получении техпомощи) на четырехмоторный бомбардировщик «Боинг», новейший двухмоторный пассажирский самолет «Дуглас» Д-3, двухмоторный морской разведчик «Консолидейтед», четырехмоторный морской бомбардировщик «Глен-Мартин»¹¹, штурмовик В-11 фирмы «Волти»¹². Позднее был закуплен истребитель «Северский» Х-ВТ.

К удивлению советских представителей, американцы запросили довольно большую сумму в валюте: так, только морской бомбардировщик «Глен-Мартин» они оценили почти в 900 тыс. долларов. Несмотря на такую дороговизну, советская сторона была вынуждена согласиться, так как отечественная морская авиация остро нуждалась в современных бомбардировщиках, а построенный Центральным аэрогидродинамическим институтом (ЦАГИ) гидросамолет МТБ-2 значительно уступал американскому по дальности полета.

Следует признать, что американские самолеты, закупленные СССР в 1936—1937 гг., оставили заметный след в отечественном самолетостроении. Об этом свидетельствует и постановление СТО «О реализации техпомощи по американским лицензионным самолетам», вышедшее в марте 1937 года¹³. В соответствии с этим документом Наркомату оборонной промышленности выделялось 15 200 000 американских долларов для организации серийного строительства самолетов «Волти» В-11, «Глен-Мартин», «Дуглас» Д-3, «Консолидейтед», «Северский» 2-Р на некоторых отечественных авиационных заводах¹⁴.

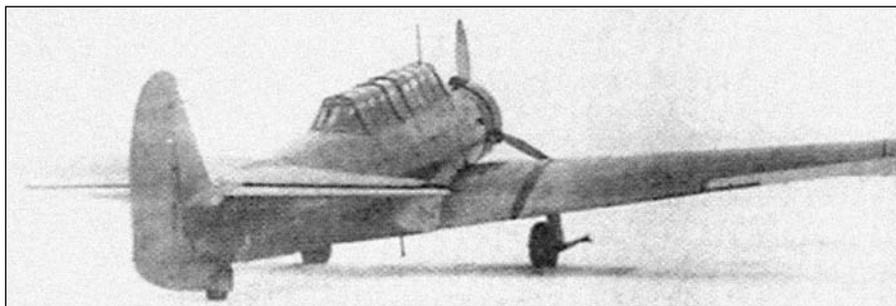
Общее количество американских самолетов, построенных со-

ветскими заводами, установить пока не удалось, так как в обнаруженных архивных документах подобные сведения не содержатся. Известно лишь, что двухмоторный морской разведчик «Консолидейтед», на приобретение которого и реализацию техпомощи было выделено 2 200 000 долларов, строил завод № 126 в Комсомольске-на-Амуре, штурмовик «Волти» — завод № 1 в Москве. Один из двух закупленных самолетов «Дуглас» Д-3 был передан для испытаний известному советскому летчику С.А. Леваневскому¹⁵.

Что касается американских авиационных моторов, то наибольший интерес представлял мотор фирмы «Райт-Циклон». Выполняя решение Комиссии обороны, принятое 28 ноября 1933 года, Главное управление авиационной промышленности (ГУАП) закупило 150 двигателей этой фирмы: основную часть направили непосредственно в войска, а несколько экземпляров — для испытаний на Пермский моторостроительный завод¹⁶. Завод № 19 в Перми впоследствии стал основной базой по выпуску американских моторов. Документально известно, что в соответствии с постановлением СТО от 13 марта 1934 года заводу предписывалось в 1935 году построить 500—700 американских двигателей «Райт-Циклон» из деталей советского производства¹⁷.

Достаточно дорогой оказалась закупка 41 самолетного ангара у американских фирм «Батлер», «Блау-Нок», «Траскан» и английской фирмы «Бедман». Управлению ВВС эта сделка обошлась в 5 431 000 рублей. Ангары были закуплены осенью 1937 года для самолетов-разведчиков и дальних бомбардировщиков¹⁸.

Особого внимания заслуживают документы, свидетельствующие о приобретении ВВС РККА американского авиационного оборудования. Дело в том, что его отдельные новейшие образцы являлись настолько уникальными и перспективными для тех лет, что для добывания технической информации о них были даже задействованы сотрудники советской военной разведки. Начальник вооружений и технического снабжения РККА командарм 2 ранга И.А. Халепский (1893—1938) 29 декабря 1936 года доложил Ворошилову, что из германской прессы стало из-

Штурмовик «Волти» В-11

И.А. Халепский

вестно об изобретении американским доктором Зворыкиным (бывшим советским гражданином) специального аппарата, позволявшего самолетам совершать посадку на неосвещенных аэродромах. Дальнейшие события не заставили себя долго ждать. Уже 2 января 1937 года начальник Разведуправления штаба РККА С.С. Урицкий получил следующее указание от наркомвоенмора Ворошилова: «Нужно поручить нашим американцам «пронюхать», что делает Зворыкин, и, если можно, попытаться купить его новое изобретение»¹⁹. Кроме того, в марте 1938 года заместитель начальника Разведуправления С.Г. Гендин информировал Ворошилова о том, что Разведуправление РККА получило от советского нелегального источника в США доку-

менты о новейших радиокомпасах «SCR-242» и «SCR-186», выпущенных фирмой RCA с 1937 года и состоявших на вооружении американской военной авиации. Секретные материалы были направлены в Управление ВВС, а также на заводы Наркомата оборонной промышленности и в НИИ ВВС для дальнейшего изучения²⁰. Результатом этого изучения стало то, что в 1938 году некоторые советские заводы уже работали над созданием отечественного серийного радиокompаса: группа инженеров завода № 203 Народного комиссариата оборонной промышленности и коллектив специалистов во главе с американским инженером Крузи²¹. Однако темпы работ не удовлетворяли советское руководство, поэтому весной 1938 года СТО принял решение все же за-

купить 300 приборов (типа SCR) у американских фирм «Бендикс», RCA, «Лир» и «Саймон»²². Приобретенные радиополукомпасы были установлены на советские разведчики Р-1, бомбардировщики СБ, ДБ-3, ТБ-7 и американские штурмовики «Волти»²³.

В те годы Советский Союз закупал также некоторые типы французских самолетов и моторов, выпуск которых был впоследствии налажен на советских заводах, а также отдельные образцы новейшего авиационного вооружения и оборудования. 27 декабря 1936 года вышло постановление СТО «Об организации производства французского самолета «Рено-Кодрон». Для реализации договора с одноименной фирмой весной 1937 года во Францию была командирована комиссия в составе 28 человек, в основном специалисты ведущих

ХРОНОГРАФ

1 ноября 1919 года в Петрограде на базе агитаторских курсов создан Учительский институт Красной армии имени Н.Г. Толмачева, на который возлагалась задача подготовки учителей для красноармейских школ грамотности, инструкторов-организаторов политической и просветительской работы, лекторов и библиотечарей. На его базе образована Военно-политическая академия имени В.И. Ленина, ныне Военный университет Министерства обороны РФ.

1 ноября 1954 года в Феодосии сформирован морской полигон № 21. В апреле 1955 года он был передислоцирован в Северодвинск, с 1958 года — Центральный морской полигон.

1 ноября 1989 года осуществлена первая посадка самолетов советской палубной авиации Су-27К (В. Пугачев), МиГ-29К (Т. Аубакиров) и Су-25 УТГ (И. Вотинцев и А. Крутов) на тяжелый авианесущий крейсер «Тбилиси», ныне «Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов».

3 ноября 1941 года начала действовать телефонная связь осажденного Ленинграда со страной по подводному кабелю, проложенному по дну Ладожского озера (Осиновец—Новая Ладога).

4 ноября 1894 года родился П.С. Рыбалко, маршал бронетанковых войск (1945), дважды Герой Советского Союза (1943, 1945). Во время Великой Отечественной войны командовал 5, 3 и 3-й гвардейской танковыми армиями, в 1947—1948 гг. — бронетанковыми и механизированными войсками Советской армии. Умер 28 августа 1948 года.

4 ноября 1967 года в Подмоскowie (Медвежь Озера) создан Государственный центр космической связи.

5 ноября 1854 года в ходе Крымской войны 1853—1856 гг. при Инкермане произошло сражение между русскими и англо-французскими войсками, которое, хотя и не принесло победы русской армии, сорвало замыслы противника по штурму Севастополя и заставило захватчиков перейти к длительной осаде города.

7 ноября 1941 года на воздушном параде в Куйбышеве (Самара) участвовало более 700 самолетов.

7 ноября 1944 года в японских застенках погиб Рихард Зорге.

10 ноября 1919 года родился М.Т. Калашников, знаменитый конструктор-оружейник, генерал-лейтенант (1999), доктор технических наук, дважды Герой Социалистического Труда (1958, 1976), лауреат Ленинской и Государственной премий.

11 ноября 1918 года в Петрограде начала работать 2-я школа морской авиации.

Все даты приведены по новому стилю.

самолетостроительных заводов, Всесоюзного научно-исследовательского института авиационных материалов (ВИАМ) и мебельной фабрики в Химках²⁴. Последнему удивляться не стоит: по соображениям секретности «мебельной» на этой фабрике была, пожалуй, только вывеска.

Для закупки во Франции специального оборудования, отдельных агрегатов, деталей, приспособлений и станков, необходимых для организации в СССР серийного строительства самолета «Рено-Кодрон», из резервного фонда СНК было выделено 2 млн. долларов²⁵. Согласно дополнительному постановлению СТО, принятому в феврале 1937 года, постройка французского самолета была возложена на завод № 23 в Ленинграде, головную серию поручалось выпустить московскому заводу № 115, а всю серию — все той же «мебельной» фабрике в Химках.

В ДЕКАБРЕ 1933 года на заседании СТО обсуждался вопрос о покупке 180 французских моторов «Испано» и техпомощи у фирмы «Испано-Сюиза». Однако по разным причинам были приобретены лишь 8 двигателей, приемкой которых занимались специально командированные в Париж представители ГУАП Левин и В.Я. Климов, а также директор Запорожского моторостроительного завода Александров²⁶. Два мотора были от-

М.М. Литвинов

правлены в Центральный институт авиационного машиностроения (ЦИАМ)²⁷ для испытаний, остальные переданы Иркутскому авиационному заводу, которому поручалось уже в 1934 году наладить выпуск французских моторов, а к 1 января 1936 года организовать их производство из собственных деталей²⁸.

В 1936—1937 гг. у французских фирм «Карпантье», «Материэль Телефоник», «Эпикмен Аэродром» и некоторых других Советским Союзом закупались радиоконпасы, фотооборудование и отдельные образцы авиационного вооружения²⁹. В этом заказе находились также новейшие при-

боры отдельных германских и английских фирм («Аскани», «Цейс», «Вильямсон-Манюфекчуринг»). Приобретением всего оборудования занимался Народный комиссариат внешней торговли (НКВТ), а необходимые средства были выделены из резервного фонда СНК³⁰. Следует подчеркнуть, что политическое руководство СССР данному заказу придавало весьма важное значение, о чем свидетельствуют материалы заседания Политбюро ЦК ВКП(б), на котором 29 августа 1936 года рассматривался вопрос об авиационном импорте из стран Западной Европы³¹.

Что касается Германии, то, несмотря на значительные расхождения в политической сфере, сделки в сфере военной авиации между двумя странами продолжались. В те годы наибольший интерес представлял пассажирский самолет «Хейнкель» Д-70³², использовавшийся немцами в качестве легкого бомбардировщика. Правда, переговоры о его покупке приняли затяжной характер, зато СССР в 1937 году удалось приобрести образцы истребителя «Мессершмитт» 109с³³ и двухмоторного бомбардировщика «Хейнкель» 111с. На немецких предприятиях размещались заказы и на самолетное оборудование: высотометры, катапульты³⁴ и др. В мае 1937 года германские фирмы приступили к сдаче заказанного Совет-

14 ноября 1906 года родился А.Л. Абрикосов, народный артист СССР (1968). В Театре имени Вахтангова сыграл роль генерала Огнева в пьесе А.Е. Корнейчука «Фронт» (1942), а в кино — роль Григория Мелехова в фильме «Тихий Дон» (1931).

16 ноября 1874 года родился А.В. Колчак, политический и военный деятель, адмирал (1918), участник двух полярных экспедиций, Русско-японской войны 1904—1905 гг. В годы Первой мировой войны — командующий Черноморским флотом (1916—1917), с ноября 1918 года «верховный правитель России». Попал в плен и расстрелян 7 февраля 1920 года по приговору Иркутского ВРК вместе с главой своего правительства В. Пепеляевым.

16 ноября 1934 года СССР впервые принял участие в Парижском международном авиасалоне.

18 ноября 1914 года у мыса Сарыч, что на юге Крымского полуострова, произошёл морской бой между эскадрой Черноморского флота и германскими крейсерами «Гебен» и «Бреслау». Русская эскадра (5 линкоров, 3 крейсера, 13 миноносцев) возвращалась в Севастополь после боевых действий у Анатолийского побережья Турции и в 12 ч 10 мин обнаружила противника в 40 милях к югу от м. Сарыч. Через 10 мин линкор «Евстафий», шедший головным, открыл огонь по «Гебену». На крейсере возник пожар. Ответным огнём был поврежден и «Евстафий». Другие русские ко-

рабли огонь вели безрезультатно. В 12 ч 45 мин «Гебен» изменил курс, увеличил ход и скрылся в тумане. Русская эскадра, уступавшая противнику в скорости, преследовать его не могла. За 14 мин боя «Гебен» получил 3 попадания 305-мм снарядами, «Евстафий» — 4 попадания 280-мм. Потери противника составили 105 убитыми и 59 ранеными, потери русских моряков — 33 убитыми, 25 ранеными. Этот бой явился, по существу, первым боевым столкновением надводных сил русского и германского флотов на Черном море в ходе Первой мировой войны.

18 ноября 1943 года 37-я гвардейская стрелковая дивизия (полковник И.К. Брушко) была удостоена почетного наименования «Речицкая» за активные боевые действия по освобождению города Речица от немецко-фашистских захватчиков в ходе Гомельско-Речицкой операции. Действуя в составе Белорусского фронта (генерал армии К.К. Рокоссовский), дивизия вела наступательные бои в трудных условиях лесисто-болотистой местности. Во взаимодействии с другими соединениями главной ударной группировки фронта, преодолевая упорное сопротивление врага она вышла в районе Гомеля в глубокий тыл противника и сыграла важную роль в его разгроме. Затем дивизия отличилась в боях у городов Мозырь и Калинковичи, за что была награждена 15 января 1944 года орденом Суворова 2-й степени, 2 июля 1944 года полу-

ским Союзом имущества по механизации аэродромной службы на сумму 773 тыс. немецких марок. Однако подобные контакты с немцами по известным причинам становились все более редкими. Вот что писал по этому поводу нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов И.В. Сталину: «Я считал бы неправильным передачу в Германию всех или львиной доли наших заграничных заказов на ближайшие годы. Это было бы неправильно потому, что этим мы оказали бы крупную поддержку германскому фашизму, испытывающему теперь величайшие затруднения в экономической области»³⁵. Понятно, что такая позиция народного комиссара внешнеполитического ведомства касалась и военно-авиационных заказов. Не вдаваясь в политические комментарии относительно данного заявления, необходимо признать, что дальнейшие события в Европе подтвердили правомерность возражений Литвинова.

Оценивая результаты военно-авиационных связей с Западом в рассматриваемый период, следует отметить их позитивное значение для боевой мощи отечественных Военно-воздушных сил. Прямые закупки иностранной авиационной техники и лицензий на ее строительство были наиболее эффективной формой сотрудничества с рядом фирм Германии, Англии, Франции, Ита-

лии и США. Например, в 1921—1933 гг., по подсчетам автора, за рубежом были закуплены более 1200 военных самолетов (в основном разведчиков и истребителей) и около 10 тыс. моторов. При этом если основным поставщиком самолетов была Германия (более 800 машин, из которых около 500 составляли «фоккеры»), то большая часть моторов приобреталась во Франции, Так, только в 1925 году там были закуплены около 4 тыс. авиационных двигателей «Рон». Приобретаемая за рубежом техника шла на пополнение частей ВВС РККА, что во многом позволяло поддерживать укомплектованным самолетно-моторный парк и в целом боеготовность Военно-воздушных сил.

Таким образом, импорт военно-авиационной техники в 1921—1938 гг. отражал общий курс советского военно-политического руководства на привлечение технического опыта ряда западных стран для создания собственного мощного военно-промышленного комплекса и оказывал самое непосредственное влияние на развитие отечественных Военно-воздушных сил. Анализ архивных документов, работ советских и современных российских авторов дает отчетливое представление о характере и масштабах авиационной техники и имущества, закупавшихся СССР в эконо-

мически развитых странах Запада. Если в 1920-е — начале 1930-х годов импорт авиатехники носил ярко выраженный масштабный характер, что в значительной мере позволило командованию РККА технически оснастить авиацию всем необходимым, то в 1933—1938 гг. СССР приобретал за рубежом в основном образцы новейших боевых самолетов, моторов, различного вооружения и оборудования. В данный период помимо прямых закупок зарубежной авиационной техники советская сторона приобретала также иностранные лицензии и техпомощь на строительство наиболее перспективных моделей самолетов и авиационных двигателей. Отечественная авиапромышленность, наладившая производство лицензионной техники, не только получила солидный опыт, но и материально укрепила ВВС, что способствовало созданию прочной базы для производства самолетов и авиационных двигателей собственных конструкций. Вместе с тем не следует переоценивать значение зарубежного авиационно-технического опыта в отечественном авиастроении в те годы, так как большинство наших военных самолетов, многие типы моторов были созданы советскими инженерами и конструкторами самостоятельно, без иностранной технической помощи.

ХРОНОГРАФ

чила орден Красного Знамени за прорыв обороны врага на бобруйском направлении, позднее была удостоена ордена Кутузова 1-й степени (27 июля 1944 г.) и ордена Богдана Хмельницкого 2-й степени (4 июня 1945 г.). Свыше 6000 воинов дивизии награждены орденами и медалями, 15 человек стали Героями Советского Союза.

19 ноября 1804 года родился Е.В. Путятин, государственный деятель и дипломат, участник Наваринского сражения, в 1852—1855 гг. возглавлял русское посольство в Японию на фрегате «Паллада», адмирал (1858), генерал-адъютант (1849), граф (1855). В 1855—1857 гг. военно-морской атташе в Лондоне и Париже. Умер в 1883 году.

19 ноября 1944 года было принято постановление СНК СССР по восстановлению Севастополя.

19 ноября 1991 года Указом Президента РФ № 221 образован Государственный комитет по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (ГКЧС). Его председателем был назначен С.К. Шойгу.

23 ноября 1934 года в Москве умер И.Д. Сытин (родился в с. Гнездикино Костромской губернии 5 февраля 1851 г.), русский издатель-просветитель. В 1897—1917 гг. издавал ежедневную газету «Русское

слово», ряд журналов, собрания сочинений русских писателей, различные энциклопедии, в том числе «Военную энциклопедию» (Пб.-Пг., 1911—1915 гг. Т. 1—18.). В связи с Первой мировой войной издание прервано на статье «Порт-Артур».

24 ноября 1944 года закончилась Моонзундская десантная операция (началась 27 сентября), проведенная войсками Ленинградского фронта (Маршал Советского Союза Л.А. Говоров) и силами Балтийского флота (адмирал В.Ф. Трибуц). К ее проведению из состава Ленинградского фронта привлекались 8-й Эстонский и 109-й стрелковые корпуса 8-й армии и 13-я воздушная армия (генерал-лейтенант авиации С.Д. Рыбальченко), от БФ — 260-я бригада морской пехоты, 2 штурмовые авиадивизии, более 90 катеров, 40 тендеров. Противник потерял до 7000 человек убитыми, около 700 пленными, все вооружение и боевую технику. Операция завершила освобождение Эстонии, БФ получил возможность контролировать Финский и Рижский заливы. Подробнее об операции см. статью В. Ачкасова (Воен.-истор. журнал. 1973. № 4).

25 ноября 1874 года родился И.П. Граве, ученый-артиллерист, генерал-майор инженерно-технической службы (1942), лауреат Государственной премии СССР. Умер 3 марта 1960 года.

26 ноября 1894 года родился И.Д. Папанин, два-

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интересно отметить, что в начале 1920-х годов Главвоздухофлот закупал в Европе практически все — от самолетов до ангаров, на это ему в 1922 г. было выделено около 3 млн. рублей. В 1927—1928 гг. сумма на закупки оборудования составила уже около 2 млн. рублей. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 1. Д. 438. Л. 35.

² Так, с США был заключен договор на поставку в СССР парашютов фирмы «Ирвинг» на сумму 415 тыс. рублей. Это был один из самых популярных в мире парашютов. По конструкции он напоминал отечественный парашют Г.Е. Котельникова, изобретенный в России еще в 1914 г., и считался одним из наиболее надежных. Известен случай, когда парашют «Ирвинг» спас жизнь знаменитому советскому летчику-испытателю М.М. Громову.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 960. Л. 1—3.

⁴ Там же. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 599. Л. 49. Финансирование сделки осуществляло специальное советское закрытое акционерное общество «Востваг».

⁵ Там же. Л. 47, 49.

⁶ В те годы США назывались САСШ (Северо-Американские Соединенные Штаты).

⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1244. Л. 59.

⁸ Там же. Л. 38.

⁹ Там же. Оп. 19. Д. 15. Л. 91—92.

¹⁰ К сожалению, архивные документы не сохранили инициалов многих участников тех событий.

¹¹ По постановлению СТО СССР от 15 июня 1936 г. покупка этого самолета первоначально была отклонена из-за большого срока поставки первого экземпляра и относительно низкой скорости бомбардировщика. Более того, УВВС располагало сведениями об аварии одного сухопутного самолета «Глен-Мартин» накануне сделки. (РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 18. Л. 64).

¹² Впервые с моделью «Волти» (в других источниках «Вулти») советские специалисты познакомились еще весной 1935 г., когда в США работала специальная комиссия во главе с А.Н. Туполевым. Однако тогда образец не закупили, так как самолет имелся только в пассажирском варианте. (РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1783 с. Л. 2).

¹³ Там же. Л. 47.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 33—34, 36, 46.

¹⁶ Там же. Д. 1164. Л. 26.

¹⁷ Там же. Л. 100. Кроме завода в Перми данные моторы строил завод № 29 в Запорожье.

¹⁸ Там же. Д. 1783. Л. 138.

¹⁹ Там же. Д. 1977. Л. 48.

²⁰ Там же. Д. 1911. Л. 53.

²¹ Там же. Л. 41.

²² Американские радиополупроводники закупались СССР и в предыдущие годы. Например, в 1935 г. 33 прибора были закуплены у фирмы «Ферчайлд», однако почти все использовались в полярной авиации.

²³ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1911. Л. 47.

²⁴ Там же. Д. 1783. Л. 62.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Д. 1164. Л. 1—2, 11. К сожалению, инициалы установить не удалось.

²⁷ Центральный институт авиационного моторостроения с опытным заводом был создан в августе 1930 г.

²⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1164. Л. 2.

²⁹ Там же. Д. 2118. Л. 67.

³⁰ Там же. Л. 67, 69.

³¹ Там же. Оп. 19. Д. 18. Л. 17.

³² Пассажирский самолет «Хейнкель» Д-70 Блитц развивал скорость 370 км/ч. В 1935 г. на его базе немцами был создан известный двухдвигательный бомбардировщик Хе-111, широко применявшийся в годы Второй мировой войны.

³³ **Мессершмитт Вилли** (1898—1978 гг.) — наиболее известный германский авиаконструктор периода Второй мировой войны. С его именем связано создание в 1926 г. в Аугсбурге одноименной самолетостроительной фирмы. Открыто разделял взгляды национал-социалистов. В 1934 г. построил один из лучших самолетов Второй мировой войны Ме-109. 60 проц. истребителей фашистской Германии было построено заводами по проекту В. Мессершмитта. После Второй мировой войны авиаконструктор работал в Испании.

³⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 869. Л. 242—244.

³⁵ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 211.

*Полковник В.В. КАПИСТКА,
кандидат исторических наук,
доцент
(Москва)*

ды Герой Советского Союза (1937, 1940), исследователь Арктики, руководитель экспедиции на дрейфующей станции СП-1, в 1939—1946 гг. начальник Главсевморпути, одновременно в годы Великой Отечественной войны уполномоченный ГКО по перевозкам на Севере, контр-адмирал. Умер 30 января 1986 года.

26 ноября 1904 года в Санкт-Петербурге открылся музей А.В. Суворова.

27 ноября 1942 года 63-я стрелковая дивизия, воевавшая в составе 21-й армии Сталинградского фронта, за отвагу, мужество и героизм, проявленные личным составом в Сталинградской битве, была преобразована в 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Дивизией в это время командовал полковник Н.Д. Козин (он же, будучи генерал-майором, командовал дивизией с сентября 1944 г. до конца войны). Позже в составе других фронтов дивизия участвовала в Курской битве, освобождении Левобережной Украины, в Ленинградско-Новгородской, Псковско-Островской, Рижской и других наступательных операциях и завершила свой боевой путь по окончании Берлинской наступательной операции. Получила почетное наименование Рижско-Берлинская, награждена орденом Ленина (19 июня 1943 г.), орденом Суворова 2-й степени (9 августа 1944 г.), орденом Кутузова 2-й степени (26 апреля 1945 г.). Семь воинов дивизии удостоены звания Героя Советского Союза.

30 ноября 1954 года — отплытие из Калининграда флагманского судна 1-й советской антарктической экспедиции.

В ноябре 1941 года был образован Сталинградский военный округ, включавший Сталинградскую (без трех районов) область, северную часть Ростовской области, Калмыцкую АССР, Астраханский административный округ и четыре района Западно-Казахстанской области. В августе 1942 года Ставка ВГК подчинила округ в оперативном отношении командующему Юго-Восточным фронтом, в сентябре 1942 года управление округа было переформировано в полевое управление 28-й армии. В июле 1943 года округ был образован вновь, в октябре того же года его войска передали Северо-Кавказскому военному округу, а управление преобразовали в управление Киевского военного округа. Войсками округа командовали: генерал-майор танковых войск Н.В. Фекленко (ноябрь—декабрь 1941 г.), генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко (декабрь 1941 — сентябрь 1942 г.), генерал-лейтенант В.В. Косякин (июль—октябрь 1943 г.).

*Хронограф подготовлен
генерал-лейтенантом в отставке
Ю.А. ХВОРОСТЯНОВЫМ;
А.В. ОСТРОВСКИМ
(Москва)*

Военно-политические отношения между СССР и Германией в 1922–1941 гг.

ПЕРВЫЕ работы по истории Великой Отечественной и Второй мировой войн, где была затронута и тема советско-германских отношений 1939—1941 гг., появились в 1945—1946 гг. Преимущественно это были книги и статьи, посвященные мужеству и героизму советского народа в минувшей войне, а также работы, восхвалявшие деятельность ВКП(б) под руководством И.В. Сталина¹. Однако оценки советско-германских политических отношений в этих работах не распространялись дальше оценки советско-германского договора о ненападении 1939 года, данной И.В. Сталиным 3 июля 1941 года по радио. Речь Сталина становится как бы единым «трафаретом» для всех последующих исследований, затрагивающих данный внешнеполитический акт в своих работах. Не имея доступа ко многим документам предвоенной эпохи и, в частности, к секретным документам советско-германских отношений 1939—1941 гг., отечественные историки были вынуждены принять на веру оценки Верховного Главнокомандующего. И, по сути дела, многие события предвоенной истории СССР и Великой Отечественной войны на долгие годы остались не до конца исследованными.

1947 год ознаменовался выходом в свет нескольких одноименных книг И. Минца, А. Крутикова, И. Анисимова². Все они затрагивали довоенный период в развитии СССР и, в частности, внешнюю политику СССР. Однако оценки советско-германского договора о ненападении 1939 года оставались прежними.

«Железный занавес», опустившийся в годы «холодной войны», начавшейся в марте 1946 года, на долгие годы лишил возможности отечественных историков изучать советско-германские военно-политические отношения. Более сорока лет они не имели доступа к важнейшим документам этого периода. Прологом к данному запрету стал Нюрнбергский про-

цесс. В марте 1946 года по инициативе защитника Гесса доктора Альфреда Зайдля (с американской стороны) тема секретных советско-германских политических отношений впервые прозвучала на процессе. Советское руководство дало указание главному обвинителю от СССР Р.А. Руденко принять меры к недопущению обсуждения на процессе вопросов, которые могли бы пролить свет на внешнюю политику Советского Союза в 1939—1941 гг., а именно: отношение СССР к Версальскому миру; советско-германский пакт о ненападении 1939 года и все, имеющее к нему какое-либо отношение; политика СССР в Прибалтике; вопросы о черноморских проливах и территориальных претензиях Советского Союза; советско-польские отношения.

Инициатива составления списка принадлежала не советской стороне, но она была немедленно подхвачена В.М. Молотовым и А.Я. Вышинским (по указанию И.В. Сталина). По договоренности с бывшими странами по антигитлеровской коалиции вопрос о протоколах для СССР был свернут, акция Зайдля была объявлена провокацией, а протоколы — фальшивкой.

Тем не менее в апреле 1946 года советские оригиналы секретных протоколов советско-германских соглашений 1939—1941 гг. были изъяты из архивов МИД СССР и переданы в личный архив В.М. Молотова. 30 октября 1952 года они поступили в архив ЦК КПСС (Центральный партийный архив Института Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина при ЦК КПСС), что надолго лишило отечественных историков возможности их изучения. Только после распада СССР и отставки его президента М.С. Горбачева оригиналы были обнаружены в 1992 году среди секретных папок архива бывших генеральных секретарей ЦК КПСС.

Однако на Западе ученые имели возможность впервые ознакомиться с немецкими оригиналами протоколов уже в 1948 году благодаря изданному в США сборнику государственного департамента³.

Его появление в США вызвало возмущение у советской делегации на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Глава советской делегации А.Я. Вышинский выступил с критикой этого труда, объявив его фальсификацией со стороны США. Сам Вышинский назвал советско-германский договор о ненападении «мудрым и дальновидным шагом».

В том же 1948 году в СССР вышел сборник⁴, в котором немало места уделяется и советско-германским политическим отношениям. Однако он содержал далеко не все материалы по данной проблеме. Так, публикуя текст германско-советского договора «О дружбе и границе» от 28 сентября 1939 года, составитель, естественно, умолчал о наличии к нему секретных протоколов.

Одновременно в СССР была опубликована брошюра⁵, которую редактировал сам И.В. Сталин, а авторами были А.Я. Вышинский и группа его помощников. Цель данной публикации — критика сборника госдепартамента США и его материалов, внешней политики Англии, Франции и США накануне и в начале Второй мировой войны и реабилитация внешнеполитического курса СССР в эти годы⁶.

Стремясь оправдать территориальные присоединения к СССР накануне Великой Отечественной войны, авторы выдвинули концепцию так называемого восточного фронта: «Советскому Союзу удалось умело использовать советско-немецкий пакт в целях укрепления своей обороны, ему удалось раздвинуть свои границы далеко на запад и преградить путь беспрепятственному продвижению немецкой агрессии на восток»⁷. Визит В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 года назвали необходимостью в условиях изолированности Советского Союза из-за отсутствия союзников.

Смерть И.В. Сталина 5 марта 1953 года и первые мероприятия Советского правительства в области десталинизации общества в 1953—1955 гг. должны были отразиться и на общественных науках в СССР. Разоблачение Н.С. Хруще-

Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2004. № 10.

вым культа личности И.В. Сталина на XX съезде КПСС в феврале 1956 года открыло новый этап в развитии историографии советско-германских отношений 1939—1941 гг.

Одной из главных задач ученых-историков второй половины 1950 — середины 1980-х годов. было восстановление исторической правды о Великой Отечественной войне. Выступая на закрытом заседании XX съезда КПСС, Н.С. Хрущев справедливо заметил, что «если взять многие наши романы, кинофильмы и исторические "исследования", то в них совершенно неправдоподобно изображается вопрос о роли Сталина в Отечественной войне»⁸. В связи с этим он поставил задачу создания «полноценного, составленного с научной объективностью» марксистского учебника по истории КПСС, истории СССР, книг по истории Гражданской и Великой Отечественной войн».

Однако, несмотря на наметившиеся сдвиги в отечественной историографии, изучение в СССР советско-германских военно-политических отношений 1939—1941 гг. было остановлено. От народа скрыли правду о секретных протоколах к советско-германским соглашениям 1939—1941 гг. Так, Постановлением Президиума ЦК КПСС от 2 июля 1956 года «Об организации систематического издания дипломатических документов» был ограничен доступ в архив ЦК КПСС. С разрешения ЦК работники МИД СССР знакомились с документами этого архива лишь за 1923—1933 гг.

Из всех соглашений 1939—1941 гг., заключенных между СССР и Германией, только советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 года был в центре внимания советских исследователей внешней политики СССР кануна Великой Отечественной войны. Остальные же дипломатические акты между двумя странами почти не упоминались.

Почти все последующие годы после XX съезда КПСС были отмечены в отечественной историографии как юбилейные: 1957 год — 40-летие Великой Октябрьской социалистической революции, 1959 год — 20-летие начала Второй мировой войны, 1960 год — 15-летие Победы, 1961 год — 20-летие начала Великой Отечественной войны, 1964 год — 25-летие начала Второй мировой войны. Большинство статей и книг, вышедших в данный период, были так или иначе приурочены к этим юбилеям.

Следует обратить внимание на совместную работу М. Айрапетяна, Л. Кабанова⁹ и книги под редакцией Ф.Г. Зуева¹⁰. Их авторы по-прежнему считали советско-германский договор о ненападении вынужденным шагом Советского правительства, позволившем подготовиться «восточный фронт» к отражению агрессии гитлеровской Германии.

В трудах историков Д.М. Проэктора, В.П. Смирнова, В.Т. Фомина¹¹ дан серьезный анализ международных отношений тех лет, военных действий на фронтах войны. Касаясь вопроса политических отношений СССР и Германии (1939—1941 г.), историки остались верными оценкам советско-германского пакта о ненападении 1939 года как «мудрого и верного шага со стороны Советского правительства». «Это был договор о поддержке мира между двумя странами. Он принципиально отличался от соглашений, подписанных в Мюнхене»¹², — заявляет В.Т. Фомин в своей работе.

Исследованию агрессивной сущности германского империализма были посвящены работы историков А.С. Ерусалимского и Г.Д. Розанова¹³. Эти авторы в своих работах верны концепции оценки советско-германского договора о ненападении как вынужденного шага Советского правительства, позволившего СССР избежать войны на два фронта.

Тогда же вышел труд В.Л. Израэляна¹⁴. По мнению историка, заключение советско-германского договора о ненападении «не означало отказа от миролюбивой внешней политики, проводившейся Советским Союзом накануне войны». Среди принятых Советским Союзом мер в области «мирной внешней политики» Израэлян назвал важнейшим избавление нашей страны от влияния Германии, Финляндии, Болгарии, Турции и Югославии.

В период правления Н.С. Хрущева значительное место советско-германским политическим отношениям 1939—1941 гг. уделялось в многочисленных трудах, мемуарах советских военачальников, партийно-государственных деятелей, посвященных истории Великой Отечественной и Второй мировой войн.

Важными событиями второй половины 1960 — первой половины 1980-х годов были создание в 1966 году Института военной истории Министерства обороны СССР — центра изучения комп-

лексных проблем военной истории; в 1973 году — секторов истории Великой Отечественной войны в Институте истории СССР АН СССР, истории Второй мировой войны — в Институте всеобщей истории АН СССР, а также истории КПСС предвоенного и военного периода — в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Наиболее крупным изданием, посвященным Второй мировой войне, стала вышедшая в свет в 1973—1982 гг. 12-томная «История Второй мировой войны 1939—1945» (1—8 т. — под редакцией А.А. Гречко, а 9—12 т. — Д.Ф. Устинова)¹⁵. Хотя официально советская пропаганда представила это издание как непреложную истину, фактически оно остановило развитие историографии. Остались неизученными многие важные проблемы.

Третий период отечественной историографии по проблеме военно-политических советско-германских отношений начался во второй половине 1980-х годов. В книге В.М. Бережкова¹⁶ отмечалось, что Советское правительство, «последовательно проводящее политику мира, стремилось предотвратить войну или, по крайней мере, как можно дальше оттянуть столкновение с гитлеровской Германией. Речь шла о том, чтобы на какой-то срок сохранить мирную жизнь для советского народа, получить время для укрепления экономической и военной мощи социалистического отечества мирного пролетариата»¹⁷.

В большинстве случаев отечественные историки на заре перестройки, не имея доступа к секретным документам, основывали свою критику не на фактах, а на идеологических догмах, унаследованных от предыдущих эпох.

1988 год положил начало коренному перелому в отечественной историографии предвоенных советско-германских политических отношений. Значительные изменения в общественно-политической жизни в СССР явились мощным импульсом к данному процессу: события в Прибалтике летом — осенью 1987 года, выступление генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева на торжественном заседании, посвященном 70-летию Октябрьской революции.

18 сентября 1987 года в эстонской газете «Рахва Хяэль» впервые был опубликован секретный протокол к советско-германскому договору о ненападении 1939 го-

да и комментарий к данному соглашению, где пакт Молотова — Риббентропа впервые в нашей стране был назван сговором между СССР и Германией.

Одним из основных направлений деятельности отечественных исследователей в этот период стал пересмотр историографии Второй мировой войны: от общей концепции до трактовки отдельных событий. Главные вопросы, вынесенные на обсуждение по проблемам отношений СССР — Германия 1939—1941 гг.: оценка советско-германских договоров о ненападении 23 августа, «О дружбе и границе» 28 сентября 1939 г.; наличие секретных протоколов к данным договорам.

Негативная оценка советско-германским соглашениям впервые была дана в крупной работе видного отечественного историка Д.М. Проэктора, изданной в 1985 году: «В глазах мирового общественного мнения пакт о ненападении был сговором двух диктаторов о разделе сфер влияния. Был нанесен тяжкий удар всем сторонникам социализма и Советского Союза, удар по антифашистским силам, компартиям, Коминтерну, идее единого фронта борьбы против фашизма»¹⁸.

Книга Г.Л. Розанова¹⁹ стала поистине новаторской работой того времени. Впервые, начиная с предыстории советско-германского сближения в начале 1930-х годов, и кончая июнем 1941 года, был дан глубокий и подробный анализ взаимоотношений двух стран. Заключение договоров показано Г.Л. Розановым не как вынужденная мера Советского правительства, а как закономерный результат той политики сближения двух стран, которую проводили А. Гитлер и И.В. Сталин с конца 1938 года. Давая оценку договору, автор выделил как положительные, так и негативные последствия. Положительные последствия договора: рубеж, с которого Советский Союз вынужден был обороняться в 1941 году, был отодвинут на несколько сот километров от Ленинграда, Минска, Киева и других жизненно важных центров; заключение советско-германского договора о ненападении оказало сильное влияние на отношения между Берлином и Токио; СССР вышел из состояния международной изоляции, в какую попал после Мюнхена.

К негативным последствиям автор отнес переориентацию демократических миролюбивых сил от

борьбы к сотрудничеству с нацистской Германией; усиление позиции Англии, Франции, США против сотрудничества с СССР; расширение свободы действий нацистского руководства в военных операциях в Западной Европе.

Историк Н.В. Загладин в своей монографии²⁰ стремится освободить общественное мнение от мифов о непогрешимости советской внешней политики и восстановить объективную истину. Раскрывая в книге эволюцию внешнеполитической концепции В.И. Ленина в первые годы Советской власти, взаимосвязь и взаимодействие Советского государства и Коминтерна, автор показал, что режим личной власти И.В. Сталина привел к непоследовательным и противоречивым действиям СССР на международной арене. Н.В. Загладин подчеркнул, что в первые послевоенные годы о научном и всестороннем изучении цепи событий, приведших к трагедии 22 июня 1941 года, не могло быть и речи. И.В. Сталин и его окружение не были заинтересованы в серьезном анализе причин, по которым страна была застигнута врасплох агрессией. Кроме того, в условиях «холодной войны» для оправдания политики воинствующего антисоветизма идеологи Запада, стремясь подорвать авторитет, завоеванный Советским Союзом в борьбе с фашизмом, представляли И.В. Сталина главным виновником развязывания Второй мировой войны. По их версии, договор о ненападении, заключенный в августе 1939 года между СССР и Германией, сделал невозможным создание англо-франко-советского союза, развязал руки Гитлеру для нападения на Польшу, а затем и на страны Западной Европы. Советская сторона выдвинула контрверсию, представленную в виде исторической справки «Фальсификаторы истории», на долгие годы ставшей директивным документом для отечественных историков.

Безусловно, нелегко признать, что Советское государство не всегда играло конструктивную роль на международной арене. В этом плане силу инерции мышления наглядно показал ход обсуждения на Втором съезде народных депутатов СССР сообщения Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 года, когда некоторые депутаты вопреки фактам пытались оспорить само существование закулисной сделки между Сталиным и Гитле-

ром, зафиксированной в секретном протоколе к договору о разделе на «сферы влияния» суверенных государств.

Между тем опыт наглядно показывает, и не только на примере советско-германского договора, что государство, именуемое себя социалистическим, отнюдь не обречено историей на роль выразителя высших интересов народов мира. Прежде всего такую роль объективно не может играть государство, политическое руководство которого сохраняет приверженность социалистическим идеалам лишь на словах, прикрывая ими антигуманную социальную практику.

Канун Второй мировой войны ввиду важности бушевавших тогда страстей и отсутствия четких ответов на широкий круг отнюдь не второстепенных вопросов был и остается темой бесчисленных публикаций и зарубежных авторов. Сведения, проливающие свет на пружины, двигавшие процессами той поры, на истинные мотивы поступков главных действующих лиц, по капле выцеживаются из архивов.

В книге Ф.В. Фабри²¹ рассматриваются военно-политические планы советского руководства в отношении Германии после прихода нацистов к власти, анализируются противоречия между двумя сторонами в сфере идеологии и на межгосударственном уровне, раскрывается содержание советско-германских военных отношений в 1939—1941 гг., а также смысл и направленность военно-политических действий СССР в районах Балтии и Балкан²². Отдельно рассматриваются вопросы советских военно-экономических поставок в Германию и влияния политики Советского Союза на деятельность Коминтерна.

В работе профессора Кельнского университета Д.С. Мак-Мурри²³ проанализированы взгляды Гитлера и Сталина на советско-германские отношения и исследована проблема разрыва двустороннего военного сотрудничества летом—осенью 1933 года. При этом уделено большое внимание изучению советской концепции создания системы коллективной военной безопасности в Европе как средства противодействия нацистской экспансии. Работа имеет хорошую источниковую и историографическую базу, однако автор использовал в ней в основном американские и немецкие архивы, что не позволило ему достаточно пол-

но и объективно раскрыть советский военно-политический курс по отношению к Германии в середине 1930-х годов.

Среди последних исследований зарубежных авторов особенно хотелось бы выделить монографию Ингеборг Фляйшхауэр²⁴. Это плод долгих и скрупулезных изысканий с использованием личного архива немецкого посла в Москве тех лет графа фон Шуленбурга, дотоле лишь частично известного науке. Ингеборг Фляйшхауэр большое внимание уделил дипломатическим отношениям между Советским государством и Германией, не выделяя, однако, в особый блок военную составляющую. Рассматривая предпринимавшиеся перед войной дипломатические усилия по урегулированию отношений между странами, он показал, что никогда прежде история человечества не определялась в такой степени исключительно произволом одного человека и что с этого момента дипломатия была уже не в силах обуздать волю Гитлера.

В то же время автор пришел к выводу, что Сталин и Молотов осознавали тот факт, что, пойдя на подписание не подлежавшего обнародованию протокола в качестве приложения к договору, они тем самым отступали от ленинского принципа открытости международно-правовых соглашений. Высказывание Молотова в беседе с Шуленбургом от 17 августа, что «вопросы, затронутые в германском заявлении от 15 августа, не могут войти в договор, они должны войти в протокол»²⁵, означало уступку немецкой стороне, духу «буржуазной» дипломатии.

Анализ современной отечественной историографии советско-германских военно-политических отношений показывает, что она развивается под влиянием двух основных тенденций. Одна из них сводится к комплексному пересмотру истории советско-германских военно-политических отношений 1922—1941 гг. на основе привлечения новых источников, расширения аспектов исследования. Однако современные отечественные исследователи дают при этом лишь негативные оценки. Другая тенденция заключается во втискивании новых архивных данных в прокрустово ложе старой официальной версии, когда любые новые взгляды объявляются попытками дискредитации прошлого нашей страны. При этом

сохраняется высокая степень политизации истории, а дискуссии выходят за рамки исторической науки, приобретая идеологический характер. В такой ситуации не только затруднены рассмотрение и решение сложных и неоднозначных проблем советско-германских дипломатических отношений того периода, но и тормозится процесс выработки четких концептуальных подходов, завершение формирования различных направлений в отечественной историографии.

Советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 года была уготована беспрецедентная роль: в истории международных отношений не было другого такого случая, чтобы спустя более полувека после заключения соглашения оно по-прежнему оставалось предметом не утихающей не только научной, но и политической актуальной дискуссии. Историки все еще расходятся во мнениях не только относительно последствий этого договора, но и по поводу того, от кого исходила инициатива, приведшая к его подписанию. Причем если ранее на протяжении нескольких десятилетий основные расхождения существовали между советской (марксистской) и западной (немарксистской) историографией, то ныне — преимущественно внутри отечественной историографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гальперин Н. Происхождение и характер второй мировой войны. Л.: Лениздат, 1945; Зубок Л. Германия в 1918—1940 гг. М.: Воениздат, 1945; Ковалев С. Партия большевиков накануне Великой Отечественной войны. М.: Гос. изд. политич. лит.-ры, 1946; Крайнов П. Упрочение международного положения Советского Союза в дни Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1946.

² Анисимов И. Великая Отечественная война Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1947; Крутиков А. Великая Отечественная война Советского Союза. М.: Воениздат, 1947; Минц И. Великая Отечественная война Советского Союза. М.: Воениздат, 1947.

³ Национал-социалистическая Германия и Советский Союз 1939—1941 гг. Документы архива германского министерства иностранных дел. Нью-Йорк, 1948.

⁴ Международные отношения и внешняя политика СССР 1939—1941 гг. Документы и материалы / Сост. А.А. Бабаянц. М.: Изд-во Академическое, б/г.

⁵ Вышинский А.Я. Фальсификаторы истории. Историческая справка. М.: Госполитиздат, б/г.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Там же. С. 26.

⁸ Хрущев Н.С. Материалы XX съезда КПСС. М.: Политиздат, 1956.

⁹ Айрапетян М., Кабанов Л. Ленинские принципы внешней политики Советского государства. М.: Госполитиздат, 1957.

¹⁰ История международных отношений и внешней политики СССР (1870—1957). Краткое учебное пособие / Под ред. Ф.Г. Зуева. М.: Госполитиздат, 1957.

¹¹ Проэктор Д.М. Война в Европе 1939—1941 гг. М.: Воениздат, 1963; Смирнов В.П. Странная война и поражение Франции (сентябрь 1939 — июнь 1940 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1963; Фомин В.Т. Агрессия фашистской Германии в Европе 1933—1939 гг. М.: Воениздат, 1963.

¹² Фомин В.Т. Указ. соч. С. 46.

¹³ Ерусалимский А.С. Германский империализм: история и современность (исследования, публицистика). М.: Международные отношения, 1964; Розанов Г.Д. Германия под властью фашизма. Свастика над Германией (1933—1939 гг.). М.: Международные отношения, 1964.

¹⁴ Исраэлян В.Л. Антигитлеровская коалиция (1941—1945 гг.). М.: Международные отношения, 1964.

¹⁵ История второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12 т./ Под ред. А.А. Гречко, Д.Ф. Устинова. М.: Воениздат, 1972—1982.

¹⁶ Бережков В.М. С дипломатической миссией в Берлин. 1940—1941 гг. М.: АПН, 1966.

¹⁷ Там же. С. 36.

¹⁸ Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М.: Наука, 1985.

¹⁹ Розанов Г.Д. Сталин — Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939—1941 гг. М.: Международные отношения, 1991.

²⁰ Загладин Н.В. История успехов и неудач советской дипломатии. М.: Международные отношения, 1990.

²¹ Fabry P.W. Die Sowjetunion und das Dritte Reich. Eine dokumentierte Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen von 1933 bis 1941. Stuttgart, 1971.

²² Fabry P.W. Op. cit. S. 33—59.

²³ Mc Murry D.S. Deutschland und die Sowjetunion 1933—1936: Ideologie, Machtpolitik und Wirtschaftsbeziehungen. Köln; Wien, 1979. S. 10—27.

²⁴ Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938—1939. М.: Прогресс, 1990.

²⁵ Там же. С. 257.

Старший лейтенант
Т.В. АНИСИМОВА
(Москва)

«БУДЕМ ПОВЕЛЕВАТЬ МЫ И ТОЛЬКО МЫ, БЕЗО ВСЯКИХ СОГЛАШЕНИЙ С МОСКВОЙ»

ВЕРШИНОЙ колониально-пропагандистской работы нацистской партии стало юбилейное празднование в 1937 году 50-летия «Германского колониального общества». Этому событию было посвящено пленарное заседание рейхстага, а по улице Унтер ден Линден в торжественном марше шли колонны военных и гражданских ветеранов колониального движения, которые радостно приветствовали толпы берлинских граждан¹.

Грандиозным событием стал съезд Имперского колониального союза, проходивший в Бремене в мае 1938 года, который подвел итоги послевоенного возрождения колониального движения в Германии. Рейхстаг направил приветствие в адрес съезда. В свою очередь Франц фон Эпп от имени делегатов колониального форума приветствовал рейхстаг и заверил его, что германское колониальное движение сделает все возможное для возрождения военно-колониальных традиций и формирования колониального сознания у немецкого населения². С научными докладами выступали геополитики, экономисты, губернаторы бывших германских протекторатов, командиры колониальных охраняемых войск и другие участники боевых действий в Африке в годы минувшей мировой войны, известные

Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2004. № 9.

Эволюция колониального движения в политике нацизма

ветераны колониального движения, такие, как Пауль фон Леттов-Форбек, Карл Циммерман, Франц фон Эпп³. Делегаты съезда в течение шести дней посещали Германскую колониальную выставку, Бременский колониальный музей, проводили памятные встречи с военнослужащими воинских частей, на которых призывали молодое поколение германских воинов с честью нести славные колониальные боевые традиции былых боев и походов⁴.

В приветственном обращении к рейхстагу 23 мая 1938 года Франц фон Эпп с гордостью заявил, что Бременский съезд наряду с масовостью показал назревшую необходимость усилить работу по развитию «колониального сознания среди немецкого народа»⁵.

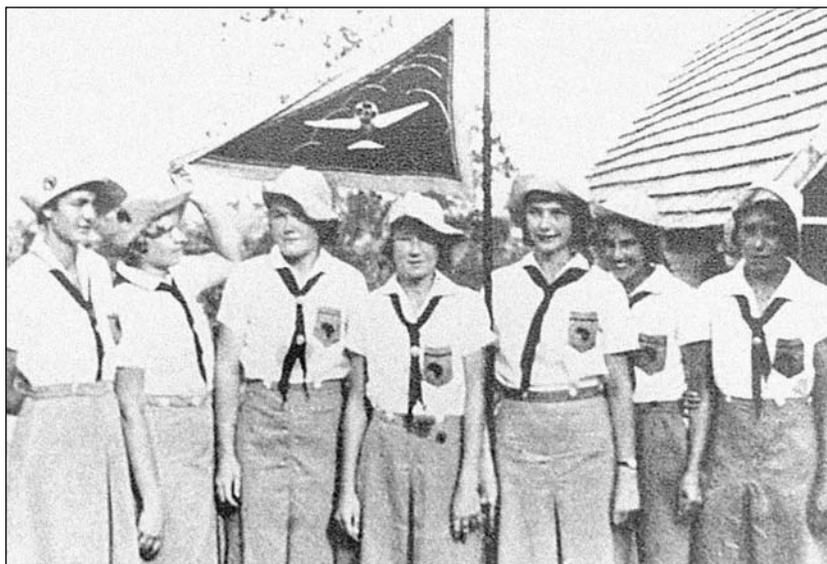
Исключительно важно то, что гитлеровский режим, проводя активную пропагандистскую работу внутри страны, принимал также все меры к усилению своего влияния среди немецких колонистов бывших германских протекторатов. Это придавало целостность колониальной программе нацистов и свидетельствовало о серьезности их намерений вернуться в Африку.

Еще до прихода нацистов к власти, в 1931 году, был создан за-

граничный отдел имперского правления НСДАП во главе с Г. Нисландом, переименованный позже в Зарубежную организацию НСДАП⁶. После отставки Г. Нисланда с 8 мая 1933 года отдел возглавил референт по Южной и Юго-Западной Африке Эрнст Вильгельм Боле, который с 1932 года работал гауинспектором в Зарубежном отделе НСДАП и одновременно являлся государственным секретарем министерства иностранных дел⁷. Этот гауляйтер (позже бригаденфюрер) на подчиненной ему территории⁸ 1 августа 1933 года основал «Общество германских женщин за рубежом», а с 30 января 1937 по 14 ноября 1941 года руководил более чем 3-тысячной Зарубежной организацией НСДАП, был организатором «пяток колонн» в разных странах, являясь одновременно статс-секретарем имперского министерства иностранных дел⁹.

Руководство заграничными организациями НСДАП осуществляли подотдел внешних сношений в отделе ПО-1 (Политической организации), позже внешнеполитический отдел НСДАП во главе с Иоахимом фон Риббентропом — бывшим адъютантом генерала Г. фон Секта — военного уполномоченного германской военной миссии в Турции в 1915 году. Этот отдел действовал параллельно с министерством иностранных дел и представлял собой экспертную группу по внешнеполитическим вопросам при канцелярии Рудольфа Гесса¹⁰.

Еще в 1931 году по инициативе Гесса было создано «Сообщество геополитики» во главе с оберфюрером СС Р. Вагнером, в котором состоял в качестве «генерального» консультанта известный в 20-е годы очень эрудированный ученый-геополитик гене-

Гитлерюгенд немецких колонистов в Юго-Западной Африке
30-е годы XX в.

рал Карл Хаусхофер. Его книги «Панидеи в геополитике» (1931), «Статус-кво и обновление жизни» (1939) и «Континентальный блок. Центральная Европа—Евразия—Япония» (1941) оказали значительное влияние на Гитлера и его окружение, были созвучны их экспансионистским настроениям и авантюристическим планам борьбы за мировое господство¹¹.

Руководство НСДАП создало стройную систему своих зарубежных филиалов на базе имеющихся в бывших германских протекторатах колониальных обществ и организаций. Главным штабом в проведении национал-социалистической работы стало имперское внешнеполитическое ведомство, которое еще до прихода нацистов к власти организовывало и финансировало переселенческую политику, инициировало создание немецких школ для детей немецких колонистов¹².

В создании фашистских организаций в бывших немецких колониях гитлеровской агентуре помогали миссионерские общества, церковь, экономические и консульские представительства. После 1933 года появились специальные агенты, которые в среде немецкого меньшинства создали национал-социалистические организации для всех возрастов. Их деятельностью руководили германские консулы и инструкторы, специально прибывающие из Германии с задачей содействия возврату бывших германских колоний в лоно фатерланда¹³. На организацию пропагандистско-подрывной работы и шпионажа за рубежом гитлеровский режим выделял 250 млн. марок, значительная часть которых предназначалась для африканского региона¹⁴.

ВДИРЕКТИВЕ уполномоченного по вопросам внешней политики в штабе заместителя фюрера по партии Риббентропа от 3 июля 1935 года всем зарубежным организациям НСДАП были поставлены следующие задачи: добиться у немецкого населения бывших германских колоний полного признания идей национал-социализма; осуществить полный охват и организационное объединение немецкого населения в систему партийной организации НСДАП — Германский союз; проводить активную работу по устранению официального запрета организаций НСДАП там, где они были распушены¹⁵.

На начало 1933 года было зарегистрировано не более 3300 членов НСДАП за рубежом. Уже в 1937 году их количество достигло 50 тыс. человек¹⁶. Для координации действий значительно возросшего отря-

да заграничных организаций нацистской партии был создан штаб зарубежных организаций НСДАП в составе 700 сотрудников¹⁷.

Особое внимание уделялось Юго-Западной Африке, находившейся под мандатом Южно-Африканского Союза (ЮАС). Социальную базу для нацистского проникновения здесь составляли немецкие колонисты и большое количество переселенцев из Германии. Если в 1921 году немецкое население Юго-Западной Африки составляло 7,8 тыс., то в 1931-м — 12 тыс., к 1937-му — 14 тыс. человек¹⁸. Переселением занималось специальное бюро, по инициативе которого был создан Союз имперских немцев Юго-Западной Африки с центром в Виндхукке. Деятельность этого и других германских союзов приняла настолько угрожающий характер, что в 1934 году правительство ЮАС было вынуждено произвести обыск Виндхукского бюро НСДАП, распустить нацистские немецкие организации и выслать из страны некоторое количество прибывших из Германии людей. Решение Претории вызвало резкий официальный протест германского внешнеполитического ведомства, которое через своего представителя потребовало «немедленно и без предварительной проверки возвратит все документы немецкого бюро»¹⁹.

Согласно документу большинства немецких граждан, принявших британское подданство, сохранили и германское. По требованию новых имперских властей они были обязаны давать клятву верности нацистскому режиму²⁰.

В бюллетене разведывательного отдела управления военных служб министерства колоний Франции отмечалось, что «большинство немцев, постоянно проживающих в ЮАС, являются членами некой организации, сравнимой с соответствующей организацией НСДАП в Германии», в которую входят группировки «Юнгфольк», «Арбайтфронт», «Сила в радости», «Зимняя помощь» и другие, находящиеся в Йоханнесбурге, Кейптауне, Блумфонтене, Дурбане, Порт-Элизабете, Ист-Лондоне, Дзанине, а также Штуттенхейме в Восточной провинции²¹. На периодических проводившихся нацистских собраниях в главных центрах Южной Африки выступали «наиболее высокопоставленные немецкие официальные лица». Активисты, отличившиеся в работе на пользу рейху, получали вознаграждение, а кто был пассивен или подозревался во враждебности к гитлеровскому режиму, заносился в черные списки, и на их родственников, про-

живавших в Германии, оказывалось давление²².

Распушенные правительственными органами ЮАС фашистские организации были переоформлены. Занимаясь исключительно «национальными» и «культурными» вопросами, они тем не менее продолжали свою деятельность в соответствии с задачами нацистского руководства Германии. Ядром новой организации «Объединение Юго-Западной Африки», созданной в конце апреля 1937 года, стали около 600 молодых южноафриканских немцев, прошедших специальную подготовку в Германии²³. В середине мая перед молодым поколением немцев из Африки была поставлена конкретная задача: превратить Юго-Западную Африку в опорную базу рейха²⁴.

КОНЦУ 30-х годов на территории Южно-Африканского Союза и подмандатной ему Юго-Западной Африки активную деятельность развернули «Бурская нация», «Трудовой фронт» и другие организации нацистского толка. Они должны были подготовить условия возврата ЮЗА Германии и создать в пробританской ЮАР нацистское правительство в качестве гаранта колониальной политики фашистской Германии на юге Африки²⁵. Результаты проделанной работы в области нацистской пропаганды были столь впечатляющи, что поразили представителей концернов имперской группы «Промышленность», посетивших весной 1938 года в составе делегации Южно-Африканский Союз²⁶.

Необходимо отметить, что из 54 тыс. общего количества сторонников фашистской Германии в Африке, 12 тыс. находились в Юго-Западной Африке, что составляло более 85 проц. от числа проживавших там немцев (14 тыс. человек)²⁷. На территории ЮАС была создана секретная организация «Бродербонд» (2700 человек), в состав которой в 1938 году входили полувоенные штурмовые группы²⁸. Второе место по значимости в работе с немецкими колонистами в бывших германских колониях занимала Танганьика (значительная часть бывшей Германской Восточной Африки). Здесь к концу 1929 года в руках бывших немецких владельцев было сосредоточено 32 проц. всех европейских предприятий и 28 проц. земли, которой владели выходцы из Европы²⁹.

В Танганьике и Кении действовали специальные группы нацистской партии. Они создавали опорные базы Германии для проникновения в эти страны, закрепления в них с последующим занятием колониального пространства европейских соседей. Это была строй-

ная система фашистских опорных пунктов, дополненная впоследствии такими нацистскими организациями, как «Союз немецких женщин», гитлерюгенд, «Союз немецких девушек». Именно в них состояли дети немецких колонистов в Танганьике³⁰. Функционирование организаций и групп в этой стране осуществлялось с помощью финансовой подпитки из Германии. Только на содержание руководителя НСДАП в бывшей Германской Восточной Африке в 1937/38 финансовом году было выделено 19 824 рейхсмарки³¹.

В отличие от Юго-Западной Африки в Танганьике возникла бы проблема обеспечения германских колониальных предприятий дешевой рабочей силой. Профессор Р. Турнвальд в своем выступлении в Берлинской академии германского права 11 июля 1938 года предложил в будущем взять на вооружение принцип четкого разграничения сфер деятельности на «черное и белое пространство». В зонах черного населения — «черном пространстве» — туземцы могли бы жить и размещаться под присмотром немецкого белого опекуна и миссионерства, а в «белом пространстве» можно было бы целенаправленно организовывать хозяйственные предприятия европейского типа³².

КНАЧАЛУ Второй мировой войны нацистские организации активизировались настолько, что британские власти Танганьики были вынуждены репатриировать большинство зарубежных немцев со своей подмандатной территории³³.

Кроме того, подобного рода нацистские организации были созданы также и в Южно-Африканском Союзе, и в африканских колониях европейских государств при активном участии представителей германских фирм, консульств, средств массовой информации, руководства и членов немецких христианских миссий.

Как отмечалось в воззвании «К немецкому народу», бурную деятельность на территории Золотого Берега, Того и Дагомеи развернул располагавшийся в Аккре (английский Золотой Берег) «Дойче-Того-Лендербунд», который с 1924 года неустанно боролся за возврат Германии ее украденных колоний, выражая добрые пожелания новой Германии и благословляя ее на большое свершения³⁴.

Из африканских колоний Франции в главное управление ее безопасности потоком шли донесения о том, что в Того и Камерун под вымышленными фамилиями направляются руководители НСДАП, для того чтобы «бороться с коммуниз-

мом, разрушающим эти две колонии»³⁵. В секретном донесении в Париж от 19 марта 1938 года сообщалось, что для соответствующей работы в Германской Юго-Западной Африке и Германской Восточной Африке «подобраны немцы из бывших германских колоний, которые предварительно пройдут специальное обучение в Германии»³⁶. В нем же указывалось, что немецкая компания «Дойче—Того—Гезельшафт» в Ломе (Того) являлась убежищем для немецких агитаторов. Эта компания обратилась в гестапо Берлина с просьбой об отправке «рабочих» в распоряжение тоголезского «Плантационного общества» в г. Моливе³⁷.

9 июля 1937 года из Камеруна в главное управление безопасности Франции поступила информация о полете на легком самолете инженера-химика фармацевтического акционерного общества из Базеля доктора Фусбана и немецкого фоторепортера еженедельника «Berliner-Illustrirte» Эрика Андерса. Они должны были подготовить репортаж о бывших немецких подмандатных территориях в целях пропаганды немецких колониальных притязаний³⁸.

Газетно-журнальные комментарии и радиопропаганда влияли на настроения немецких колонистов. Любой успех гитлеровского руководства в рейхе и за его пределами воспринимался местными нацистскими организациями в Африке как призыв к активизации работы по вовлечению в свою сферу новых соратников, в том числе из коренного африканского населения.

Таким образом, государственными и общественными институтами нацистского режима колониальные общества и союзы, созданные еще в имперский период и годы Веймарской республики, были превращены в массовые организации, охватившие все слои немецкого общества внутри страны и зарубежом. Деятельность этих организаций была пронизана идеями человеконенавистничества и расового превосходства. «Третий рейх» планировал уничтожить славянские народы и переселить в «освобожденные» области немецких поселенцев, создать новую Европу, образовать всемирный германский колониальный рейх.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Das Buch der deutschen Kolonien / Hrsg. Unter Mitarbeit der früheren Gouverneure von Deutsch-Ostafrika von Heinrich Schnee. Leipzig, 1937.

² Großdeutschland-Deine Kolonien! Festschrift zur Reichstagung des Reichskolonialbundes in Bremen 24. bis 29. Mai 1938. Berlin: Reichskolonialbund, 1938. S. 12.

³ Jbid. S. 53—60.

⁴ Jbid. S. 43—44, 53—60.

⁵ Afrika-Rundschau. Berlin. 1938. Nr. 2. S. 31.

⁶ Буханов В.А. Европейская стратегия германского фашизма. 1933—1939. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. С. 52.

⁷ Залесский К.А. Кто был кто в Третьем рейхе. Биографический энциклопедический словарь. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство АСТРЕЛЬ», 2002. С. 75.

⁸ Вся территория Германии с приходом Гитлера к власти была поделена на 32 (позже 42) областные административные единицы — гау со своими районными (Kreise), местными группами (Ortsgruppe) и ячейками (Zellen), последние из которых делились на блоки. Во главе каждой территориальной организации стоял соответственно руководитель (лейтер): гау-лейтер, крайслейтер, ортсгруппенлейтер, целленлейтер и блоклейтер (см.: Энциклопедия Третьего рейха. М.: ЛОКИД-МИФ, 1996. С. 128.).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 410; Залесский К.А. Указ. соч. С. 106—107, 561.

¹¹ Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. С. 251—418.

¹² Буханов В.А. Указ. соч. С. 100.

¹³ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 082. 1942. Оп. 25. П. 117. Д. 13. Л. 9.

¹⁴ Лот Г. Вторжение в Восточную Африку / Пер. с нем. М.: Наука, 1971. С. 101.

¹⁵ Bundesarchiv, Abteilungen Potsdam, Reichskolonialamt. Nr. 1083. Bl. 11 Rs.

¹⁶ Kühne H. Faschistische Kolonialideologie und zweiter Weltkrieg. Berlin: Dietz Verlag, 1962. S. 128.

¹⁷ Йонг Л. Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне. М.: Иностран. лит., 1958. С. 409.

¹⁸ Заменгоф М. Колониальные притязания германского фашизма в Африке. М.: Госсоцэргиз, 1937. С. 10.

¹⁹ Bundesarchiv, Abteilungen Potsdam, Reichskolonialamt. Nr. 1941. Bl. 226.

²⁰ Заменгоф М. Указ. соч. С. 12.

²¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 198к. Оп. 9а. Д. 14507. Л. 66.

²² Там же. Л. 67.

²³ Заменгоф М. Указ. соч. С. 13.

²⁴ Там же.

²⁵ Бантинг Б. Становление Южно-Африканского рейха. М.: Мысль, 1965. С. 71.

²⁶ Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны. М.: Прогресс, 1977. С. 154—158.

²⁷ Mader J. Neokolonialistischen Praktiken der BRD gegenüber Namibia // Deutsche Außenpolitik. Berlin. 1977. Nr. 6. S. 81.

²⁸ Jbid.

²⁹ Лот Г. Указ. соч. С. 99.

³⁰ Там же. С. 109.

³¹ Bundesarchiv, Abteilungen Potsdam, Reichskolonialamt. Nr. 1083. Bl. 150.

³² Лот Г. Указ. соч. С. 103.

³³ Там же. С. 109.

³⁴ РГВА. Ф. 7к. Оп. 1. Д. 91. Л. 272.

³⁵ Там же. Л. 48.

³⁶ Там же. Л. 47.

³⁷ Там же. Л. 48.

³⁸ Там же. Л. 129.

**Полковник в отставке
С.В.ФОКИН,
кандидат исторических наук,
доцент
(Москва)**

«РУССКИЙ МОРСКОЙ ИНЖЕНЕР-МЕХАНИК ДОЛЖЕН БЫТЬ «НАУЧНЕЕ» МОРСКИХ МЕХАНИКОВ ВСЕХ СТРАН»

Наставники отечественных морских инженеров

Регулярное военно-морское инженерное образование в России ведет свое начало с 20 (31) августа 1798 года, когда по указу императора Павла I в Санкт-Петербурге было основано Училище корабельной архитектуры¹. В XIX веке начала складываться двухуровневая система этого направления образования, первой (основной) ступенью которой считалась подготовка в упомянутом училище², а второй — учеба в Николаевской морской академии. В течение многих десятилетий эта система сумела сохранить свои основные черты, но при этом, конечно же, содержание учебных дисциплин существенно изменилось в связи с бурным развитием науки и морской техники в XX веке, о чем и идет речь в предлагаемой читателям статье. Авторы большую часть исследования посвятили периоду, когда подготовка флотских специалистов коренным образом изменялась. Более чем за 200 лет отечественного морского инженерного образования питомцы Училища корабельной архитектуры — Военно-морского инженерного института, если условно объединить историю родственных вузов, внесли весомый вклад в развитие ВМФ, в первую очередь отечественного и мирового кораблестроения, военно-морской науки и техники: совершенствование парусного, парового, броненосного, дизельного, современного ракетно-ядерного атомного океанского флота, подготовку высококвалифицированных кадров офицеров-инженеров корабельной службы.

НА ЭТОМ большом пути все успехи и неудачи в значительной мере связаны не только с требованиями того или иного периода, возможностями страны, достижениями науки и техники, но и с личностями людей, которые в то или иное время руководили военно-морским инженерным образованием в нашей стране. Таких руководителей было 55, и дела каждого из них — это определенная веха на более чем двухвековом пути. В первую очередь среди них необходимо назвать тех, чья деятельность на посту директора (начальника) учебного заведения на долгие годы определила направление и стратегию подготовки специалистов корабельной службы. В числе таких видных лиц — А.И. Пароменский, М.А. Крупский, И.Г. Милашкин, Н.И. Румянцев, М.А. Крастелев, А.А. Саркисов.

Первый в этом ряду генерал-лейтенант по Адмиралтейству Александр Иванович Пароменский возглавлял Морское инженерное училище императора Николая I с 6 (19) мая 1900 по 22 ноября (5 декабря) 1908 года. Он пользовался непререкаемым авторитетом не только у сослуживцев, но и у всего корпуса корабельных инженеров и инженеров-механиков.

Проявляя завидную эрудицию,

А.И. Пароменский мог в случае необходимости заменить на учебных занятиях отсутствующих преподавателей. «Надо удивляться искусству и мужеству Пароменского вести к подъему свое детище, будучи изолированным в своей неустанной борьбе за сохранение престижа научности училища»³, — писал один из многочисленных учеников Александра Ивановича В.П. Улановский. В другой публикации труд военно-морского деятеля государственного масштаба оценивался так: «Человек выдающихся педагогических способностей, глубоко образованный и горячо любивший свое училище, А.И. Пароменский с отеческой заботливостью относился к воспитанникам, среди коих снискал к себе искреннее чувство признательности»⁴.

В вопросах воспитания и обучения корабельных инженеров и инженеров-механиков флота А.И. Пароменский исходил из того, что нельзя написать для всех в совокупности общих правил, а необходимо изучать каждого человека в отдельности, учитывать особенности каждой натуры. Вместе с тем он поучал своих питомцев: «Русский морской инженер-механик должен быть «научнее» морских механиков всех стран»⁵.

Многочисленные инженерно-технические и физико-математические работы, принадлежащие перу А.И. Пароменского, свидетельствуют о его широкой эрудиции, исследовательском, публицистическом и педагогическом мастерстве, о глубоких военно-морских инженерных знаниях. Ученый-инженер, он также много сделал как военно-морской историк, подтверждением чему может служить классическая работа «Исторический очерк Морского инженерного училища императора Николая I (1798—1898)» в трех выпусках (издания 1898, 1900 и 1911 гг.). Его творчество интересно, полезно, злободневно и сегодня. Разве не актуален, к примеру, такой его вывод: «Большая забота о школах и хорошее их устройство есть лучший показатель культуры народа. Только в высококультурном народе может проявиться ясное сознание важности школы и умение хорошо и целесообразно ее строить. В хорошо устроенных школах лежит будущее народа, а посему и подавно будущее военного флота лежит в военно-морских школах, составляющих офицерский личный состав флота»⁶.

Опыт видного военного мыслителя и педагога активно использовали его преемники, передавая и этот опыт, и славные традиции отечественного инженерного образования от поколения к поколению. Одним из таких последователей А.И. Пароменского можно считать выпускника училища 1925 года вице-адмирал-инженера Михаила Александровича Крупского, возглавлявшего прославленный вуз в 1941—1948 гг. Особое внимание он обращал на поддержание твердого внутреннего порядка, усиление воинской дисциплины, улучшение учебной и научно-исследовательской работы, повышение квалификации командного и преподавательского состава.

М.А. Крупскому принадлежит огромная роль в сохранении училища в годы Великой Отечественной войны. В этот период под его руководством было произведено три передислокации учебного заведения. С началом же боевых действий Михаил Александрович руководил формированием и направлением на фронт двух истребительных батальонов, принявших участие в боях под Ленинградом. После передислокации учили-

А.И. Пароменский

М.А. Крупский

Военно-морской инженерный институт в Санкт-Петербурге

обучении курсантов в качестве базовых были приняты проекты новых кораблей и атомных подводных лодок. Уже в октябре 1958 года по программе ускоренной переподготовки паросиловиков состоялся первый выпуск специалистов по корабельным ядерным энергетическим установкам. Таким образом, еще до вступления в состав Военно-морского флота страны первых атомных подводных лодок училище соответствующим образом перепрофилировалось, оказалось обеспеченным в научном и методическом планах, было организационно подготовлено к обучению будущих специалистов по атомной энергетике, что на многие годы вперед определило направление сложного процесса, заложило новые традиции, сформировало, что особенно важно, научную и методическую школу подготовки специалистов современного профиля.

В целом следует отметить, что благодаря целенаправленной деятельности И.Г. Миляшкина возглавляемое им учебное заведение к концу 50-х годов XX века стало одним из ведущих центров как в системе Военно-морского флота, так и среди высших технических учебных заведений и научно-исследовательских институтов судостроительного профиля. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 августа 1956 года училищу было предоставлено право приема научных работ к защите диссертаций на соискание ученой степени доктора технических наук⁷.

ПРИОБРЕЛА известность и популярность в то время и другая кузница флотских инженерных кадров — Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище, которым с 27 марта 1956 по 30 ноября 1971 года руководил капитан 1 ранга-инженер (впоследствии вице-адмирал-инженер) Михаил Андроникович Крастелёв. Он, выпускник училища имени Ф.Э. Дзержинского 1939 года, участник Великой Отечественной войны, по праву считался крупным специалистом по архитектуре, управлению и

ща в пос. Правдинск (под г. Горьким, ныне Нижний Новгород) в конце октября 1941 года при участии М.А. Крупского на фронт было направлено 50 проц. личного состава вмуза.

В послевоенные годы под его руководством осуществлялось совершенствование учебного процесса: были пересмотрены и откорректированы с учетом опыта Великой Отечественной войны новые учебные планы и программы, введены новые дисциплины. Большое значение при этом отводилось вопросам борьбы за живучесть надводных кораблей и подводных лодок, анализу причин их гибели в боевой обстановке.

С 10 апреля 1953 по 22 января 1966 года училищем руководил известный специалист в области военного кораблестроения контр-адмирал-инженер, а затем вице-адмирал-инженер Иван Георгиевич Миляшкин (ВМИУ имени Ф.Э. Дзержинского окончил в 1931 г.). Его большая жизненная школа, служба на Балтийском флоте, где он прошел путь от командира электромеханической боевой части подводной лодки до флагманского инженера-механика дивизиона ПЛ, руководство судостроительными заводами в Николаеве и Ленинграде, работа заместителем министра судостроительной промышленности СССР и военноморского министра СССР по эксплуатации и судоремонту позволили ему накопить огромный производственный, административный и военно-инженерный опыт и оказались особенно важными в связи с изменени-

ем в этот период специализации училища. Вмуз все определеннее сосредоточивал усилия на подготовке офицеров-инженеров для подводных лодок, а позднее — для надводных кораблей и подводных лодок с новыми энергетическими установками. При этом И.Г. Миляшкин пользовался непререкаемым авторитетом у всего коллектива училища, в первую очередь у курсантов. Его внешняя суровость эффективно сочеталась с высочайшей принципиальностью в работе, с одной стороны, доверием к людям и доступностью в общении, неизменным чувством такта — с другой.

Переломными в истории вмуза стали 50—60-е годы XX века. В 1954-м были введены новые учебные планы, из программ исключены второстепенные вопросы, исчезли дублирование и параллелизм тем в родственных дисциплинах, появились новые предметы (например, противорадиационная защита).

3 мая 1957 года приказом главнокомандующего ВМФ СССР № 11 в училище на базе паросилового и подводного (дизельного) факультетов был образован специальный факультет для подготовки инженеров-механиков по газотурбинным и специальным энергетическим установкам подводных лодок. Резко изменились учебные планы и программы, перестраивался весь учебно-воспитательный процесс, велись поиски новых подходов к обучению, наиболее приемлемых и рациональных методических приемов, при

И.Г. Мияшкин

М.А. Крастелёв

Н.И. Румянцев

А.А. Саркисов

живучести подводных лодок, высококвалифицированным педагогом. С назначением М.А. Крастелёва начальником Севастопольского вмуза здесь заметно активизировалась работа по всем направлениям. Это был период интенсивной реконструкции училища, совершенствования его учебной базы, активного роста профессионального и педагогического мастерства профессорско-преподавательского состава. Особое внимание уделялось строительным-восстановительным работам и развертыванию учебно-лабораторной базы в соответствии с трехлетним планом, который был разработан к середине 1956 года. Тогда же была открыта адъюнктура, что позволило организовать широкую подготовку научно-педагогических кадров за счет привлечения способных молодых офицеров с флотов.

В июле 1958-го были осуществлены некоторые изменения в организационной структуре училища с упорядочением курсовой системы и созданием факультетов, а также новых кафедр. 2 мая 1960 года открылся факультет эксплуатации атомных энергетических установок подводных лодок.

Совет училища под руководством М.А. Крастелёва на своих заседаниях в феврале, марте и июне 1964 года рассмотрел вопросы применения методов физического и математического моделирования в научно-исследовательской, методической работе и в учебном процессе, а также перспективы развития учебно-лабораторной базы в этом направлении.

Значимым элементом эксплуатационной подготовки здесь всегда считалась корабельная практика, предполагающая и участие курсантов в длительных походах кораблей. В 1969 году по решению главнокомандующего ВМФ третьекурсники нескольких учебных классов участвовали в дальнем морском походе по маршруту Мурманск — Северная Атлантика — Куба — Западная Африка — Мурманск, получив хорошую практическую подготовку. В трудных походных условиях им прививались

необходимые качества: выносливость в борьбе со стихией, чувство коллективизма, гордость за надежную современную отечественную технику, которой оснащены боевые корабли.

Большая работа, которую в 60-е годы прошлого века проводил коллектив училища под руководством М.А. Крастелёва, принесла положительные результаты. Существенные изменения претерпели организация и методика обучения и воспитания курсантов, заметно улучшилась подготовка научно-педагогических кадров, повысилась их научная квалификация. Вырос также научный авторитет заведения, укрепилась его связь с флотом и научными организациями страны.

Добрые традиции сложились и во 2-м ВВМИУ — Ленинградском высшем военно-морском инженерном училище имени В.И. Ленина, которым 16 лет (с 26 декабря 1959 по сентябрь 1975 г.) руководил вице-адмирал-инженер Николай Иванович Румянцев, участник Великой Отечественной войны, выпускник ВМИУ имени Ф.Э. Дзержинского 1938 года. В связи с этим примечательны воспоминания (конец 60-х годов) заместителя командира бригады эскадренных миноносцев по электромеханической части капитана 2 ранга-инженера Ю.Б. Романовского. «В 1957 году, — рассказывал он, — механики-северяне были удивлены переводом флагманского инженера-механика эскадры капитана 1 ранга Н.И. Румянцева на должность начальника факультета 2-го ВВМИУ. Все знали его как хорошего практика, умелого руководителя, работоспособного офицера... Причину этого мы поняли только через 2 года, когда его назначили начальником училища. В училище, видимо, он был нужен как руководитель, хорошо знакомый с современной службой корабельных инженеров-механиков... Ежегодно начальник училища бывал у нас на кораблях, беседовал с флагманскими инженерами-механиками и опытными командирами электромеханических боевых час-

тей. Детально знакомился с деятельностью молодых инженеров-механиков. Постоянно чувствовалось при этих посещениях, что руководство училища изучает все стороны службы выпускников, ищет проблемы в их подготовке, стремится выявить лишнее, не находящее на флоте применения, в их училищном багаже... И выпускники училища из года в год становились все более подготовленными к флотской службе»⁸.

В этом направлении серьезным шагом вперед явился постепенный отход от конструкторской направленности дипломного проектирования, в задания которого с 1966 года начали включаться разделы по обязательной разработке наиболее рациональных приемов повседневной и боевой эксплуатации элементов энергетических установок, их ремонту, а также по борьбе за живучесть как отдельных механизмов, так и корабля в целом. С этого времени темы дипломных проектов и объекты преддипломной стажировки согласовывались с предполагаемым распределением выпускников по кораблям и флотам, что позволило конкретизировать обучение курсантов на заключительном этапе.

ВАЖНУЮ роль в усилении практической направленности обучения сыграли тактико-специальные учения, включаемые с 1969 года в учебный план и проводимые под общим руководством начальника училища. В них задействовались учащиеся 5-го курса, отработавшие перед последней экзаменационной сессией в комплексном варианте фактическое исполнение обязанностей корабельных инженеров-механиков на первичных должностях по управлению подразделениями и техническими средствами в повседневных и боевых условиях. Начиная с 1972 года первокурсники сдавали зачеты на самостоятельное управление шлюпкой на веслах и под парусом, а будущие выпускники — зачет на допуск к самостоятельному управлению группой БЧ-5, на малых кораблях — электромеханической боевой частью.

Существенной задачей начальника училища считал рост научно-методического мастерства профессорско-преподавательского состава. Несмотря на сократившуюся в этот период численность офицеров и мичманов кафедр и лабораторий, научно-исследовательская работа на училищной базе не только не была свернута, но и расширилась в соответствии с профилем подготовки курсантов.

Повышение значимости вмуза как центра по подготовке высококвалифицированных научных работников позволило поставить вопрос об открытии в нем квалификационного органа — совета по присуждению ученых степеней, который был образован по согласованию с Министерством высшего и среднего специального образования СССР в марте 1971 года. Совету, председателем которого утвердили вице-адмирала Н.И. Румянцева, разрешилось принимать к защите диссертации и утверждать ученые степени кандидата технических наук по двум специальностям: вооружение и военная техника и автоматическое управление и регулирование.

Немало добрых слов заслужил коллега Н.И. Румянцева по обучению и воспитанию инженеров флота, участник Великой Отечественной войны, доктор технических наук, профессор, академик РАН вице-адмирал Ашот Аракелович Саркисов. С 30 ноября 1971 по февраль 1984 года он возглавлял Севастопольское ВВМИУ. В училище, готовящем будущих военных инженеров для атомного флота, А.А. Саркисов решил строить настоящий реактор для подготовки специалистов и проведения научно-исследовательской работы. По тем временам это, можно сказать, была неслыханная дерзость, поскольку в стране подобных установок насчитывались единицы. Необходимость подобной капитальной работы долго пришлось доказывать командованию ВМФ, министрам среднего машиностроения и здравоохранения. «Сегодня, — честно признается А.А. Саркисов, — я бы сам сказал: это невозможно. Но тогда хотелось сделать все по максимуму. Ибо был уверен в необходимости этого, чтобы догнать США, которые значительно раньше нас достигли научно-технического уровня, позволявшего им обеспечить необходимые тактико-технические показатели атомных субмарин. Позже нам удалось достичь паритета по атомоходам — носителям стратегического оружия»⁹.

Реактор в училище был построен всего за 5 лет. «Удалось достичь паритета по атомоходам» с Соединенными Штатами не только благодаря «волонтеристскому проекту» и «дерзкой идее» А.А. Саркисова, но и его научным разработкам¹⁰.

С его приходом в училище значительно улучшилась научно-методическая работа, стали регулярно проводиться научно-методические и научно-технические конференции про-

фессорско-преподавательского состава по актуальным вопросам обучения и воспитания курсантов. Для повышения практической подготовки выпускников широко использовалась различная учебная техника — электронные и электромеханические тренажеры по управлению кораблем, энергетической установкой, электрическими системами и их отдельными элементами. Постоянными элементами процесса обучения стали учебное телевидение, кино- и диапроекторы с дистанционным управлением, магнитофоны. Большое внимание уделялось машинным видам контроля за качеством тренировочного процесса, стандартизации и упрощению контрольных операций. Для этого использовались как промышленные технические образцы, так и местные, созданные под руководством А.А. Саркисова, например установки массового контроля и циклического опроса с блоками накопления обобщенной информации о качестве усвоения материала.

В 1976 году училище посетил президент АН СССР, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР академик Анатолий Петрович Александров. Он участвовал в церемонии открытия мемориального памятного знака в честь советских ученых, моряков-черноморцев и питомцев училища, решивших в годы Великой Отечественной войны под руководством А.П. Александрова важнейшую проблему размагничивания кораблей.

Академик встретился с курсантами, офицерами и профессорско-преподавательским составом, осмотрел лаборатории и кафедры, после чего сделал следующую запись в Книге почетных посетителей: «Уровень оснащенности лабораторий на меня произвел отличное впечатление. Замечательно, что многие тренажеры и пособия являются результатом собственных разработок профессорско-преподавательского состава и курсантов. Широкое планирование преподаваемых дисциплин и оборудование лабораторий позволяют училищу сообщать курсантам основательные фундаментальные сведения наряду с высоким уровнем практической подготовки. Деятельность училища, как мне представляется, заслуживает самой высокой оценки, как вся созданная в нем обстановка»¹¹.

Из поколения в поколение продолжатели дела питомцев Санкт-Петербургского училища корабельной архитектуры — воспитанники соответствующих вмузов и Военно-морского инженерного института верны девизу предшественников: «Знание — делу, верность — службе, польза — Отечеству». Воспитатели морских инженеров России всегда стремились сохранить историческую преемственность лучших традиций. Верность им сегодня, в сложное для России, его Вооруженных сил, Военно-морского флота время — залог их жизнеспособности в будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное собрание Законов Российской Империи с 1649 года. Т. XXV. 1798—1799. СПб.: Тип. II отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. С. 550—552. Училище корабельной архитектуры, образованное в 1798 г., просуществовало сравнительно недолго и в 1817 г. практически было слито с Морским кадетским корпусом. Через десять лет был создан Учебный морской рабочий экипаж, кондукторские роты которого готовили инженеров. В 1856 г. Учебный экипаж был расформирован, а подготовка инженеров стала осуществляться в Инженерно-артиллерийском училище морского ведомства, позднее оно стало именоваться Инженерным училищем морского ведомства, затем Техническим училищем морского ведомства и только с 1898 г. — Морским инженерным училищем. Все эти переименования сопровождались реформированиями, изменениями учебных планов, что дает возможность судить о той роли, которая отводилась инженерным кадрам руководителями флота и государства на различных исторических этапах.

² Образованное в Санкт-Петербурге училище корабельной архитектуры явилось первым в мире учебным заведением подобного предназначения. Некоторое время с ним конкурировало и второе такое же, созданное тогда же в г. Херсоне (Черноморский флот) и прекратившее свое существование спустя пять лет, в 1803 г. Ну а первое, приняв в свои стены семь лучших учеников Херсонского училища, просуществовало формально до 1817 г., практически слившись затем с Морским кадетским корпусом. Можно сказать и иное: в действительности оно продолжало выполнять свою роль в течение двух веков, меняя лишь наименование, дислокацию, а то и профиль. См.: Кузнец И.М. Адмиралтейская академия. М.: ГУП, Изд. дом «Руда и металлы», 1998. С. 35.

³ Кузнец И.М. Указ. соч. С. 139.

⁴ См.: Военная энциклопедия. Т. 16. СПб.: Изд. И.Д. Сытина, 1914.

⁵ Кузнец И.М. Указ. соч. С. 152, 153.

⁶ Там же. С. 134.

⁷ Там же. С. 464.

⁸ История Высшего военно-морского инженерного училища. г. Пушкин, 1998. С. 94.

⁹ Военно-исторический архив. 2002. № 3. С. 27.

¹⁰ Там же.

¹¹ Отечественная военная история. Подводник России. Информационно-исторический альманах Союза подводников России. Вып. 1. М., 2002. С. 193.

**Контр-адмирал
Н.П. МАРТЫНОВ,
кандидат технических наук,
профессор,
начальник Военно-морского
инженерного института;
капитан 1 ранга в отставке
И.М. КУЗИНЕЦ,
доктор исторических наук,
профессор
(Санкт-Петербург)**

Уважаемые товарищи!

Наш дед Никифоров Ф.Е., 1909 года рождения, был призван в армию из д. Весёловка Фёдоровского района Башкирской АССР 27 августа 1941 года, воевал под Ельней Смоленской области и пропал без вести в апреле 1942 года. Со слов отца, в 1946 году они получили извещение о том, что дед пропал без вести в смоленских лесах в апреле 1942-го.

Я неоднократно пытался найти следы деду по госархивам, однако безрезультатно. И все же продолжаю поиски.

В связи с этим не смогли бы вы опубликовать в одном из номеров статью об участвовавших в боях под Ельней Смоленской области и в соседних областях с сентября 1941 по май 1942 года дивизиях и полках — не для удовлетворения моей просьбы (понятно, что это невозможно), а включив эти материалы в план публикаций журнала в порядке отражения военной стратегии. Это интересует многих россиян и за рубежом, тем более что приближается 60-летие Великой Победы. Если это невозможно, то, учитывая, что ранее в ВИЖе уже были публикации об этом, не смогли бы вы ответить, когда выходили такие статьи?

Заранее вам благодарен.
С уважением,

В.Ф. НИКИФОРОВ
(г. Мелеуз,
Республика Башкортостан)

Здравствуй, уважаемая редакция «Военно-исторического журнала»!

Познакомился с вашим журналом, когда служил в армии в 1994 году, и влюбился в него. Меня очень интересуют события Второй мировой войны и Наполеоновские войны.

Живу в провинции России — в Омске, поэтому не вся литература нам доступна. Очень вас прошу, просто умоляю, подскажите, пожалуйста, где и как можно заказать следующие книги: Герои-танкисты 41-го.... Сб. очерков. М.: РИЦ ГШ ВС РФ; Герои-танкисты 42-го....; Герои-танкисты 43-го.... Кн 1. М.: Изд. дом Грааль, 2001; Герои-танкисты 43-го.... Кн. 2. Докум. очерки, РИЦ ГШ ВС РФ, 2003; Печенкин А.А. Высший командный состав Красной армии в годы Второй мировой войны. М.: Прометей, 2002. 294 с.

Уважаемая редакция, если можно заказать через вас данные книги, напишите мне.

До свидания!
Желаю вам всем удачи!

С уважением,

Н.В. ДУРМАНОВ
(г. Омск-27)

Уважаемая редакция!

Более тридцати лет регулярно читаю ваш интересный и познавательный журнал. Я собираю материалы о своих родственниках — братьях отца и матери, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Около года назад из Репьевского РВК Воронежской области получил копию похоронки на брата мамы Усачева Николая Даниловича, стрелка 304 АОШР, полевая почта 83550. В ней говорится, что Усачев Н.Д. погиб 16 октября 1944 года, похоронен в Латвийской ССР, в Добельском уезде, деревне Спрунстэли. Подписал документ командир части старший лейтенант. Очень важные сведения, но попытки расшифровать указанные номера «304 АОШР» и «полевая почта 83550» не принесли успеха. Центральный архив МО РФ в Подольске на мой запрос не отвечает с октября 2003 года, Институт военной истории тоже молчит. Осталась надежда на вас. 304 АОШР очень похожа на 304-ю армейскую отдельную штрафную роту, а полевая почта 83550, возможно, ее условное наименование, да и звание старший лейтенант командира части больше подходит для роты.

Ваш журнал, по-моему, поднимал как-то проблему штрафных рот и батальонов. Может быть, автор этого материала поможет мне расшифровать указанные номера и определить, какой армии принадлежала 304 АОШР.

Интересует меня также и судьба 44-й мотострелковой бригады 1-го танкового корпуса, в составе которой воевал мой отец Троян Петр Емельянович. Собираю сведения об истории этой бригады, ее командирах.

С уважением,

**полковник запаса
Н.П. ТРОЯН,
начальник отдела кадров
Института истории,
археологии и этнографии
Дальневосточного отделения
РАН**

(г. Владивосток)

Уважаемая редакция «Военно-исторического журнала»!

Я, подписчик и читатель вашего журнала, обращаюсь за советом. Мой дед Свистунов Григорий Андреевич служил в Первую мировую войну, вплоть до революции, в Петербурге (Петрограде) в лейб-гвардии Егерском полку, в низших чинах. Хотелось бы найти достоверную информацию о его службе. Посоветуйте, пожалуйста, как мне это сделать. Может быть, кто-то из ваших авторов знаком с этим вопросом.

**С уважением
Н.Д. СВИСТУНОВ**

(д. Передольская Новгородской обл.)

Уважаемая редакция!

Мне было 16 лет, когда началась война. Рыли окопы, противотанковые рвы, работали на лесоповалах.

С 6 апреля 1942 года в составе 26-го отдельного зенитно-прожекторного батальона я защищала Москву, прошла с ним всю войну. Служила честно, добросовестно. Имею орден Отечественной войны 2-й степени, медали «За победу над Германией», «За взятие Берлина», «Ветеран труда». К сожалению, медали «За оборону Москвы» не получила. Демобилизована 31 июля 1945 года из г. Лодзи (Польша) в звании ефрейтора.

В Москве проработала 3 года в тресте «Дальстройснаб» НКВД. В Магадан прибыла по договору в июле 1948 года. На пенсию проводили меня в мае 1989 года и тут же пригласили в Совет ветеранов. Как-то в Совете ветеранов составляли списки участников Курской битвы, но меня не включили по той причине, что якобы наш зенитно-прожекторный батальон в ней не принимал участия. Помогите это уточнить. Еще один вопрос. Я потеряла удостоверение к медали «За победу над Германией». Как бы его восстановить?

В.В. ПЛЕШАКОВА

(г. Магадан)

ОТ РЕДАКЦИИ. К подобным письмам, поступающим в редакцию, мы относимся внимательно, стремимся учитывать интересы их авторов при разработке перспективных тематических планов публикаций, планов очередных номеров журнала. К сожалению, из-за малого числа сотрудников редакция не имеет возможности вступать в переписку с читателями, каждому из них отвечать на содержащиеся в письмах вопросы, помогать в поиске тех или иных сведений.

В связи с этим еще раз уведомляем наших читателей, что в Российской Федерации установлен порядок, согласно которому документальные материалы хранятся в соответствующих учреждениях и архивах. Порядок оформления запросов, а также адреса, по которым их следует направлять, изложены в документах, издающихся Министерством обороны РФ и Генеральным штабом Вооруженных сил России. Такие документы имеются в местных военных комиссариатах. Правила составления запросов по розыску и уточнению различных сведений о военнослужащих, военнообязанных, лицах, снятых с воинского учета, а также о гражданском персонале Вооруженных сил РФ содержатся, в частности, в директиве министра обороны Российской Федерации № Д-6 от 25 марта 1995 года. В ней приведены формы анкет-запросов на офицеров, проходящих военную службу, подтверждение прохождения военной службы (работы) и других данных на офицеров запаса (в отставке), прапорщиков, мичманов, военнослужащих-женщин, солдат и матросов, сержантов и старшин, гражданский персонал (вольнонаемных), о подтверждении ранения (заболевания), об установлении судьбы, места захоронения военнослужащего. В директиве имеется перечень учреждений и архивов (адресов), куда

следует направлять запросы. Редакция «Военно-исторического журнала» в этот перечень не включена, перед нами поставлены другие, не менее важные задачи.

О сроках ответа на запросы в Центральный архив Министерства обороны РФ. По нашей информации, у сотрудников архива в последние годы заметно прибавилось работы, вследствие чего происходят задержки с подготовкой ответов. Но, как правило, ни один грамотно и по установленной форме направленный запрос не остается без ответа.

Некоторые авторы, направившие свои статьи для публикации в журнале, настойчиво требуют от редакции письменно сообщить срок их опубликования. К сожалению, мы не располагаем такой возможностью. Рекомендуем за справками в этом случае обращаться в редакцию по тел.: (095) 157-84-50, 157-87-19.

Что касается просьбы В.Ф. Никифорова рассказать о воинских частях, участвовавших в боях под Ельней в 1941—1942 гг., то в журнале уже публикуются материалы, подготовленные авторским коллективом Военно-мемориального центра, о военных событиях, происходивших в годы Великой Отечественной войны в областях Российской Федерации в рубрике «Священная война на российских землях». Уже вышли статьи о Московской, Смоленской, Калининградской и Тверской областях, готовятся материалы о других областях. Видимо, в них найдутся интересующие нашего читателя факты.

По поводу рассылки книг еще раз сообщаем, что редакция не имеет возможности заниматься этой работой, но мы стараемся сообщать адреса издательств, которые заинтересованы в реализации военно-исторической литературы.

«МОЖНО ОТМЕТИТЬ РЯД ВЫСОКИХ ПОДВИГОВ ВОИНСКОЙ ДОБЛЕСТИ, ПРОЯВЛЕННЫХ МУСУЛЬМАНАМИ»

Одна из важных сторон жизни мусульман России была связана с их военным служением государству. Такая практика сложилась в стране достаточно давно. Так, в походе Ивана Грозного на непокорную Казань в 1552 году участвовали и верные царю мусульманские отряды касимовских татар¹. Служилые инородцы-мусульмане входили в состав русских войск во время Северной войны и войн с наполеоновской Францией. Постепенно военная служба мусульман стала более многообразной. В XIX веке русских царей охранял собственный его императорского величества конвой — своего рода мусульманская гвардия, формируемая из горцев Кавказа и крымских татар². Ряд мусульманских иррегулярных частей комплектовался из «магометан казачьего сословия», нес на окраинах государства охранно-конвойную службу в составе Донского, Кубанского, Оренбургского, Уральско-Сибирского казачьих войск³. Мусульмане внутренних губерний империи по закону 1874 года о всеобщей воинской повинности обычно проходили воинскую службу на общих основаниях в регулярных подразделениях русской армии. На Кавказе и в Туркестане в случае необходимости могли формироваться добровольческие части из мусульман — представителей известных своими воинскими традициями этнических групп. Военное министерство уделяло большое внимание лучшему устройству духовной жизни военнотружеников «магометанского закона». Так, в 1906—1908 гг. было разработано и принято специальное положение «Об учреждении штатного магометанского духовенства в войсках»⁴.

Традиция привлечения мусульман к боевым действиям сохранилась в России и в годы Первой мировой войны. Наше внимание привлекла информационная справка, содержащая сведения о мусульманах разных чинов и званий, проявивших себя в начальный период Великой войны. Подобного рода документы, несомненно, несшие агитационно-пропагандистскую нагрузку, появились тогда в большом количестве и предназначались как внутреннему, так и внешнему читателю в так называемой исламской заграничке. Оказавшийся в нашем распоряжении материал был подготовлен, видимо, где-то в начале 1915 года в аппарате Министерства иностранных дел на основании данных воен-

Российские мусульмане героически сражались в годы Первой мировой войны

ного ведомства. Машинописная копия настоящей справки сохранилась в Архиве внешней политики Российской Империи (Ф. 144 «Персидский стол»). При ее публикации сохранены особенности написания мусульманских имен и терминов, текст снабжен необходимыми комментариями.

* * *

«С присоединением Турции к воюющим с Россией державам⁵ особенное значение приобретает вопрос о панисламистском движении⁶ и о пропаганде священной войны, имеющей [целью] объединить мусульман против врагов ислама, в данном случае государств «Тройственного соглашения»⁷, под владичеством которых находятся многие миллионы мусульман⁸. Что касается России, то в настоящее время можно с уверенностью отметить факт полной неудачи среди мусульманских масс упомянутой пропаганды, более того, Министерство иностранных дел располагает неопровержимыми данными, ярко свидетельствующими о верно-подданических чувствах мусульманского населения в России и об его готовности с оружием в руках защищать свою Родину и с полной лояльностью выполнить свой долг перед ней.

Отовсюду получаются сведения, характеризующие патриотический подъем мусульман. Так, на Кавказе с объявлением Германией и Австрией войны России последовал целый ряд ходатайств мусульман о выражении верноподданических чувств государю императору⁹, и во всех более или менее [значительных] населенных пунктах были совершены в мечетях богослужения о даровании победы русскому оружию. Подобные же богослужения совершались и по случаю побед наших войск. Мусульмане участвовали в многочисленных патриотических манифестациях. Живое участие принимали мусульмане в жертвоприношениях на Красный Крест, на организацию лазаретов, на нужды войны. При формировании Туземной дивизии¹⁰ в Дагестане и Елисаветполе¹¹ наблюдался массовый приток добровольцев. Вероломное нападение турок на наше Черноморское побережье¹²

вызвало новый подъем патриотизма, и мусульманское духовенство, как шиитское, так и суннитское¹³, обратилось к своим единоверцам с воззваниями, осуждающими поведение турок. Для борьбы с последними сформированы дружины из местных мусульман.

В бухарских мечетях равным образом совершаются богослужения о военных успехах России, и из Бухарского ханства стекаются крупные пожертвования на нужды войны и на раненых воинов. Бухарское и Хивинское правительства¹⁴ оказывают русским властям полнейшее содействие во всех распоряжениях, касающихся мобилизации и снабжения армии всем необходимым. Хан Хивинский¹⁵ пожертвовал 1000 тулупов, другие теплые вещи в большом количестве и 100 000 руб[лей] деньгами. Эмир бухарский¹⁶ на личные средства оборудовал лазарет в Ялте и пожертвовал 100 000 руб[лей] на нужды Красного Креста, 100 000 — в пользу семей призванных запасных и 1 000 000 — для распределения на нужды военного времени по высочайшему усмотрению¹⁷.

Крымские мусульмане вошли с ходатайством об открытии лазарета на вакуфные суммы¹⁸ мечетей и медрес[е]¹⁹; ими же [создан] комитет под председательством Саиде Ханум Муфти-заде для сбора пожертвованных теплыми вещами. Ставропольские туркмены²⁰ содержат на свой счет подвижной госпиталь на передовых позициях. В декабре [1914 года] в Петрограде происходил съезд представителей всех мусульманских благотворительных обществ, на котором постановлено было открыть госпитали и организовать сборы теплых вещей и белья²¹.

Наиболее ярким, однако, доказательством того подъема, который охватил наряду со всем населением империи и мусульман, является доблестное принятие ими участия в военных действиях. В мирное время имеется некоторое число войсковых частей, укомплектованных нижними чинами-магометанами (за исключением нескольких человек инструкторов-немагометан); кроме того, в военное время сформировано почти сплошь из мусульман несколько конных полков. Из частей войск, укомп-

лектованных почти целиком магометанами, в русско-японскую кампанию 1904—1905 гг. проявили отличие и были признаны заслуживающими награды полки Кавказской конной бригады: 2-й Дагестанский — Георгиевским знаменем и Терско-Кубанский — серебряными трубами. В настоящую войну вышеуказанные части участвовали уже в[о] многих делах, и, по свидетельству военного ведомства, успели заслужить добрую боевую славу.

Особенно знаменательным доказательством доверия, которое заслужили мусульманские воинские части, является тот факт, что за верную и преданную службу Крымского конного полка в 1909 [оду] государю императору благоудно было назначить шефом полка ее величество государыню императрицу Александру Федоровну, 5 ноября того же года зачислить себя в списки этого полка. Затем с высочайшего соизволения для полка была выстроена особая полковая мечеть, на устройство которой помимо отпущенных сумм было милостиво пожертвовано государынею императрицею Александрой Федоровной 10 000 [рублей] из ее личных средств, а его императорским величеством несколько дорогих ковров.

Общее число мусульман в российской армии достигает по штатам мирного времени: генералов — 9; штаб-офицеров — 56; обер-офицеров — 287; нижних чинов — 39 283. Необходимо, однако, оговорить, что в военное время, с призывом в армию офицеров и нижних чинов запаса и ополчения, приведенные выше цифры возрастают более чем вдвое.

В кампанию 1904—1905 гг., по приблизительному подсчету, было награждено мусульман: офицеров орденами — 194, нижних чинов знаками отличия военного ордена²² и медалями — 2390 человек. В настоящую войну за короткий период до второй половины августа [1914 г.], за который имеются сведения, можно отметить целый ряд высоких подвигов воинской доблести, проявленных мусульманами в рядах русской армии.

За умелое и энергичное руководство операциями крупных боевых отрядов некоторые из указанных выше генералов удостоились высших наград — ордена Белого орла с мечами²³, пожалованного государем императором генералу от артиллерии Алиеву²⁴ и ордена Св. Георгия 3-й ст[епени]²⁵, которым пожалованы генерал-лейтенанты Мехмандаров²⁶ и Хан-Нахичеванский²⁷, отражавшие с звереными им частями натиск во много раз превосходившего их противника и оказавшие важные услуги армии. Орденом Св. Станислава 1-й ст[епени] с мечами²⁸ награжден генерал-майор Сулькевич²⁹ (мусульманин) за выказанные им необычайную трудоспособность и энергию и образцовое руководство крупной боевой единицей. Многочисленны также воинские подвиги, проявленные офицерами, из которых некоторые получили за это короткое время

**Знак ордена
Белого орла с мечами**

по несколько наград. Ниже приводится несколько примеров выдающейся распорядительности и беззаветной храбрости, проявленной в боях как офицерами, так и нижними чинами-мусульманами.

Георгиевским оружием³⁰ награжден есаул Шахрух-Дараб-Мирза, с отрядом в 109 человек отразивший атаку трех австрийских эскадронов и с остатками отряда заставивший спешно уйти артиллерию противника.

Трех наград (ордена Св. Анны с надписью «За храбрость», ордена Св. Анны³¹ 3-й ст[епени] с мечами и бантом и ордена Св. Станислава 3-й ст[епени] с мечами и бантом) удостоился поручик Мугудин Даногуев за многократное участие в опасных разведках и отбитие в пешем строю атак сильнейшего противника.

За отличное выполнение возложенных на него задач награжден орденами Св. Анны 2-й ст[епени] с мечами и Св. Владимира 4-й ст[епени]³² с мечами и бантом подполковник Бек-Котиев. Орденом Св. Станислава 2-й ст[епени] с мечами пожалован за мужественное, храброе и умелое распоряжение подчиненной ему частью ротмистр Хандиев. За храбрость и распорядительность награждены орденом Св. Владимира 4-й ст[епени] с мечами и бантом полковник Укуров, войсковой старшина Дашкин (Зюлькарнаил), штабс-ротмистр Султан-Келеч Шаханович-Гирей, ротмистр Шамсуддин Нахашев и поручик Джафаров. Двух наград, ордена Св. Владимира 4-й ст[епени] с мечами и бантом и Св. Анны 2-й ст[епени] с мечами, удостоился за удержание позиций под натиском многократно превосходящего противника ротмистр Ахмед Бугаев. Орденом Св. Анны 3-й ст[епени] с мечами и бантом пожалованы: штабс-ротмистр Бей-Булатов и Улубиев, поручики Гембицкий (магометанин³³) и Шамхасов (награ-

жденный также орденом Св. Анны 4-й ст[епени]). Орденом Св. Анны 4-й ст[епени] пожалованы штабс-ротмистры Гасанилов и Керим-хан Эриванский и поручик Натрыбов. Орденом Св. Станислава 3-й ст[епени] с мечами и бантом — штабс-капитан Гассан Али-оглы, поручик Даугаев и корнет Джабраилов. Произведены за боевые отличия в следующий чин подполковник принц Фазула-Мирза и капитан Ага-Усубов.

Пример офицеров, самоотверженно исполняющих свой долг, воодушевляет на героические подвиги нижних чинов-мусульман, награжденных Георгиевским крестом, имеется немало примеров их выдающейся храбрости и мужества. Нижние чины охотно вызываются в разведку и под сильным неприятельским огнем доставляют важные сведения (Сулейманов, Саитов); находятся для связи при командирах отдельных частей, перебегают под огнем по взводам для передачи приказаний (Галяджинов); личным примером ободрают товарищей, бросаясь первыми на врага и врываясь в укрепленные позиции (Шамурбулатов, Даушев, Халитов, Комантиев, Супхангулов); при этом часто совершенно не считаются с численностью противника — так рядовые Ахмат Ганеев и Мударисов совместно с другими, всего в числе 9 человек, бросились в атаку на австрийцев и захватили пленных 34 человека; раненые часто остаются в строю (Сагатгареев, Давлетгиреев, Абдулсабуров, Зильданов); под сильнейшим огнем противника доставляют патроны на позицию (Хаметов), особое усердие проявляют для спасения своих офицеров и, не задумываясь, подвергают с этой целью риску свою собственную жизнь. Так, младший унтер-офицер Абу-Бекр Осман и всадник Абла Мейнумер, заметив засевавшего в болоте вместе с лошадью и выбившего из сил своего офицера, под непрерывным огнем неприятеля бросились к нему на выручку, вытащили лошадь из болота и тем выручили офицера из опасности, рискуя своей жизнью. Всадники Смаил Муштафа и Билял Джеял, заметив, что испугавшаяся лошадь командира эскадрона сбила его и потащила в болото, под убийственным огнем противника бросились к нему на помощь и с явной опасностью для жизни доставили в безопасное место. Всадник Абдул-Селит Али, узнав, что тело убитого офицера осталось на поле сражения, пробился с другим нижним чином в район расположения противника и с явной опасностью для жизни вывез тело этого офицера.

В заключение как высшее проявление воинской доблести может быть приведен подвиг гусара Мурадимова, который, будучи ранен[ным] в бою и потеряв свою лошадь убитой, окруженный пруссаками, не желая сдаваться им в плен, нанес себе рану в живот ножом и был добит немцами».

Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 144 «Персидский стол». Оп. 490/3. Д. 45в. Л. 23—26.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. II. Т. VIII. С. 93.

² Арапов Д.Ю. Мусульмане в российской гвардии // За веру и верность. 300 лет Российской Императорской гвардии. СПб., 2000.

³ Где есть магометане казачьего сословия. Правила устройства духовной жизни мусульман в казачьих войсках России (публ. Д.Ю. Арапова) // Источник. 2003. № 4.

⁴ «Учредить штатные должности военных магометанских мулл». Военное министерство Российской империи и мусульманский вопрос. (Публ. Д.Ю. Арапова) // Воен.-истор.журнал. 2003. № 4.

⁵ Турция формально присоединилась к воюющим с Россией Германией и Австро-Венгрией в начале ноября 1914 г.

⁶ Движение, в основе которого лежала идея объединения всех мусульман под руководством Турции и ее султана-халифа.

⁷ Имелся в виду блок Антанта (от франц. entente cordiale — сердечное согласие), куда входили Англия, Франция и Россия.

⁸ По оценке немецкого исламоведа М. Хартмана, на 1909 г. число мусульман — подданных Англии (включая подконтрольный ей Египет) составляло 77 536 000 человек; Франции — 17 345 000 человек, России — 18 054 000 человек // АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1258. Л. 82.

⁹ Царю Николаю II (1894—1917).

¹⁰ Кавказская туземная конная дивизия («Дикая дивизия») была сформирована в годы Первой мировой войны в основном из мусульман, в мирное время свободных от воинской повинности. Состояла из трех бригад по два полка: 1-я — Кабардинский и Дагестанский полки, 2-я — Татарский и Чеченский полки, 3-я — Ингушский и Черкесский полки. Кроме того, в ее состав входили Осетинская пешая бригада, 8-й Донской казачий артадивизион, команды (конно-подъемная, связи и др.). Рядовых-добровольцев дивизии называли не «нижними чинами», а «всадниками», они обращались к офицерам на «ты», получали высокое жалование (25 рублей в месяц). Значительную часть офицеров дивизии составляли представители мусульманской элиты империи — члены знатных дворянских родов и фамилий.

¹¹ Тогдашнее название города Гянджи (совр. Азербайджан), который был так назван в 1804 г. в честь жены Александра I — императрицы Елизаветы Алексеевны.

¹² Турецкая бомбардировка без объявления войны 29 октября 1914 г. русских черноморских портов и стоявших там кораблей ознаменовала фактическое присоединение Османской империи к германо-австрийскому блоку.

¹³ Большинство мусульман России — сунниты.

¹⁴ Бухара и Хива в 1868—1873 гг. стали вассалами монархии Романовых, но их правители сохранили свои троны и известную внутреннюю автономию.

¹⁵ В 1910—1918 гг. престол Хивы занимал хан Асфендиар.

¹⁶ В 1910—1920 гг. на бухарском троне находился эмир Сеид-Алим-хан.

¹⁷ Более подробно см.: Тухтаметов Т.Г. Россия и Бухарский эмират. Душанбе, 1977.

¹⁸ Т.е. доходы от вакуф (вакуф) — движимое и недвижимое имущество, являющееся собственностью мусульманских духовных учреждений.

¹⁹ Медресе (от арабского «madrasa» — изучать) — мусульманские учебные заведения второй (высшей) ступени после начальной.

²⁰ Имелись в виду туркмены (в конце XIX в. около 17 тыс. человек), которые проживали тогда в северо-восточной части Ставропольской губернии.

²¹ Имелся в виду прошедший в ноябре 1914 г. в Петрограде съезд мусульманских общественных организаций, созданный для обсуждения вопроса об устройстве учреждений по оказанию помощи раненым воинам на театре военных действий».

²² Имелся в виду знак отличия Военного ордена (с 1913 г. Георгиевский крест), который был учрежден в 1807 г. В 1856 г. были установлены четыре его степени. Знаком отличия Военного ордена награждались за боевые отличия «нижние чины армии и флота» // Спасский И.Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л., 1963. С. 116—117.

²³ Орден Белого орла был учрежден польским королем Августом II в 1705 г., включен в состав российских орденов в 1831 г. Основой знака ордена служил двуглавый орел с золотыми головами и под красной российской короной, на него наложен крест с раздвоенными концами и поверх него — белый одноглавый орел. Крест золотой, залитый красной финифтью, на углах его золотые шары, концы соединены золотыми полукружиями. Крест носился на синей муаровой ленте через левое плечо. Звезда ордена — золотая восьмиконечная, в середине ее — крест, вокруг него на синем поле по латыни написан девиз ордена «За веру, царя и закон». Орден Белого орла имел только высшую степень, им, как правило, награждались военные и штатский генералитет империи. По указу 1855 г. к знаку ордена Белого орла, выдаваемому за воинские подвиги, присоединились два скрещенных меча — вверху креста под короной и через середину звезды // Кузнецов А.А. Ордена и медали России. М., 1985. С. 84—85.

²⁴ Алиев Эрис-Хан-Султан-Гирей — генерал от артиллерии. Участник Русско-японской войны 1904—1905 гг. В начале Первой мировой войны — командир 4-го армейского корпуса. Участник Белого движения, в 1919 г. — правитель Чечни. В 1920 г. расстрелян в Грозном // Военная энциклопедия. Изд. И.Д. Сытина. СПб., 1911. Т. II. С. 332; Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. М., 2003. С. 16.

²⁵ Орден Св. Георгия был учрежден в 1769 г. и имел четыре степени. Девизом его были слова: «За службу и храбрость». Знаки ордена подразделялись на большой крест (1-й и 2-й степени) и малый (3-й и 4-й степени). Знак ордена Св. Георгия для нехристиан — белый эмалевый крест нес на медальоне вместо христианских символов императорский герб — фигуру двуглавого орла // Спасский И.Г. Указ. соч. С. 115—116; Шепелев Л.Е. Чинovníй мир России. XVIII — начало XX в. СПб., 1999. С. 331—332.

²⁶ Мехмандаров Самад-бек — генерал от артиллерии. Участник Русско-японской войны 1904—1905 гг., герой обороны Порт-Артура, за что был удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени. В годы Первой мировой войны командовал армейским корпусом. В 1918—1920 гг. — военный министр Азербайджанской Республики. Признал установление советской власти в Закавказье, был консультантом командования Красной армии // Абасов А.Т. Генерал Мехмандаров. Баку, 1977.

²⁷ Хан-Нахичеванский Гусейн — генерал от кавалерии. Участник Русско-японской войны 1904—1905 гг., за боевые отличия в которой был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Как и генерал Мехмандаров, имел также орден Св. Георгия 3-й степени (крест, носившийся на шейной ленте). В начале 1917 г. Хан-Нахичеванский — командир гвардейского конного корпуса отказался смириться с отречением Николая II и присягнуть Временному правительству. Осенью 1918 г. он был арестован, как заложник, Петроградский ЧК // Список генералам по старшинству. Составлен

по 15 апреля 1914 года. СПб., 1914. С. 319; Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2003. С. 339.

²⁸ Орден Св. Станислава был учрежден польским королем Станиславом-Августом Понятовским в 1765 г., причислен к российским орденам в 1831 г. Девизом ордена были слова: «Награждая, поощряет». К началу XX в. имел три степени. Крест ордена Св. Станислава был золотым, покрытым красной эмалью только с одной стороны. Знак 3-й степени носился на левой стороне груди. Знак 2-й степени представлял собой крест, который носился на шею. Орден Св. Станислава 1-й степени включал в себя большую станицлавский шейный крест, серебряную восьмиконечную звезду, носившуюся на левой стороне груди, и красную ленту с двойной белой каймой, которая надевалась через правое плечо // Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 88—89.

²⁹ Сулькевич Матвей Александрович — генерал-лейтенант. Выходец из татар — дворян Гродненской губернии. Участник Русско-японской войны 1904—1905 гг. В годы Первой мировой войны командовал дивизией и корпусом. В 1918 г. Сулькевич — глава крымско-татарского правительства, сотрудничавшего с немецким оккупационным командованием на Украине. Затем перебрался в Баку, где в 1919 — начале 1920 г. был начальником Генерального штаба азербайджанской армии. После установления советской власти в мае 1920 г. расстрелян // Гришин Я.Я. Польско-литовские татары: взгляд через века. Казань, 2000. С. 142—145.

³⁰ Имелось в виду пожалованное за боевые отличия Золотое оружие (обычно холодное) с надписью «За храбрость» с Георгиевским знаком (крест на медальоне, прикрепленном к рукояти) и Георгиевским темляком.

³¹ Орден Св. Анны был учрежден в Голштинии в 1735 г., официально вошел в состав российских орденов в 1797 г. Девиз ордена: «Любящим справедливость, благочестие и веру». Имел четыре степени. Крест ордена золотой, покрыт с обеих сторон красной эмалью. Орден самой низшей степени с 1829 г. стал называться орденом Св. Анны 4-й степени с надписью: «За храбрость» и представлял собой знак (медальон) с Анненским крестом, который прикреплялся к рукояти офицерского оружия. К крестам ордена Св. Анны 3-й и 2-й степени, вручаемым за боевые отличия, могли прикрепляться два скрещенных меча и банты. Аналогичная практика существовала и при награждении за воинские подвиги орденами Св. Владимира и Св. Станислава // Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 76—78.

³² Орден Св. Владимира был учрежден в 1782 г. и имел четыре степени. Девиз ордена: «Польза, честь и слава». Владимирский крест почти всегда был золотым, с обеих сторон он был покрыт красной эмалью, с черной каймой. Одной из почетнейших наград в офицерской среде считался орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, который вручался за боевые заслуги. На знаках ордена, вручаемых мусульманам, христианские символы заменялись изображением двуглавого орла // Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 69—70.

³³ Как и генерал Сулькевич, поручик Гембицкий, видимо, был выходцем из татарских дворян западных губерний империи. Об особенностях статута данной части мусульманской элиты монархии Романовых см.: Ислам в Российской империи (законодательные акты, описание, статистика) / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001. С. 29.

Публикация Д.Ю. АРАПОВА, кандидата исторических наук (Москва)

КРАСНЫЕ КОННИКИ БУРЯТИИ

18 декабря 2004 года исполняется 80 лет со дня создания первой национальной воинской части Бурятии. Возникнув в середине 20-х годов прошлого столетия, национальные воинские формирования просуществовали недолго, однако оказали огромное влияние на развитие автономии, ибо кроме выполнения чисто военных задач они играли серьезную роль в культурном и политическом становлении республики. Многие бойцы и командиры Бурятской кавалерийской бригады героически проявили себя на полях сражений: Гармажап Аюрович Гармаев в ходе финской кампании первым из бурят был удостоен звания Героя Советского Союза, Илья Васильевич Балдынов в годы Великой Отечественной войны командовал дивизией и первым из бурят стал генералом. Народ Бурятии помнит и чтит красных конников и готовится широко отметить 80-летие создания своей первой воинской части.

ДО ОКТЯБРЬСКОЙ революции буряты в армии не служили, лишь в ходе Первой мировой войны использовались на тыловых работах. С образованием Советского Союза и переводом комплектования войск на смешанную территориально-кадровую систему началось создание национальных воинских формирований.

В Бурят-Монгольской АССР формирование национальной воинской части начиналось с подготовки национального командного состава. Этой работой непосредственно занимались областной комитет ВКП(б) и СНК БМ АССР в тесном контакте с командованием и политорганами 5-й краснознаменной армии (И.П. Уборевич) и 5-й Кубанской кавалерийской бригады (К.К. Рокоссовский), которая была расквартирована в г. Верхне-Удинске¹.

Прирожденные наездники и охотники, буряты как нельзя лучше могли быть использованы в кавалерии, которая в те годы была основным родом войск Красной армии.

В постановлении по вопросу организации воинских формирований в Бурятии, принятом 7 мая 1924 года на совещании членов президиума обкома ВКП(б) с помощником командующего 5-й армией Андресом и помощником военного комиссара 5-й бригады Хрусталевым², отмечалось, что создаваемые из бурят части должны быть в основном кавалерийскими, а для подготовки их комсостава необходимо организовать при 5-й Кубанской кавалерийской бригаде школу по типу бригадной или дивизионной примерно на 50 человек. В школу предлагалось «мобилизовать членов ВКП(б) и РЛКСМ, родившихся в 1901 году».

Особенно интересен п. 5 постановления: «Инструкторский и педагогический состав создаваемой школы, — отмечалось в нем, — набрать из ясачных бурят и бывших казаков в количестве не более 10 человек и для ознакомления с постановкой работы в Монголармии и монгольского командования считать возможным вызов из Монголии одного инструктора из бурят или торгутов (калмыков)»³.

В ноябре 1924 года в бывших царских казармах в Нижней Березовке решением командования СибВО была открыта школа младшего комсостава, получившая название «Бурятская кавалерийская школа младшего командного состава № 117». Приказом заместителя председателя РВС СССР М.В. Фрунзе № 1545 от 18 декабря 1924 года был утвержден штат как для самостоятельной учебно-строевой части: 48 человек постоянного состава (командный, педагогический, младшие командиры, обслуживающий персонал), 75 курсантов (2 сабельных взвода по 30 человек и пулеметный взвод 15 человек), 118 лошадей⁴. При начальнике школы и командирах взводов были введены должности инструкторов и лекторов-групповодов. Комплектовать школу было решено добровольцами — членами ВКП(б) и РЛКСМ 1898—1902 гг. рождения; допускался также прием 10—15 человек беспартийных. Уже в декабре 1924 года на 75 мест поступило 133 заявления⁵. Таким образом, 18 декабря 1924 года считается официальным днем создания первой бурятской национальной воинской части, хотя окончательно кавалерийская часть была сформирована лишь к февралю следующего года.

Начальником школы был назначен Иван Ильич Дударев, участник

Гражданской войны в Сибири, кавалер ордена Красного Знамени, а комиссаром — Василий Степанович Токмаков, забайкальский казак, член партии. Он свободно владел бурятским языком, прекрасно знал жизнь, быт и национальные традиции бурят. Средний и младший комсостав школы и все специалисты были подобраны из русских, служивших в частях и соединениях Красной армии в Забайкалье. На командные должности были назначены и несколько бурят: политрук Л.Н. Рубашкевич, командир взвода Д.Н. Намсараев, младшие командиры В. Зимин, Б. Раксимов.

Командование бригады разработало программу занятий, рассчитанную на 1 год обучения, которую рассмотрел и утвердил Президиум БурЦИКа. Предусматривалось изучение уставов, овладение стрелковой подготовкой и холодным оружием, а также кавалерийская, строевая и физическая подготовка. Во втором полугодии прорабатывались вопросы подготовки к службе в должностях командира отделения и помощника командира взвода. Программа включала также изучение ветеринарии, артиллерии, связи, топографии, а в свободное время — естествознания, агрономии, что могло пригодиться людям, вернувшимся из армии в родные края. Торжественное открытие школы состоялось 1 февраля 1925 года.

Бурятская кавалерийская школа явилась начальным звеном в формировании первой национальной воинской части в Бурятии. Она находилась в зоне постоянного внимания партийных и советских органов. Так, 18 марта 1925 года, в честь дня Парижской коммуны от имени 2-го съезда Советов Бурятии М.Н. Ербанов вручил Буряв-школе шефское Красное знамя. 3 апреля 1925 года президиум обкома ВКП(б) заслушал военкома В.С. Токмакова о состоянии кавалерийской школы и признал морально-политическое состояние личного состава удовлетворительным⁶.

В период с 28 августа по 5 сентября 1925 года курсанты Бурятской национальной кавалерийской школы принимали участие в маневрах, проводившихся командованием кавбригады. На них отрабатывались вопросы организации марша, встречного боя, выхода из него, ведения боя в авангарде, арьергарде, в ночных условиях. Маневры явились хорошим экзаменом

для курсантов и закрепили их знания, полученные в течение учебного года⁷.

Первый выпуск состоялся в ноябре 1925 года. В изданном по этому поводу приказе К.К. Рокоссовского говорилось: «12—13 ноября произвести выпуск курсантов-бурят, для чего создать комиссию в составе начальника школы Дударева, командира эскадрона 75-го кавполка Богунова, бригадного врача Шунько, военкома Токмакова, бригадного ветврача Финансова и привлечь в комиссию командиров и лекторов школы. Экзаменационные испытания провести по всем отделам подготовки в форме бесед, обратив внимание на наличие у курсантов учебно-методических навыков. Степень тактической подготовки проверить путем выхода в поле»⁸. Экзамены показали, что курсанты успешно усвоили программу. 50 человек получили свое первое воинское звание младший командир РККА, 12 человек были оставлены в школе на различных должностях, 27 направлялось в формирующийся Отдельный бурят-монгольский кавалерийский эскадрон, а выпускники О.В. Шагдыров, Ч.Д. Мархадаев, Ж. Садыев, А.М. Шаракшинов, Б.М. Матвеев — в Ленинградскую кавалерийскую школу⁹.

В обращении ЦИК и СНК БМ АССР к трудящимся республики говорилось, что выпуском кадровых красных командиров из бурят заложен прочный фундамент формирования бурят-монгольской национальной воинской части.

После выпуска младших командиров были объявлены второй набор в школу и добровольный призыв в Бурятский национальный кавалерийский эскадрон. В ноябре—декабре 1925 года начался первый призыв на действительную военную службу, всего было отобрано 134 человека¹⁰.

В январе 1926 года была окончательно сформирована первая национальная воинская часть — Отдельный бурят-монгольский кавалерийский эскадрон. Командный и политический состав эскадрона: командир — Н.М. Тихомиров, военный комиссар — Д.М. Коленко, политрук — Л.Н. Рубашкевич, лектор школы А. Пирожков; секретарем партийной ячейки был избран оружейный мастер И. Маракшинов, комсомольской организации — Г. Бельгаев¹¹.

В приказе о создании эскадрона его командиру указывалось: «С 10 января приступить к нормальным плановым занятиям, построив план подготовки эскадрона применительно к требованиям, изложенным в плане обучения инспекции кавалерии РККА на первый год службы красноармейца в частях стратегической конницы»¹².

Первое время обучение в эскадроне велось на бурятском языке, русский язык вводился постепенно, начиная с усвоения команд. Это было совершенно оправданно, так как личный состав и школы, и эскадрона был преимущественно бурятским¹³. Только младший и средний комсостав включал лиц, лишь наполовину бурятских¹⁴.

Главной задачей созданного эскадрона являлось содействие комплектованию в будущем более крупных национальных воинских частей.

В 1924—1927 гг. личный состав школы и эскадрона не раз отмечался командованием СибВО за высокие результаты в боевой и политической подготовке, культурно-просветительной работе и внутреннему порядку. 29 июня 1927 года инспекция политуправления округа проверила состоящие парторганизации 5-й кавбригады и результаты проверки доложила на заседании бюро обкома. В частности, было отмечено, что в бурятских частях «имеется много достижений, особенно в дисциплинарной практике», удовлетворительно поставлена партийно-политическая работа¹⁵.

Летом 1927 года эскадрон выезжал на лагерные сборы в Читинскую область и участвовал в корпусных учениях. Бурятские конники отличились при переправе через реку Ингода. 10 августа 1927 года РВС СибВО, рассматривая результаты инспектирования 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригады, с лучшей стороны во всех областях службы и быта отметил Буркавшоку и кавэскадрон¹⁶.

21 июля 1927 года штаб РККА издал директиву об оргмероприятиях в коннице. В ней, в частности, предписывалось «переформировать с 1 октября 1927 года Отдельный бурят-монгольский кавалерийский эскадрон и школу младшего комсостава в Отдельный бурят-монгольский кавалерийский дивизион (2 сабельных эскадрона, пулеметный взвод, взвод связи)»¹⁷. Окончательно дивизион сформировали в ноябре 1927 года. Командиром был назначен бывший помощник командира 75-го кавполка 5-й кавбригады Леонид Андреевич Бусыгин, комиссаром — Павел Прокопьевич Кобелев, начальником штаба — Николай Дмитриевич Замянин, ответственным секретарем партбюро — Михаил Максимович Воропаев, командирами эскадронов Иван Михайлович Заикин и Василий Степанович Токмаков, заместителем командира дивизиона по хозяйству Иван Ильич Дударев, начальником школы младших командиров Н.М. Тихомиров, командиром взвода связи Данилов, политруком 1-го эскадрона Л.Н. Рубашкевич, командирами взводов Г. Мункин, В. Зимин. Личный

состав насчитывал 356 человек — 2 эскадрона, пулеметный взвод, взвод связи, взвод управления и школа младшего комсостава. 6 февраля 1928 года решением РВС СибВО Отдельный бурят-монгольский национальный кавалерийский дивизион был подчинен командованию 18-го стрелкового корпуса и превратился в самостоятельную боевую единицу.

В боевой учебе дивизиона большое внимание уделялось физической и кавалерийской подготовке. Физподготовкой и конно-спортивными мероприятиями руководил конно-спортивный комитет во главе с командиром дивизиона. На всех спортивных соревнованиях 1928 и 1929 гг. дивизион неизменно завоевывал призовые места. Так, в июне 1928 года на общелагерном сборе он занял три первых, два вторых и два третьих места¹⁸.

К лету 1929 года осложнилась военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке, особенно на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). 29 мая было разгромлено советское консульство в Харбине. 6 августа нарком по военным и морским делам К.Е. Ворошилов подписал приказ о создании Особой Дальневосточной армии (ОДВА). В состав Забайкальской группы входили 35-я и 36-я стрелковые дивизии, 5-я отдельная Кубанская кавалерийская бригада, Отдельный бурят-монгольский кавалерийский дивизион и несколько других частей и подразделений. Позднее прибыла и вошла в состав группы 21-я Пермская Краснознаменная территориальная стрелковая дивизия имени С.С. Каменева.

Отдельный бурят-монгольский кавалерийский дивизион получил в начале августа приказ выдвигаться сперва по железной дороге до станции Бырка, затем походным порядком через улусы Агинского аймака в район Борзя-Даурия. Ему была поставлена следующая боевая задача: совместно со 106-м Сахалинским полком 36-й Забайкальской дивизии 17 ноября прорваться в тыл врага, взорвать железнодорожное полотно на участке Маньчжурия — Харбин, нарушить коммуникации, прервать телефонную связь. Выполняя полученный приказ, дивизион скрытно выдвинулся к железнодорожной станции Маньчжурия, вывел из строя железнодорожное полотно и телеграфную связь, затем вступил в ночной бой с двумя батальонами пехоты противника, в котором отличились начальник пулеметной команды Б. Мочалов, пулеметчик И. Харахинов, красноармейцы Д. Дылгиров, Б. Байминов, Т. Очистов, Н. Хандажапов. Несколько дней дивизион не выходил из боев, а 20 ноября разгромил в конном строю вражеский батальон числен-

ностью до 500 человек, затем вместе с другими частями ОДВА перешел в наступление в глубь Маньчжурии¹⁹.

Ратные дела бойцов дивизиона были оценены по достоинству: 14 его представителям командующий ОДВА В.К. Блюхер вручил на станции Даурия ордена Красного Знамени²⁰.

Летом 1930 года дивизион вошел в состав 12-го кавалерийского корпуса, а в августе—декабре 1932-го на его базе началось формирование Бурят-монгольского кавалерийского полка, который получил статус территориального, хотя кадровые подразделения занимали в нем значительное место (командно-политический состав, полковая школа, артиллерийская батарея, пулеметный эскадрон, полужэскадрон связи, полковой транспорт, хозяйственные подразделения). Штат полка предусматривал 4 сабельных эскадрона, батарею 76-мм орудий, полужэскадрон связи, саперный, химический взводы, полковую школу младшего комсостава²¹.

По просьбе СНК БМ АССР за кавполком было сохранено почетное звание Краснознаменного. Его командиром был назначен Михаил Илларионович Кундо, стоявший у истоков создания национального военного строительства в Бурятии, заместителем — Г.И. Верещагин, начальником штаба — И.М. Дадин. Заместителем командира по политической части остался И.П. Любимов, начальником полковой школы — Г.Д. Мункин, командиром полужэскадрона связи — Д.А. Васильев, командиром артиллерийской батареи — В.Д. Леонтьев; секретарем партийной ячейки школы младшего комсостава был избран командир пулеметного отделения А.В. Башинов.

В 1934 году Буркавполк посетил начальник Политического управления РККА Я.Б. Гамарник и начальник Штаба РККА А.И. Егоров. В ходе осмотра Я.Б. Гамарник выразил мнение, что Бурят-Монголия может гордиться своим национальным полком, а А.И. Егоров добавил, что в полку есть чему поучиться другим, особенно по конной подготовке и лихости действий пулеметных тачанок. Оба поддержали идею о возможности развертывания полка в кавалерийскую бригаду²².

К 10-летию образования первой национальной части был издан специальный приказ наркома обороны СССР № 68 от 19 ноября 1934 года, в котором отмечалось, что Бурят-монгольский национальный полк представляет собой крепкую, боеготовую национальную часть. В обращении к трудящимся Бурятии наркома обороны говорилось: «У Бурят-монгольского Краснозна-

менного полка славные боевые традиции. Бурят-монголы не раз показали себя верными сынами великой нашей Родины. Уверен, что полк, окруженный любовью и вниманием всех трудящихся Бурят-Монголии, добьется в 1935 году одного из первых мест в своей боевой подготовке в соединениях Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. Желаю всему личному составу полка по-большевистски бороться за первенство, а всем трудящимся БМ АССР дальнейших хозяйственных и культурных побед»²³.

27 января 1936 года в Кремле состоялся прием делегации Бурят-Монгольской АССР, в составе которой находились командир полка полковник В.П. Панин и слушатель Военной академии имени М.В. Фрунзе старший лейтенант И.В. Балдынов.

По ходатайству СНК БМ АССР в марте 1936 года директивой Генерального штаба РККА Отдельный бурят-монгольский Краснознаменный кавалерийский полк переформируется в Отдельную бурят-монгольскую Краснознаменную кавалерийскую бригаду, командиром которой назначается полковник М.И. Кундо.

Бригаду расквартировали на станции Дивизионная. В ее состав входили 11-й и 12-й кавалерийские полки, автобронэскадрон, саперный эскадрон, эскадрон связи, комендантский эскадрон. Каждый кавалерийский полк состоял из четырех кавалерийских эскадронов, пулеметного эскадрона, полужэскадрона связи, саперного взвода, химического взвода, полковой батареи 76-мм орудий и полковой школы²⁴.

Летом 1936 года Буркавбригада находилась в лагерях в районе железнодорожной станции Заиграево. Все части и подразделения выполнили планы боевой подготовки, получив в ходе инспекторской проверки общую оценку «хорошо».

1937 год тяжело отозвался в бригаде. Сложилась обстановка недоверия к командному составу: людей обвиняли во вредительстве, исключали из партии, увольняли из армии по политическим мотивам. За период с конца 1937 по 1 октября 1938 года в бригаде органами НКВД были арестованы 39 бойцов и командиров.

В мае—июне 1938 года в связи с ликвидацией территориальных национальных частей была переформирована и Буркавбригада. Большая часть ее личного состава пополнила войска Ленинградского и Белорусского военных округов.

С 1 июня 1938 года Бурят-монгольская Краснознаменная кавалерийская бригада перешла на новый штат и получила новое наименование — «5-я отдельная Краснозна-

менная Забайкальская кавалерийская бригада», а в октябре 1939-го она была расформирована.

В заключение отметим, что бурятские национальные части за время существования воспитали в своих рядах хорошие кадры командного состава. Из их среды вышло немало командиров, успешно командовавших в ходе Великой Отечественной войны частями и соединениями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Начальником политотдела 5-й армии был в то время М.И. Кундо, комиссаром бригады — Т.М. Зубарин.

² Инициалы установить не удалось.

³ Национальный архив Республики Бурятия (НА РБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 244. Л. 5.

⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25893. Оп. 1. Д. 809. Л. 3, 4.

⁵ НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 424. Л. 98.

⁶ Там же. Д. 571. Л. 46.

⁷ РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 257. Л. 171.

⁸ Там же. Ф. 7831. Оп. 2. Д. 225. Л. 289.

⁹ Там же. Л. 176, 308—310.

¹⁰ НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 732. Л. 5.

¹¹ Там же.

¹² РГВА. Ф. 7831. Оп. 2. Д. 225. Л. 324, 355.

¹³ Там же. Д. 226. Л. 2.

¹⁴ Там же. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 268. Л. 186.

¹⁵ Там же. Ф. 25871. Оп. 2. Д. 69. Л. 430.

¹⁶ НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 935. Л. 566.

¹⁷ *Самойлов А.Д.* На страже завоеваний Октября. М.: Мысль, 1986. С. 224.

¹⁸ РГВА. Ф. 31899. Оп. 4. Д. 251. Л. 270, 270 об.

¹⁹ НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2190. Л. 10.

²⁰ Ордена были вручены командиру дивизиона Л.А. Бусыгину, военкому М.М. Воропаеву, командиру пулеметного взвода И.В. Балдынову, уполномоченному особого отдела И.Д. Букину, командирам взводов Г. Очирову, Д. Вамбуеву, З. Занаеву, Д. Дылгырову, Б. Байминову, Н. Хандажапову, Б. Мочалову, старшине М.А. Шукину, И. Харахинову. Т. Кынзеев был награжден посмертно.

²¹ Всего в полку наличного состава было 398 человек, в том числе средних командиров — 81, младших командиров — 94, рядовых — 223 человека (РГВА. Ф. 25871. Оп. 2. Д. 117. Л. 93).

²² Там же. Д. 506. Л. 442; Д. 525. Л. 46.

²³ Бурятская Краснознаменная. Улан-Удэ, 1968. С. 35.

²⁴ Формирование Буркавбригады закончилось к 27 июля 1936 г. с общей численностью 1296 человек, в том числе бурят — 748, русских — 518, других национальностей — 30. Преобладание лиц бурятской национальности (командный состав — 44 проц., политический — 84 проц., рядовой — 60 проц.) позволяет отнести ее к национальному соединению (НА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2511. Л. 148).

*Полковник В.Д. ГАРМАЕВ,
доцент Восточно-Сибирского
государственного
технологического университета
(г. Улан-Удэ)*

СУДЬБА ВНУКА А.С. ПУШКИНА — Л.М. ДУБЕЛЬТА

Документ № 2

18 мая 1874 г. — Рапорт штабс-капитана Н.А. Хрусталева директору Пажеского его императорского величества корпуса генерал-майору Мезенцеву о результатах проведения предварительного дознания о покушении пажа Л.М. Дубельта на самоубийство

Санкт-Петербург

Согласно предписанию вашего превосходительства от... сего мая за №... мною произведено предварительное дознание по делу о покушении на самоубийство младшего специального класса пажа Дубельта, по которому оказалось.

12 сего мая часу в 9 утра пажи младшего спец. класса Дубельт и Сумбатов, сидя в классе, поссорились между собой. Причину ссоры был отказ Сумбатова дать Дубельту фортификационные задачи. Началась обоюдная перебранка, последствием которой было то, что Сумбатов, выведенный из терпения, ударил Дубельта два или три раза по шее. Дубельт продолжал ругаться; тогда Сумбатов снова встал и подошел к Дубельту с намерением его ударить, но Дубельт схватил со стола чертежный треугольник и ударил им Сумбатова так сильно по голове, что сделал ему рану с левой стороны лба выше виска. Сумбатов тотчас же отправлен был в лазарет, а Дубельт получил от деж[урного] офицера подпоручика Даниловского приказание идти с ротой в церковь. Здесь, сознавая, что единственное взыскание, которого он может ожидать за его поступок с Сумбатовым в связи со многими предыдущими, — это исключение из корпуса, он ужаснулся, мысль быть исключенным до такой степени пугала его, что он предпочел лучше покончить самоубийством. Несколько минут он колебался. Два, три раза он обращался к стоявшему возле него пажу Ползикову со словом «прощай», но тот не обратил на это никакого внимания. Тогда, отпросившись у деж[урного] офицера выйти из церкви, он зашел сначала в роту и прошел в башню. Проходя затем через зал, он увидел пажа Кирилина, подошел к нему и сказал: «Прощай», но

Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2004 г. № 10.

тот ответил ему: «Отстань, не мешай мне заниматься». Наконец он оставил роту и через главный подъезд вышел из корпуса. Когда рота возвратилась из церкви, деж[урный] офицер, не найдя Дубельта и узнав от швейцара, что он ушел в отпуск, доложил командиру роты. Тотчас же было сделано распоряжение о посылке за ним к его родственникам, но не прошло и получаса времени, как он, уже раненый, привезен был в карете доктором Гусселем. Из его собственного показания видно, что, выйдя из ворот корпуса, он тотчас же взял извозчика и поехал по Невскому¹, но видя, что все оружейные магазины на Невском заперты, повернул в Большую Мещанскую и остановился возле магазина Вишневого. Войдя в магазин, он просил его показать пистолет. Ему подали револьвер большого калибра ценою в 35 р[ублей]; но так как денег с ним было около 15 руб[лей], то он купил маленький карманный пистолет-револьвер, как оказалось по справкам командира роты, системы Лефоше о 6 выстрелах калибра в 7 мил[лиметров] и к нему пачку патронов; отдавая деньги, он предварительно осведомился, хорошо ли бьет пистолет и можно ли на него положиться в случае, например, нападения. Получив утвердительный ответ, он заплатил 13 р[ублей], а 2 р[убля] обещал завести после. Выйдя из магазина, он на том же извозчике поехал в ресторан Вольфа, что у Полицейского моста. Здесь он отпустил извозчика, заплатив ему 1 р[убль] 50 к[опеек], т.е. все деньги, которые у него оставались; это он сделал с тою целью, чтобы опасение не заплатить в гостинице еще более побудило его исполнить задуманное. Войдя в гостиницу, он занял особую комнату и спросил себе чаю. Как только принесли ему чай, он запер дверь на ключ и зарядил все 6 выстрелов; потом растегнул мундир и стал принаравливать к пистолету. Первый выстрел он сделал случайно; затем, испугавшись, он мгновенно... прицелился в левую сторону груди, как ему казалось, прямо в сердце и, раскрывши рубашку, выстрелил. Не почувствовав ожидаемого действия, он сделал еще один или два выстрела в сторону и наконец последнюю пулю снова пустил в себя, в средину груди; затем, полагая, что ему остается

жить, может быть, несколько минут, он вышел в коридор и, объявив, что у него в груди две пули, просил отвезти его прямо в корпус, не желая ездить по участкам и судам. Ему объявили, что нужно предварительно дать знать в полицию, а потому снова отвели в комнату и посадили на диван. Случившиеся здесь швейцарские граждане, как значится в протоколе полиции, Александр Ромальд и Иван Линде отобрали от него пистолет, дали знать в управление участка и послали за доктором. Прибывший городской частный врач по оказании Дубельту медицинского пособия нашел возможным отправить его в корпус, почему он и привезен был в корпус доктором в карете в 11 3/4 ч утра и помещен в лазарет младшего возраста. Из двух пуль, оказавшихся в груди, одна была в скором времени извлечена приглашенным для сего специалистом профессором хирургии Склифосовским², а другая, по донесению доктора, осталась в грудной полости. Приставленный к раненому фельдшер Давыдов показал, что на другой день после этого происшествия паж Дубельт просил его, куда вернее следует стрелять — в грудь или лоб, а потом прибавил: «Нет, если уже в другой раз придется, я буду метить или в рот, или в висок»³. На вопрос мой, говорил ли он это, Дубельт отвечал: «Да, я говорил, но это так, без всякого намерения». Два других фельдшера Гутаковский и Санников сообщили⁴, что Дубельт просил их принести стальное перо, но они, не имея на это разрешения доктора, отказали ему. Тогда Дубельт, по словам Гутаковского, сжал кулаки и, стиснув зубы, бросил на него угрожающий взгляд.

Вещи пажа Дубельта сданы на руки состоящему при нем служителю Филипову.

Приложения. 1. Подлинное показание Дубельта и свидетелей. [2.] Протокол полиции. [3.] Донесение старшего врача. [4.] Копия с донесения вашего превосходительства в Главное управление [Военно-]учебных заведений. [5.] Пуля, извлеченная из раны Дубельта.

Штабс-капитан ХРУСТАЛЕВ⁵

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 318. Оп. 1. Д. 2102. Л. 18—19 об. Автограф.

Документ № 3

26 мая 1874 г. — Из протокола заседания дисциплинарного комитета⁶ Пажеского его императорского величества корпуса

Комитету представлены были для обсуждения проступки и преступление пажа младшего специального класса Дубельта, состоявшие в нанесении чертежным треугольником пажу Сумбатову раны, в уходе без разрешения из корпуса и в покушении на самоубийство в гостинице Вольфа 12 сего мая.

[...]

3. Могла ли мысль об исключении из корпуса заставить такого юношу, как Дубельт, решиться на самоубийство при предположении, что паж этот находился в здоровом уме?

На это комитет ответил: Дубельт — вообще юноша неглупый, всегда учитывал свои права, всегда умел блюсти свои выгоды. Зная свои права пажа-кандидата, оканчивая хорошо экзамен, зная, что может быть офицером даже по удалении из корпуса чрез каких-нибудь два или три месяца, едва ли он представлял положение свое настолько отчаянным, что только вследствие одной мысли об этом положении мог решиться на самоубийство. Можно сказать довольно утвердительно, что молодой человек такого склада, как Дубельт, находясь в здоровом уме, не мог прийти в такое ненормальное состояние, чтобы решиться на преступление даже и при мысли об исключении из корпуса.

4. Не привела ли Дубельта в отчаяние мысль, что после удаления из корпуса порвутся его отношения к семье, что эти отношения изменятся к худшему?

На это можно только ответить, что, насколько известно, отношения его к родителям не могли уже ухудшиться, связь с семьей не могла сделаться слабее: каковы были эти отношения, к сожалению, лучше всех понимал сам Дубельт. [...]

Подписали: председатель — директор корпуса генер[ал]-майор Мезенцев и члены — полковник Рудановский, подполковник Смирнов, полковник Анчутин, штабс-капитан Сакс, подпоручик Даниловский, протоиерей К. Селинин, статский советник Гартман, коллежский советник Зенкевич, подполковник Елчанинов, подполковник Гиргас, подполковник Кичеев, капитан Поливанов. Скрепил подполковник Смирнов.

С подлинным верно. Секретарь*

РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 2102. Л. 38—41 об. Заверенная копия. Публикуется впервые.

* Подпись неразборчива.

Документ № 4

**[Не ранее 6 июня 1874 г.] —
Вопросные пункты для
предварительных сведений
скорбного листа больного
клиники душевных болезней
Л.М. Дубельта, заполненные
младшим врачом корпуса
коллежским советником
Н.У. Зенкевичем⁸**

1. **Возраст.** 18 лет и 8 месяцев.
Вероисповедание. Православного.
Сословие. Потомств[енный] дворянин.

Семейное состояние.

Занятие. Воспитанник младшего спец[иального] класса в Пажес[ком] кор[пусе].

Происхождение. Сын отставн[ого] ген[ерал]-майора Михаила Леонтьевича Дубельта и жены его Нат[альи] Александровны, рожденн[ой] Пушкиной (ныне герцогини Нассауской)⁹.

2. **Какое воспитание получил, где и чему учился и что знает?** В Пажеском его импер[аторского] велич[ества] корпусе, прошел 7 общих классов и один специальный.

3. **Живет ли постоянно в городе или прибыл откуда?** Жительство имеет в С.-Петербур[урге], в корпусе, летом — у родных.

4. **По чьей просьбе доставлен в клинику душевных болезней и что подало к этому повод?** [...] По ходатайству начальства с согласия отца. Повод: аномальные черты характера, ряд проступков и покушение на самоубийство.

6. **Когда началась болезнь?** 12 мая текущего года.

7. **Какими припадками она обнаружилась в физическом и нравственном состоянии?** Состоянием возбуждения, выразившегося преследованием товарища (гораздо развитее его физически и морально) сперва бранью, затем нанесением ему удара в висок треугольником, наконец покушением на самоубийство.

8. **Ход болезни и лечение, которое было употреблено до поступления в клинику.** Лечение направлено было на местные повреждения, причиненные пулями, и некоторым образом на общее состояние больного. Будучи после воспаления левого легкого, два раза в припадках раздражения говорил, что еще будет стреляться, но уже целить в висок или рот.

9. **Не появлялась ли у больного подобная болезнь в прошедшее время, а если появлялась, то где лечился от нее больной, как долго и каким образом?** Состояние сильного возбуждения замечалось у больного прежде и всегда выражалось энергическими действиями, носящими в себе характер насильственности.

10. **Не замечено ли до полного развития помешательства перемен** в хара-**

** В тексте «перемена».

ктере и образе жизни? Всегда был раздражителен, неуживчив, впечатлителен; [вы]казывал постоянную неприязнь к людям, ему близким, иногда от незначительного противоречия впадал в продолжительный гнев. Раздражительность его усилилась после покушения на самоубийство.

11. **Не страдали ли родители и родственники больного помешательством или какими-либо нервными болезнями (истерикою, порчею и т.п.), а также запоем?** [...] Эти сведения может дать отец больного

13. **Как больной провел детство, не подвергался ли во время его каким-либо важным страданиям?** Мать, будучи беременна на 7-м месяце, выпала из экипажа на живот; при рождении Дубельта на его голове был след планшетов от корсета.

14. **Каков был характер больного до развития помешательства?** Капризен донельзя, всех задирает, в минуты злобы не помнит себя. Так, в мае 1873 года ударил товарища ножом, в доме родных дал пощечину незнакомому ему человеку и т. п.

15. **Какую жизнь вел больной и что составляло его любимое занятие?** [...] Вне заведения растленную, как взрослый человек. Собирает картины, стихи, анекдоты цинического содержания.

17. **Каковы были семейные отношения больного?** Отец и мать в разводе. Он свидетель многого, что не должно было быть ему известным¹⁰.

18. **Какие были отношения больного к начальству, не был ли он штрафован, не подвергался ли телесному наказанию, не был ли в чем замечен по службе, не находился ли под надзором полиции или под судом?** В последнее время отношения его к начальству были вполне дисциплинированные, наказанию телесному не подвергался.

19. **Не был ли в походах, не был ли контужен и ранен?** Ранен в настоящее время двумя пулями, из которых одна осталась в грудной полости.

20. **Не падал ли с высоких мест, не получал ли ударов в голову?** См. §13.

21. **Не появлялись ли у него какие-либо важные болезни до развития помешательства?** 24 апреля текущего года у больного был эпилептический припадок, повторившийся чрез 2 дня после первого приступа.

РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 2102. Л. 51—52 об. Типогр. бланк с рукоп. Заполнениями: слева — вопросы, справа — ответы. Копия. Автограф Н.У. Зенкевича.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На том же Невском проспекте (ныне д. 18) 27 января 1837 г. А.С. Пушкин перед дуэлью встречался со своим секундантом К.К. Данзасом в кафе-кондитерской, принадлежавшей Ж. Берагге и С. Вольфу. Внук поэта тоже в день попытки самоубийства поехал на Невский, затем в ресторан Вольфа.

² Скليفосовский Николай Васильевич (1836—1904) — русский хирург, выпускник

Московского университета (1859), профессор Медико-хирургической академии с 1871 г. Развивая взгляды Н.И. Пирогова, внес значительный вклад в развитие военно-полевой хирургии (приближение места помощи к месту боя, принцип «сберегательного лечения» огнестрельных ранений и т.д.).

³ РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 2102. Л. 26. Автографы Н.А. Хрусталева и Н. Давыдова.

⁴ См.: там же. Л. 26 об. Автографы Н.А. Хрусталева и Гутаковского.

⁵ **Хрусталева Николай Александрович** (1836—?) принят в Пажеский его императорского величества корпус на должность ротного офицера (6 сентября 1866 г.); штабс-капитан с 30 августа 1868 г.; капитан с 13 апреля 1875 г.; назначен начальником Гельсингфорского пехотного училища с переименованием в подполковника (16 марта 1876 г.) (см.: РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 2134; Д. 1942. Л. 20; Д. 2076. Л. 26 об.). В воспоминаниях фельдфебеля камер-пажа М. Степанова (1869—1870) Хрусталеву дается такая характеристика: «...знает решительно все наши минусы, наши промахи, знает, что тот-то и тот-то были тогда-то навеселе, говорили то и то, и если он молчит, то только не желая нам портить карьеры; по его словам, мы окружены строгим полицейским надзором...» (см.: РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9624. Л. 52).

⁶ Дисциплинарный комитет состоял из председателя — директора корпуса, из инспектора классов, его помощника, священника и всех строевых офицеров. В комитете обсуждались: 1) проступки камер-пажей и пажей специальных классов; 2) взыскания; 3) перевод из одного разряда по поведению в другой; 4) производство в камер-пажи. Журналы дисциплинарного комитета, носившего совещательный характер, велись помощником инспектора классов (см.: Милорадович Г.А. Материалы для истории пажецкого корпуса 1711—1875. Киев, 1876. С. 106).

⁷ Датируется по времени поступления Дубельта в госпиталь (см.: РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 2102. Л. 57).

⁸ **Зенкевич Николай Ульянович** (1831—?) поступил на службу младшим врачом в корпус 10 мая 1857 г. Коллежский советник с 1 февраля 1870 г. Доктор медицины с 31 мая 1874 г. Отчислен из корпуса 18 декабря 1876 г. (см.: РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 2148, 2076).

⁹ Ошибка Н.У. Зенкевича; в действительности — графиня фон Меренберг, жена принца Н.В. Нассауского. **Нассауский Николай Вильгельм** (1832—1905) — принц, брат Адольфа Вильгельма (1817—1905), великого герцога Люксембургского, герцога Нассауского (1890—1905). С Н.-В. Нассауским Н.А. Дубельт познакомился еще в 1856 г. на одном из светских приемов во время коронации Александра II. Нассауский прибыл в Россию 16 июля 1856 г. и был размещен во дворце великой княгини Екатерины Павловны.

¹⁰ **Михаил Леонтьевич Дубельт** (8 февраля 1822 — 5 апреля 1900) был сыном того самого Л.В. Дубельта, принимавшего участие в «послужном обыске — разборе бумаг А.С. Пушкина. После окончания Пажеского его императорского величества корпуса в 1840 г. М.Л. Дубельт был определен в Кавалергардский полк корнетом. С июня 1846 по февраль 1849 г. Дубельт занимал должность адъютанта командира Гвардейского резервного кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта П.П. Ланского, брата отчима своей будущей невесты. За боевые отличия в 1849 г. в делах против горцев М.Л. Дубельт, служивший к тому времени в Апшеронском пехотном полку, был удостоен производства в полковника. В мае 1853 г. Михаил Леонтьевич был послан в командировку в г. Смоленск для расследования причин распро-

странения цинги у кантонистов и в воинских корпусах, а также для установления причин смертности в местном военном госпитале. С 27 декабря 1854 г. — исполняющий должность начальника штаба 1-го резервного Кавказского корпуса. За смотры, проведенные в высочайшем присутствии в 1855 г., ему неоднократно объявлялись высочайшие благословения (5, 7, 11 и 15 октября). С февраля по июнь 1861 г. был командирован в Ярославскую губернию для наблюдения за правильным введением «Положения 19 февраля 1861 г.». 29 октября 1861 г. «за отличное исполнение высочайше возложенного поручения по крестьянскому делу» Дубельту было вновь объявлено монаршее благоволение. 23 апреля 1861 г. был произведен в генерал-майоры за отличие по службе и назначен в свиту его императорского величества. В ноябре того же года был уволен со службы «по домашним обстоятельствам». К моменту отставки Михаил Леонтьевич удостоился награды: золотой полусабли с надписью: «За храбрость» (1850), орденов — Св. Анны 3-й ст. (1847) и Св. Станислава 2-й ст. (1859), а также бронзовой медали в память войны 1853—1856 гг.; серебряного знака отличия для ношения на груди за успешное введение Положения 1861 года (см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 9460. Л. 44—49 об.). Еще до официального разрыва с мужем Наталья Александровна решила вновь попытаться счастье и заново устроить свою жизнь, для этого ей был нужен развод с ним. По законам Российской Империи расторжение брака могло состояться только из-за нарушения супружеской верности одним из супругов. В 1862 г. по взаимной договоренности Дубельт дал жене необходимую для развода расписку в супружеской неверности. Еще до окончания бракоразводного процесса, который затянулся на несколько лет, 1 июня 1867 г. Наталья Александровна вышла замуж за принца Н.-В. Нассауского и получила титул графини фон Меренберг. 20 мая 1868 г. она родила дочь Софью. Но только через год после ее нового замужества, 18 мая 1868 г., брак Дубельтов был расторгнут указом Святейшего Правительствующего Синода за № 1671. Синод признал расторжение брака «с предоставлением г-же Дубельт права вступить в новый брак... и с осуждением генерал-майора Дубельта на всегдашнее безбрачие» (см.: Сидорова М.В. Пушкины и Дубельты // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Большие Вяземы, 1998. С. 224).

От первого брака с М.Л. Дубельтом у графини Н.А. Меренберг было трое детей: дочери Наталья Михайловна Дубельт (1854—1926) и Анна Михайловна Дубельт (1861—ок. 1919), сын Леонтий Михайлович Дубельт (1855—1894).

После развода с женой Михаил Леонтьевич сам воспитывал сына, жил одиноко. В апреле 1868 г. после 20 лет отставки из-за скудости материального положения он был вынужден возвратиться на военную службу. На его прошении об определении на службу Александр III поставил резолюцию: «Можно было бы попросить дать ему место хоть коменданта, посмотреть, будет ли способен. Уволить всегда есть возможность, если не годится». (см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 26439. Л. 4). 6 июня 1886 г. Дубельт был назначен на должность коменданта Александропольской крепости. Через два года в аттестации М.Л. Дубельта было отмечено, что он «здоровья слабого, умственных способностей удовлетворительных, нравственных качеств посредственных, воли слабой, не отвечает своему назначению, по преклонным летам и слабому здоровью не способен к самостоятельной деятельности». В 1890 г. он был уволен в отставку с мундиром и пенсией по состоянию здоровья (там же. Л. 4, 4 об.).

Публикация Н.Н. ШАБАНОВОЙ
(Москва)

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М.: Акад. Проект; Кучково поле, 2002. 858 с.

20 лет неразгаданных тайн. От Гражданской до Отечественной / Сост. Н.Н. Непомнящий. М.: Вече, 2003. 477 с., ил.

Кулинский А.Н. Европейское холодное оружие. СПб.: Атлант, 2003. 545 с., ил.

Широкорад А.Б. Россия — Англия: неизвестная война, 1857—1907. М.: АСТ, 2003. 506 с., ил.

Науменко В.Г. Великое предательство. СПб.: Нева, 2003. 445 с., ил.

Смит П. Ч. Закат владыки морей / Пер. с англ. М.: АСТ; Транзиткнига, 2003. 761 с., ил.

Доценко В.Д. Московские битвы России: XVIII—XX вв. СПб.: Полигон, 2003. 221 с., ил.

История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. СПб.: Полигон, 2003. 702 с., ил.

Шенкан Г.С. Генерал Раевский и его семья. СПб.: Алетейя, 2003. 189 с., ил.

Шипка и Плевна — слава русского оружия: Из истории Балкан. войны 1877—1878 гг. / Сост. Ю.Н. Сенчуков, В.А. Серганова. М.: Современник, 2003. 285 с., ил.

Исторические портреты: Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин и П.Н. Врангель... М.: АСТ; Астрель, 2003. 541 с., ил.

Краснов П.П. На внутреннем фронте. В донской станице при большевиках (февр. 1918). Всевеликое войско Донское. М.: Айрис-пресс, 2003. 454 с., ил.

Фейс Г. Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2003. 589 с.

Александров А.А. Битва ставок: Великое противостояние 1941—1945. М.: Вече, 2003. 509 с., ил.

Катуков М.Е. На острие главного удара. М.: АСТ, 2003. 589 с., ил.

Молодая гвардия (г. Краснодар) — художественный вымысел и историческая реальность. Сб. документов и материалов / Сост. И.А. Иоффе, Н.К. Петрова. М.: Вече, 2003. 366 с., портр.

Черушев Н.С. Удар по своим. Красная Армия: 1938—1941. М.: Вече, 2003. 478 с., ил.

Кузнецов Н.Г. Наказание. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 572 с.

Левин С.С. Ордена Российской империи 1698—1917. М.: Стрелец, 2003. 22 с., ил.

На пути к регулярной армии России. Армия и флот в эпоху дворцовых переворотов / Сост. Ю.А. Алексеев. СПб.: Искусство России, 2003. 254 с., ил.

Русская военная мысль. XVIII век / Сост. В. Гончаров. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 408 с.

Морские судьбы за границей. Офицеры Российского флота в эмиграции / Сост. Н.П. Рождественская. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ», 2003. 219 с., ил.

Материал подготовлен при информационной поддержке ежемесячного информационного бюллетеня «Новая военная литература» (приложение к журналу «Российское военное обозрение»)

«...ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ ОПОДЛЕНИЕ БУДЕТ СИЛЬНОЕ, И ТОЛЬКО ПОСЛЕ ГОДОВ НАЧНЕТСЯ ОЗДОРОВЛЕНИЕ»

Фронтовые дневники генерала А.Е. Снесарева

А.Е. Снесарев

Евгения Андреевна Снесарева —
дочь генерала, главная
хранительница
творческого наследия отца

К 90-летию Первой мировой войны

Тысменица. 2.3.[19]17 г[ода]. В 3 ч был разбужен канонадой; похоже было, что над Тысменицей летает цеппелин и сбрасывает бомбы. Пошел в телефонную, там пробыл у телефонов до затишья. Ориентировал корп[усного] командира. Оказалась цеппелин[ная] рекогносцировка по новому шаблону, которая стоила австрийцам около 4000 снарядов, 5 пленных и немало убитых и раненых. У нас убит ком[андир] 2-й роты подп[олковник] Творогов и скончался от ран мл[адший] офицер 4-й роты Сидорченко, ниж[них] чин[ов]: 20 убитых, 73 ран[еных], 12 отравленных и 17 без вести пропавших. В 11 ч, как только прибыл комкор, я выпросился и отправился в окопы, где происходила атака. Сверху дождь, снизу слякоть, в окопах вода выше колена. Испачкался, падал несколько раз и мок и к 18 ч 30 мин дошел до штаба 19-й дивизии. Картину, кажется, выяснил полную. Приехал домой, застал комкора с Носовичем¹, передел

валенки и стал докладывать. Комкор завтра едет в армию [в штаб] и поделится моими впечатлениями. Потом говорил с Носовичем, который, по обыкновению, жив и творит... Спал как убитый.

В Петрограде 25—27.02 были беспорядки по поводу дороговизны, назначен Иванов² с подчинением ему всех министров. По этому поводу Щербачев³ написал много и жалобно, не по-военному, но решился говорить прямо, вчистую, что хорошо. Германцы на русском языке пустили такую радиотелеграмму: «Всем. По сообщению петербургского телеграфа в Петербурге революция, к которой присоединились 12 членов Думы. Все министры соединились с революционерами». Вероятно, по этому случаю сегодня около 19 ч на фронте 74-го и 73-го полков австрийцы пели и кричали «ура!». Спасибо петроградцам, порадовали они немец. Несчастные тыловые, которые не могут обойтись без удобств.

Тысменица. 4.3. (1917 г.). Моя белая страница... Между тем, что написал вчера, и тем, что пишу сейчас, лежит целая пропасть, а ты, все белая и спокойная, воспринимаешь так же равнодушно

сегодняшнее, как восприняла вчера рождение рыженского жеребенка. Вчера и позавчера были телеграммы Щербачева и немецкая радиотелеграмма, вчера же вечером приехал Гершельман⁴ и передал: в Петрограде войска отказались стрелять, даже гвардейск[ая] кавалерия, кроме финляндок, драгун; [создано] ответств[енное] министерство: Родзянко⁵, Миллюков⁶ и т.д. Общее, видимо, удовлетворение и покой.

Вечером прибыл комкор [и сообщил]: хозяин отказывается⁷; главн[окомандующий] — Ник[олай] Ник[олаевич]⁸ уже в Ставке; войска не стреляла, а гвардейск[ий] экипаж привел сам Кирилл Владимирович⁹. [Командир корпуса, по его словам], ждет условной телеграммы: «печатают» (Манифест об отречении) или «не печатают». И наконец ночью от Брусилова¹⁰ [поступил] приказ: 1) об Ник[олае] Ник[олаевиче]¹¹, 2) об ответственном министерстве... Меня разбудили в 1 ч 20 мин [в связи с этой] телеграммой, [к которой] следовала добавка: «Ура, ура, ура, ура, ура! Поздравляю с[о] свободой русской вел[икой] нашей родине. Да пошлет Бог в добрый час новую

Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2003. № 8, 9, 10, 11; 2004. № 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10.

жизнь на благо всего русского народа. Ура, ура, ура!». Что это — доброе ли пророчество или карканье вороны?

Во всяком случае, совершилось. Говорят, много убитых, а судя по герм[анской] газете (послана радиотелеграфом), в Петрограде была форменная революция с бомбами и баррикадами... Потом узнали все.

Сегодня вечером к 10 ч комкор вызывает начдивов и окончательно все будет ясно относительно государя. Говорят, Временное правительство его просит [остаться], но с условием, чтобы он отослал жену.

Комкор рассказывает случай с Треповым¹², когда государь согласился, чтобы тот выбирал министров. Но приехала государыня в Ставку, и государь всех [оставил], кроме Протопопова¹³. Все расстроилось, Трепов ушел.

Две мысли стоят в голове: когда-либо [старый порядок] минует, и человечество будет строить [жизнь] на иных основаниях; в тылу, за спиной трудящейся армии, ею прикрытые и несведущие люди делают свои дела: Милюковы и Гучковы¹⁴ добиваются портфелей, гешефтники и дельцы делают миллионерами, лабазники мародерствуют. Свободная профессия (3-е сословие) вырывает власть у бюрократии и дворянства.

Разница между тылом и фронтом: тыляка укусит блоха, и тот чувствует себя несчастным, жалуется; окопника ранят серьезно, а он говорит «ничего» и возвращается в строй.

Тысменица. 5.3.[19]17 г[ода]. События протекают крупные, и люди подгибаются под их тяжестью. Я и мне подобные, три года ходившие перед ликом смерти, не склонны бояться людей и их деяний, а только Бога и его суда. Наша задача — победить, и мы победим, а что делается в тылу, чего ищут тылов[ые] люди, этим мы заниматься не будем, некогда. Если они правы, мы первые порадуемся, так как, умирая за Родину, мы ей не враги, любим ее не менее других.

Возникает множество вопросов: как молиться, что говорить татарчуку Крымского эскадрона на вопрос: «Кто царь?». Другие его не интересуют. Кое-как выходим [из положения] до поры до времени. Вчера были в 466-м Малм[ыжском] полку и смотрели прием Носовича по преодолению проволоки. В 11 мин весь полк перешел два ряда проволок (по 6 рядов каждая).

Парламентарии все такие же, какими были раньше: веселы, преданны, исполнительны, оживлены... Неужто и они по чьему-то приказу сразу могут заговорить иным языком?

В газете «Киев» от 3.3 [сообщение]: арестованы министры, чуть не разорван Сухомлинов¹⁵ (кто из толпы хоть немного знает, что тот сделал?) — сила «натирания печати и голосов». В[еликий] к[нязь] Кирилл Владимирович явился к Родзянко и предложил [свои] услуги. Думаю, что Мих[аилу] Владимир[овичу], [бывшему] кавалергарду, было не по себе от этих великокняжеских услуг.

Тысменица. 6.3.[19]17 г[ода]. Мысль, подавленная неожиданно, желает вырваться из гнета, создает логику и ищет блага. В ней говорят два начала: логическое и нравственное, даже последнее я скорее бы назвал началом благожелательным.

Планы [на будущее]: 1) вскроются преступления и гадости; 2) создается осведомленность и 3) может быть, улучшится подбор людей. Но минусов много: а) земледельческая Россия — больше 80 проц. — сидит в окопах и борется; помогает же [революционному] делу фабрично-промышленная Россия, т.е. кусковая, [отчего] нет гарантий по количеству и преимуществу основного труда; б) «войска» — отброс, убежавший от окопов, и уже по тому одному омерзительный, [революционному делу] он помог, но эта помощь худшего (как и Кирилла Владим[ировича]) [свойства]. Отсюда нравственного оправдания для [вновь] построенного не будет и его придется искать... может быть, после войны; как и какой ценой — кто знает?

Многочисленные аресты — первое, что подает повод к [осудительным] толкованиям. Кому помешали [только] вчера назначенные министры? Они в технику-то не успели войти! И в результате может получиться вывод о мародерстве власти, а это было бы печально! Нельзя было [это делать]; дальше будет анархия, допустим, но кто ее вызвал? Теперь мы напрасно бы ждали ответа. Ответит история и воздаст каждому по делам его.

Что-то там поделявает женушка с цыплятами, как-то она все пережила и что теперь чувствует?

Тысменица. 7.3.[19]17 г[ода]. Газеты несут одну новость за другой, вскрывая странные и неожиданные вещи. Все, очевидно, нер-

вничают и трусят, особенно это заметно по руководящим статьям газет. Слова «надо трудиться», «защитить Родину» и т.п. нового ничего не несут: когда же не нужно было трудиться? Корнилов¹⁶ вызывается в Петроград [для назначения] главнокомандующим. Что это за шаг? Он может оказаться и ошибочным, но в нем огузывается идея: взять в свой круг военные имена и тем закрепить себя.

Государя уже запросто называют Николаем Романовым; срывают все императ[орские] эмблемы, Сухомлинова проводят между рядов преображенцев.

Зачем это? Это говорит о страстях, мстительности: его ведь еще не судили.

Получен приказ военного министра от 4 марта 1917 г[ода] № 1: «Сего числа я вступил в управление Военным министерством» и т.д. Пять пунктов. Подписал в[оенный] министр А. Гучков. Формулы, когда-то священные и, казалось бы, незыблемые, отброшены и заменены простыми. Но ведь только привычка к формам и смешение их с содержанием тревожат в этих случаях наше воображение.

В Москве выдуманы какие-то в[оенные] комиссии, где появляются рядом представитель от офицерства и солдат. Кто эту глупость мог выдумать? Какое может быть панибратство между офицером и солдатом? Последний начнет после «судить» и приказы, и боевые решения. Таковые часто с его солдатского горизонта могут быть грешными, да и вообще критиковать можно все — был бы язык. То же может дать и планирование Сухомлинова: сегодня идет генерал-изменник, а за ним — вообще генерал. Этим можно расшатать дисциплину очень быстро. Теперь [, по всей видимости,] будут бороться две идеи: в тылу — личной свободы и широких прав, на фронте — строгого единоначалия и железной дисциплины.

Тысменица. 8.3.[19]17 г[ода]. Чувствуется сдвиг с монархии конституционной на демократ[ическую] республику, вторжение в дела армии и т.п. Или обалдели, или взяты во власть рабочими депутатами. Все на нас ляжет: мы это должны все перемолоть. Они распорядились, блеснули, показали либерализм и «равенство», а мы все должны победить при этой разрухе. В мысль, что со свободами к нам [придет] и победа, [можно] только верить. Мы, по крайней мере, мыслим иначе: строгая дисципли-

на и чинная власть — главное, и они должны проявляться всюду, на всех шагах. Только таким путем человека можно послать на смерть и [с ним] победить. Подъем — дело короткое, не на три года и не в окопах...

[Рассказывают, что] в Киеве 6 марта на шею Столыпина¹⁷ [появился] красный бант, вечером [памятник и вовсе] хотели стаскивать. Было посягательство и на памятник Александру II. Какой-то пьяный тип матерно ругал двух милиционеров, а когда они хотели его арестовать, то набил им морду и ушел. 6 пьяных солдат ссаживают 5 милиционеров с лошадей, бьют их, отбирают оружие и уезжают. После клича «Бей жидов!» [в Киеве] тех стало меньше. Настроение умеренной интеллигенции удручающее, на улицах подростки, рвань. Команд[ир] запасного батал[ьона] (№ 200) в отчаянии: едет на фронт, [а не с кем] — хоть пулю в лоб. [Оказывается], он затребовал 8000 чел[овек], а они все разошлись: часть по деревням, а часть по Киеву. В Черткове арестовано 2 ниж[них] чина, [и от солдат] требование их освободить; то же в телеграфн[ой] роте.

Если это правда, то [действительно] начинается «демократическая республика».

В Петрограде — страх: Родзянко получил коллегиальное заявление: если [развал] не кончится, то армия выберет Ник[олая] Ник[олаевича] и даст ему [соответствующие] полномочия. Будет ли это хорошо? Во всяком случае, настало время действительности мысли при полном разращении.

Тысменица. 9.3.1917 г[ода]. Еще говорят о бунте в Черткове Зап[адной] обл[асти], требовании выпуска двух арестованных, и о бунте там же телеграфной роты. Описание это черно и односторонне. Конечно, не надо ни снимать гербов, ни стаскивать Столыпина: это пристрастие, и говорит [оно] о недостатке достоинства. Это теперь, может быть, прошлое, но к своему прошлому всякая страна должна относиться с уважением, иначе у нее не будет будущего.

Теперь все заняты раскрепощением личности, но, увы, это подрывает государственную идею. Во Франции, с тех пор как она стала республикой, нет ни памятников, ни общественных великолепных построек, женщина не хочет рожать, все замкнулись, живут личной жизнью и копят деньги... Свобода полная, а о государстве ис-

кренне никто не думает. Чему тут завидовать?

Сегодня пришел текст присяги: он хорош, написан достойно (хотя и с повторениями) и не назойливо. Сегодня был молебен в Касперовском лазарете, и священник все вывбросил: как легко выбрасываются слова, отражающие те мысли, которые создавались столетиями. Слов нет, правда, но разве и мысли так же скоро исчезли?

Вводим нов[шества], вытекающие из нового титулования. Сегодня (утро 10.03) меня приветствовал нестроевой: «Здр[авия] желаю, г[осподи]н генерал». По этому поводу Игнат¹⁸ говорит: «Все одно наломаться можно так и иначе, как прикажут». Конечно, все в отражении на простодушном зеркале солдата, лишь бы [он] не принял это [новшество] как разнужданность.

По всему видно, что армии там [в тылу, в правительстве] боятся; Милюков прямо говорит, что если бы Гучков не задержал повода, их бы никого не осталось. И царская эпоха отлетит, как будто бы ее и не было; мои дети к новому порядку тоже скоро привыкнут, как к телефону, и только как легенду будут воспринимать рассказ истории о том, что когда-то были цари, как они жили и как правили землею... «Давно это было», — скажут и задумаются, как после выслушанной сказки.

Тысменица. 10.3.[19]17 г[ода]. Наблюдаются сотни случаев, которые можно констатировать, но нельзя [из них] делать выводы. Полковн[ика] Швамберга, начавшего [свое обращение] к вестовому на «вы», [тот прервал]: «Если вы будете на «вы», то вы, значит, мне чужой», а на глазах — слезы. Сап[ер-]солдат руки в штаны и во рту папироса. Офицер [ему]: «Как ты смеешь?» Ответ: «Теперь — свободы». Командиру Крымского эскадрона денщик: «Ваше благородие», солдат-броневик делает офицеру замечание: «Теперь так не полагается». [Ротмистр] Ник[олай] Мих[айлович] Крыжановский, поклонник немецк[ой] дисциплины, сильно восстает против ее подрыва и говорит: «Им бы теперь послать такого, чтобы Пугачев по сравнению [с ним] показался доброй пепиньеркой». В пехоте быстро [приспособились] к новому и на вопрос, как приняли солдаты [новшества], один и тот же ответ: «Нам всэ одно, лыш бы гудувалы* так добрэ, як тэпэр».

* Кормили.

«Словно ждали [перемен]», — заключает командир Рогатинского полка. Начальник собирает команду и говорит [солдатам]: «Вас приказано называть на «вы»; по морде бить запрещают. Так знайте: если кто что сделает, буду отдавать под суд». [Выдвинувшие требования] парламентарии пошли, повесив носы. Но все это — отдельные эпизоды.

Сколько страданий и нервов несет некоторым переживаемая суета. Гулдари (пор[учик]) говорит ген[ералу] Невадовскому, что он не может больше переживать [происходящее в бездействии], он должен [вернуться] в строй, где все ясно теперь и просто; с ним происходят истерики. Поручик Станюкович — атлет, отчаянный летчик, идет к комкору, чтобы поговорить и успокоиться, он почти плачет. Узнав сегодня о назначении в Сенат Грузенберга и Винавера¹⁹, я почувствовал, что меня ударили по щеке и со всего размаха. Ген[ерал] Невадовский не спит по ночам, кричит и нервничает; он стар и ему [воспринимать новшества] совершенно трудно. Многие пришиблены и не понимают, что это делается. Савчинский и Крыжановский ругаются, наедине говорят по три часа.

Тысменица. 11.3.[19]17 г[ода]. Вчера пришла присяга, форма ее хороша и проста. Эпизоды: писарь говорит полк[овнику] Швамбергу: «Зачем нам это «вы», лучше бы нам дали воспитание и образование». Солдаты, приведшие лошадей в части корпуса, так объясняли прапорщику своему смысл новых реформ: «Раньше жали солдата, а офицера гладили по головке, а теперь будет наоборот: будут дуть офицеров, пока они не разозлятся и не скажут: «Довольно воевать».

В газетах начинаются курьезы. В[еликий] к[нязь] Ник[олай] Михайлович²⁰ выбрасывает всю семейную грязь наружу (хамство форменное). Ген[ерал]-ад[ьютант] Рузский²¹ тоже лягает копытом павшего монарха заодно с жидами. «Киевская мысль» на основании крика идущей бригады «Да здравствует демократическая республика!» говорит в передовице, что к таковой и нужно идти, [поскольку] 4000 серых шинелей проорали два непонятных слова. Врем[енное] правительство, видимо, нервничает, попал под «охрану» 60 тыс. взбунтовавшихся солдатиков, и надеется спастись длинными воззваниями. Очевидно, оно в таком же положении, как еще недавно был государь. Пути

революции те же, пока не появятся Наполеон или Галифе.

Сегодня написал А.И. Гучкову следующее письмо за № 17.

«М[илостивый] г[осударь] Александр Иванович.

Наша великая и честно исполняющая свой ратный долг армия стоит сейчас, как часовой, на страже достоинства и величия страны. Смущать ее в эти многотрудные дни какими-либо реформами или новшествами, не вытекающими непосредственно из существа поставленной армии задачи победить во что бы то ни стало, я считаю и несвоевременным, и опасным. Армия в массе может не понять этих новых идей как следует, не связать их с устоями военного дела, т.е. строгим единоначалием и престижем (скажу даже — гипнозом власти), и в результате начнутся шатания, рознь, действия взброд. А такая армия, я глубоко убежден, не выполнит своего победного долга и даже будет опасна тому новому порядку вещей в нашей родине, который только что появился на свет и который, естественно, нежен и хрупок, как новорожденное дитя.

Уважающий Вас Ваш покорный слуга А. Снесарев».

Тысменица. 12.3.[19]17 г[ода]. Вчера был с комкором в 454-м Рогатинск[ом] полку. Церем[ониальный] марш прошел обычно, хотя подъем замечен лишь у некоторых унтер-офицеров. Музыка играла полковой марш много слабее, вялее и бледнее, чем это было раньше. Вероятно, боевой пафос, разжиженный теперь суммой новых идей и не фиксированный на определенном лице, исчезнет навеки. Все имеет свои законы и свою благоприятную обстановку. С опытами электричества в сырости не разоидешься.

Чувствовалась необходимость согреть, успокоить, возратить вырванную из-под ног скамейку. Я попросил разрешения и сказал:

«Я — боевой офицер и Георгиевский кавалер. Ложь, лицемерие и скрытность мне чужды.

Теперь там (на родине) не так легко: много страданий, сомнений, горя, труда. Ангел смерти, получивший наряд доложить о сумме чувств, сказал бы: крылья мои сломаны, ноша слишком тяжела.

Мы стоим особо. Мы с головой [ушли под воду, как в час] наводнения, и остается на поверхности бунтующего моря один штык. Там «жертвы революции» вызывают картеж, флаги, одобрение толпы,

а мы помрем. В первые часы [нашей смерти] разве ветер обласкает холодеющее тело, а затем — скромный холм, и путник не догадается потом, кто лежит под холмом и чем [наполнялось] когда-то горячее сердце. Этой скромной смертью мы и горды; ни почестей, ни рекламы нам не надо.

Будем же крепкой семьей, возьмем крепко друг друга за руки и выполним свой ратный долг перед нашей великой страной, а теперь за наше великое военное дело прокричим наше "ура!"».

Речь произвела впечатление, у многих были слезы на глазах, меня долго качали. Потом все согрелось, оживилось, пока я одевался, молодые офицеры окружили комкора и умоляли [его] не отпускать их [из корпуса]. [Когда] мы тронулись [в обратный путь], Крыжановский сказал: «Нет, мы еще [повоюем], в пороховницах есть еще порох».

Вечером ко мне заехал гр[аф] Каменский²² с двумя капит[анами] Ген[ерального] штаба и с женой одного из них. Рассказали о прекращении подполковника с унтер-офицером, которые хотели друг друга арестовать, но у первого оказалось больше народу, и он сделал свое дело. Разговор одинаков, так как все мыслят одинаково, находит, что арест государя [Временным правительством] может быть, кто знает, но чувство-то говорит иное: это прошлое, но прошлое государственного порядка, а к такому прошлому надо относиться с уважением. Граф по-старому разговорчив, но, боюсь, только разговорчив.

Заходил полк[овник] Карцев, ныне командующий 3-й Финл[яндской] артиллер[ийской] бригадой. У них ниж[ние] чины не хотят [служить] по-новому, и [их] приходится [к этому принуждать].

Тысменица. 13.3.[19]17 г[ода]. Дни можно назвать в некотором отношении днями хамства и предательства. В[еликий] к[нязь] Ник[олай] Михайлович позирует перед корреспондентами и выворачивает семейную наготу Романовых, пороча, как может, главу. Ген[ерал]-адъют[ант] Рузский (первый предложил государю отречься) тоже старается лягнуть поваленного событиями недавнего вершителя судеб нашей родины. Эверт²³, Щербачев и т.д. чуть ли не заделались «товарищами». Ген[ерал]-адъютант Протопопов спасается выдаванием секретов. Спешат, упали, о достоинстве за-

были. Можно признать и неизбежность, и даже величие переворота, но все обязаны сделать это с достоинством.

А вот — венец. Керенский²⁴ подал Воейкову²⁵ газету «Киевск[ая] Мысль» от 10.3, в которой сказано, что он советовал Николаю II открыть минский фронт, чтобы немцы «проучили русскую сволочь». И верный слуга царя заявил, что приписываемые ему [Воейкову] корреспонденцией слова принадлежат Николаю II, что, произнося эти слова, тот находился в состоянии сильного возбуждения, почему им не следует придавать значения. Совсем красив! Но и, вообще, они ли только пали? Эти пали слишком резко и грубо — оно и бросается в глаза. Вообще, после революции оподление будет сильное, и только после годов начнется оздоровление.

[Великий князь] Кирилл Владимирович [откровенничал] («Киевская Мысль», 10.3): «Мой дворник и я — мы одинаково видели, что со старым правительством Россия потеряет все и в тылу, и на фронте. Не видела этого только царствовавшая семья».

Тысменица. 14.3.[19]17 г[ода]. Новые формы создают новые факты. Сегодня получил сведения, что Ник[олай] Николаевич ушел и на его место [придут] или Алексеев²⁶, или Рузский. Брусилов [угодничает] во всю: то через жену, то сам; «товарищ» да и только. Жена говорит, что он всегда был «социал-демократом». Но Рузский оказался просто талант: [все] перемыслил и [всех] предупредил.

Но все же есть признаки начинающегося успокоения или отрезвления: 1) о государе тон более приличный; 2) офицеры Ген[ерального] штаба поехали в Каменец, чтобы телеграфировать Гучкову коллективное заявление о недопустимости некоторых (элементарно ясных) вещей; 3) в Киевском собрании «солдат, в[оенных] чинов и офицеров» сделало постановление, что на службе солдаты не должны носить красных придатков; 4) начинают вспоминать обывателя, который ждет чего-либо более реального, чем фразы, хотя бы и красивые.

Вчера прибыл ген[ерального] штаба полк[овник] Меньшов (команд[ир] бывш[его] 4-го Финляндского полка, Орест Владимирович), который обвиняет наше высокое начальство [в том, что оно] сбрендило, покраснело и не сделало Врем[енному] правит[ельству] заявления о недопустимости таких

явлений. Будут поправлять офицеры Ген[ерального] штаба.

Тысменица. 15.3.[19]17 г[ода]. От женьки вчера получил славное письмо от 7.3. — бодрое и прочное. Мои мальчишки ведут себя с достоинством: старший не хочет ни за что надевать красный бант, младший негодует, что вынесли портрет государя. Словом, ведут себя благороднее и строже, чем Рузский, Брусилов, Воейков и большинство великих князей. Желушка смеется над «бабами», которые собираются на митинги, жалеет в[еликого] к[нязя] Михаила Александровича²⁷ и [воодушевляет меня]: «Твоя всеми помыслами и душой, молитвами и мыслями всегда с тобой».

Тысменица. 16.3.[1917 г.]. Московские купцы Морозов, Дербенев, Журавлев, Мельников, Некрасов (сибиряк) сидят в ложе на скачках (у каждого — больше 10 млн.) Европейски образованны. Говорят [великому князю] (Ник[олаю] Мих[айловичу]): «Вы не спешите кончать войну, дайте нам еще нажиться».

Много [и других] интересных эпизодов.

Брусилов — форменный Трусилов. Молодежь Ген[ерального] штаба советовала ему переехать в Киев и объявить этот город в сфере войны. Вечером: «Да, да, это пожалуй», а на другой день гордый вид и [возмущение]: «Какая-то группа [указывает]. Мне?»; Молодежь Ген[ерального] штаба во фронте ослабла и не поддержала армейскую молодежь. Общай закон невроза усиливается от периферии к центру [как во время передышки], так и во время боев. В 7-й армии есть провокаторы, [которые подбивают солдат] не слушать офицеров. Один прапорщик бил в грудь за социал-демократические идеи, но был избит ген[ерального] штаба кап[итаном]. В Монастыржеске полурота ходила с красными бантами и надписью: «Долой самодержавие!». В Петрограде в обществе солдат и рабочих поднимается вопрос о 8-часовом дне. Солдатики из окопов: «Это справедливо. Вот и нам позвольте 8 часов подставлять лоб под пули, а затем бросать окопы». Московский комитет рабочих посылает телеграмму Петроградскому: «Вы что, против войны? Мы во всем поддерживаем Времен[ное] правительство: не пойдете — уединим Петроград и не пропустим ни одного вагона».

Тысменица. 18.3.[19]17 г[ода].

Вчера были в 655-м Драгомирчанском полку. Я говорил: «Перед нами дилемма — гражданин или воин. Стоим, как витязь на перекрестке трех дорог: направо — сохранишь воина, но погубишь гражданина, налево — наоборот, посредине — и того, и другого. Иначе вместо России будет русск[ие], фин[ские], тат[арские], польск[ие], малорос[сийские], жидовск[ие] республики».

Кап[итан] Тимофеев (одна нога до колена искусственная) говорит мне со слезами на глазах: «Я отказался присягать Времен[ному] правительству; оно слабое, оно слушается какой-то шайки рабочих и солдат. Я примирился с уходом [прежнего правительства] только потому, что [оно] было слабое, но какой смысл одно слабое заменять другим слабым?». Кажется, [я его] уговорил.

У [ротмистра] Крыжановского новые идеи: Англия и Франция, использовав нас, пустили [нашу силу] по ветру и сквозь пальцы смотрят, как мы катимся в пучину небытия. Они уцелеют и свое возьмут, а мы — как угодно. Он [Крыжановский] не удивится, если через 2—3 недели Госуд[арственная] дума заговорит о мире, [поскольку] биржа до сих пор не открывалась, а за границей с нашими бумагами слабо.

Прав ли он или нет, но два серьезных и сильных фактора:

1. [Если] биржу все не открывают, значит финансовый фактор слаб.

2. Армия за истекшие три недели не дала ни намека на успех, значит, «Народная Армия Свободной России» подъема не обнаруживает и драться не охоча.

Крыжановский говорит интересное о выводах Энгельгардта²⁸: 1) обслуживают одного окопного солдата: во Франции 1,6 тылового, в Германии — 1,8, в Англии — 2, в Австрии — больше 2, в России — 3,5; 2) у нас осталось 1,7 млн., [потери] — 5,5 млн. пленных, убитых и калек. Оказывается 900 тыс. беглых, но на них корм идет, т.е. воруют до 0,5 млн. в день; 3) французская и английская армии — дрянь, но организация в первой — совершенство; 4) мы подходим к людскому краху и с этой стороны — неожиданной — не могли бы вести войну [дальше].

Тысменица. 19.3.[19]17 г[ода]. Сегодня было заседание по вопросу о комитетах. Я настаивал на двух идеях: 1) директива — прежде всего; мы воины и [нам нужна]

победа и 2) конечная практическая цель [комитетов] — сведение [их] к хозяйственным функциям. Иначе все расшатается, а тогда какой смысл воевать?

[О Николае II можно слышать]: 1) ему (царю) оставалось только год до «Белого царя», а он ушел; значит, скоро конец войне; 2) а за то, что он (царь) с царей-то ушел, ему ничего не будет?; 3) теперь уж верно землю прибавят, а все-таки как же без царя?

Все бы знали, [что там дальше будет]?

На этом мы завершаем публикацию фронтовых дневников генерала Первой мировой войны А.Е. Снесарева. Они подавались фрагментарно, в сокращении, в рукописи имеется немало пропущенных или неясных мест. Дневник А.Е. Снесарева, как и многое другое из его творческого наследия, требует дальнейшего осмысления, дальнейшей кропотливой работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Носович Анатолий Леонидович — командир 466-го Малмыжского полка 117-й пехотной дивизии.

² Иванов Николай Иудович (1851—1919) — генерал от артиллерии (1908), генерал-адъютант (1907), во время Первой мировой войны являлся главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта, состоял членом Государственного совета и при царской особе; в феврале 1917 г. был направлен в Петроград для подавления революционного движения, но с поставленной задачей не справился.

³ Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857—1932) — генерал от инфантерии (1914), генерал-адъютант (1915), в 1912—1917 гг. командовал 9-м армейским корпусом, 11-й и 7-й армиями, являлся помощником главнокомандующего армиями Румынского фронта.

⁴ Гершельман Владимир Константинович — полковник, штаб-офицер для поручений при штабе 12-го армейского корпуса.

⁵ Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924) — председатель Государственной думы III и IV созывов.

⁶ Милоков Павел Николаевич (1859—1943) — член Государственной думы, министр иностранных дел Временного правительства первого состава.

⁷ Имеется в виду отречение императора Николая II от престола.

⁸ Николай Николаевич (1856—

1929) — великий князь, генерал от кавалерии (1901), генерал-адъютант (1894), главнокомандующий 6-й армией (1914), Верховный главнокомандующий (июль 1914 — август 1915), наместник на Кавказе, главнокомандующий Кавказской армией и войсковой наказной атаман Кавказских казачьих войск (1915—1917), накануне отречения Николая II назначен Верховным главнокомандующим, но в должность не вступил.

⁹ **Кирилл Владимирович** (1876—1938) — великий князь, контр-адмирал свиты (1915), штаб-офицер для делопроизводства и поручений Морского управления штаба Верховного главнокомандующего (1914—1915), начальник морских батальонов действующей армии (1915), командир Гвардейского экипажа (1915—1917), один из ближайших родственников императора, присягнувший на верность Временному правительству.

¹⁰ **Брусилов Алексей Алексеевич** (1853—1926) — генерал от кавалерии (1912), в описываемый период главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта.

¹¹ Имеется в виду повторное назначение великого князя Николая Николаевича Верховным главнокомандующим русских войск.

¹² **Трепов Александр Федорович** (1862—1928) — сенатор, член Государственного совета, член Особого совещания по обороне, председатель Совета министров (ноябрь—декабрь 1916 г.).

¹³ **Протопопов Александр Дмитриевич** (1866—1918) — поручик (1889), депутат Государственной думы, при содействии Г.Е. Распутина, фаворита царской семьи, объявившего себя прорицателем, был назначен министром внутренних дел.

¹⁴ **Гучков Александр Иванович** (1862—1936) — член Государственного совета, военный министр Временного правительства первого состава.

¹⁵ **Сухомлинов Владимир Александрович** (1848—1926) — генерал от кавалерии (1906), генерал-адъютант (1912), военный министр (1909—1915). Был уволен со службы и арестован за злоупотребления и измену (1916), впоследствии (1917) признан виновным в недостаточной подготовке армии к войне, осужден к бессрочной каторге, замененной заключением в крепость.

¹⁶ **Корнилов Лавр Георгиевич** (1870—1918) — генерал от инфантерии (1917), в марте—апреле 1917 г. — главнокомандующий войсками Петроградского военного округа.

¹⁷ **Столыпин Петр Аркадьевич** (1862—1911) — министр внутренних дел и председатель Совета министров Российской Империи (1906—1911).

¹⁸ **Игнат** — ординарец А.Е. Снесарева.

¹⁹ **Грузенберг и Винавер** — политические деятели кадетского толка.

²⁰ **Николай Михайлович** (1859—1919) — великий князь, внук Николая I, автор монографии по истории России 1-й четверти XIX в., председатель Русского исторического общества.

²¹ **Русский Николай Владимирович** (1854—1918) — генерал от инфантерии (1909), генерал-адъютант (1914), в описываемый период главнокомандующий армиями Северного фронта.

²² **Каменский Сергей Николаевич** — граф; судя по фактам, упоминавшимся в дневнике в связи с этим лицом, он исполнял должность офицера для особых поручений при штабе 18-го, а затем 12-го корпусов.

²³ **Эверт Алексей Ермолаевич** (1867—1926) — генерал от инфантерии (1911), генерал-адъютант (1915), главнокомандующий армиями Западного фронта.

²⁴ **Керенский Александр Федорович** (1881—1970) — министр юстиции Временного правительства; затем — военный и морской министр, министр-председатель, Верховный главнокомандующий.

²⁵ **Воейков Владимир Николаевич** (1868—?) — генерал-майор Свиты его императорского величества (1909), дворцовый комендант (1913—1917).

²⁶ **Алексеев Михаил Васильевич** (1857—1918) — генерал от инфантерии (1914), генерал-адъютант (1916), временно исполняющий обязанности Верховного главнокомандующего (11 марта — 2 апреля 1917 г.), затем Верховный главнокомандующий (2 апреля — 22 мая 1917 г.).

²⁷ **Михаил Александрович** (1878—1918) — великий князь, младший брат императора Николая II, один из претендентов на престол после отречения царя от власти; генерал-лейтенант (1916), генерал-адъютант (1916), командовал Кавказской туземной дивизией, 2-м кавалерийским корпусом, являлся генерал-инспектором кавалерии (1914—1917).

²⁸ По всей видимости, речь идет о докладе **Энгельгардта Бориса Александровича** (1877—1962; более подробно о нем см: Воен.-истор. журнал. 2002. № 12. С. 45) в Государственной думе IV созыва, в которой он возглавлял военную комиссию.

*Публикация
генерал-майора в отставке
И.С. ДАНИЛЕНКО,
доктора философских наук,
профессора;
капитана 1 ранга
И.А. АНФЕРТЬЕВА
(Москва)*

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

● Ряд статей в очередных номерах журнала посвящен проблемам военного искусства и военного строительства. Так, в статье доктора военных наук генерал-майора А.Д. Гаврилова и кандидата военных наук полковника И.В. Грудина «Исторический анализ развития сущности и содержания управления огнем зенитных средств» показано развитие не только теории и практики управления огнем, но и самой техники от простейших таблиц до современных АСУ. Тема военного строительства отражена в материалах генерал-майора в отставке В.В. Градосельского «Законодательное обеспечение комплектования Вооруженных Сил СССР» и коллектива авторов — кандидата военных наук полковника В.В. Ильюшина, кандидата технических наук полковника в отставке Ю.Д. Березина и А.Ю. Березина «Решительным образом пресекать недооценку химической опасности».

● Флотской тематике посвящены статьи кандидата исторических наук П.В. Петрова и полковника медицинской службы в отставке кандидата медицинских наук В.И. Тюрина. В первой рассматривается оперативно-тактическая подготовка Балтийского флота накануне Советско-финляндской войны 1939—1940 гг., показаны ошибки и упущения в процессе боевой подготовки, многие из которых были связаны с прокатившимися по флоту репрессиями. Вторая статья посвящена ликвидации аварии на атомной подводной лодке К-429 в июне 1983 года — тогда с глубины 40 м были спасены 104 подводника.

● В новой рубрике «Локальные войны и вооруженные конфликты XX века» журнал приступает к публикации «Афганского дневника» участника тех событий полковника запаса А.П. Павлова — первого начальника службы ракетно-артиллерийского вооружения 40-й армии. Писавшиеся по горячим следам событий, притом для себя, а не для публикации, строки дневника предельно открыты и правдивы. Журнал заканчивает также публикацию дневника контр-адмирала В.К. Пилкина под названием «Народ не Бог, и службу я не ему, а служу России...».

● Под рубрикой «Неизвестное из жизни спецслужб» полковник в отставке О.М. Хлобустов рассказывает об отдельных аспектах деятельности КГБ СССР.

● Геополитическим проблемам посвящена статья кандидата исторических наук полковника В.В. Бруза «Россия и общеевропейская безопасность в XIII—XIX вв.», публикуемая под рубрикой «Историография и источниковедение».

● Читателям предлагается также криптограмма на военную тему полковника в отставке А.С. Ждановского, отзывы о новых книгах, хронограф, перечень статей и иных материалов за 2004 год.

«НАРОД НЕ БОГ, И СЛУЖУ Я НЕ ЕМУ, А СЛУЖУ РОССИИ...»

Из дневника контр-адмирала
В.К. Пилкина. 1919 г.

БЛАГОДАРЯ многолетним усилиям историков Н.Н. Рутыча и Н.С. Сокольского (Фонтенбло, Франция) в редакцию поступил для публикации ценный источник — дневник контр-адмирала Владимира Константиновича Пилкина периода Гражданской войны. Много лет его хранила дочь адмирала Вера Владимировна Пилкина. Значение этого документа станет понятным, если вспомнить, что автор его был морским министром в Северо-Западном правительстве, человеком, близким к генералу от инфантерии Н.Н. Юденичу.

Владимир Константинович родился 11 июля 1869* года в Санкт-Петербурге в семье капитана 1 ранга. Его отец, впоследствии полный адмирал К.П. Пилкин (26 января 1824 — 12 января 1913 г.), лейтенантом участвовал в обороне Петропавловска-Камчатского от англо-французской эскадры (1854), затем много сделал для развития в русском флоте торпедного оружия. Владимир, старший из пяти его сыновей, избрал морскую службу. Он получил прекрасное образование: в 1890 году окончил Морской кадетский корпус, в 1898-м — Минный офицерский класс, наконец в 1908 году — курс военно-морских наук Николаевской морской академии. Не раз находился в дальних плаваниях, в качестве старшего минного офицера участвовал в приемке от французской верфи новейшего эскадренного броненосца «Цесаревич» (командир — капитан 1 ранга И.К. Григорович, будущий морской министр).

В ноябре 1903 года «Цесаревич» и броненосный крейсер «Баян» прибыли в Порт-Артур, став последним подкреплением для эскадры Тихого океана. Вечером 26 января 1904 года, в первые же минуты развязанных Японией боевых действий корабль получил тяже-

лую торпедную пробоину и вступил в строй после ремонта лишь в конце мая. Служивший в те дни на броненосце молодой мичман Д.И. Дараган в письме к родным дал своему сослуживцу такую характеристику: «Минер Пилкин — сын адмирала. Немного загадочная для меня личность. Хороший специалист, умный, кажется, человек, холостой, довольно красивое лицо. Говорит мягко и приятно, очень любезен. Изредка проскакивает фраза: "когда у нас будет республика или конституция". Вот тут-то я его и не понимаю. В общем, очень милый господин. Артиллерист Ненюков — покладистый, покойный русский человек. Большой друг Пилкина. Вместе читают французские романы».

Во время решающего сражения с японским флотом, когда находившиеся на «Цесаревиче» командующий эскадрой контр-адмирал В.К. Витгефт и чины его штаба уже были убиты или тяжело ранены, осколки очередного снаряда влетели в прорези боевой рубки, выведя из строя всех в ней находившихся. Первыми пришли в себя Пилкин и Ненюков, оба имевшие серьезные ранения (у первого осколок пробил лобную кость). Им и пришлось срочно восстанавливать управляемость корабля, вышедшего из строя и кружившегося под огнем боевых отрядов адмирала Х. Того. В ночь после сражения серьезно поврежденный броненосец ушел в германский колониальный порт Циндао, где и был интернирован до конца войны. За отличие лейтенант В.К. Пилкин был удостоен ордена Св. Георгия 4 степени.

ПОСЛЕ возвращения в Россию офицер служил на балтийских миноносцах, в 1906 году поступил в Николаевскую морскую академию, с того же года состоял членом Санкт-Петербургского военно-морского кружка, где сблизился с А.В. Колчаком и другими молодыми офицерами, прилагавшими все усилия для возрожде-

ния флота. Возможно, именно с «подачи» Колчака был принят в незадолго перед тем созданный Морской генеральный штаб — «мозг флота», где трудился с декабря 1907 по октябрь 1909 года. Состоял в комиссии по пересмотру положения о морском цензе и в комиссии по выработке правил и инструкций по технической и организационной части минного дела при Морском генеральном штабе. Тогдашний начальник Морского генерального штаба контр-адмирал А.А. Эбергард в аттестации, данной им Пилкину 9 ноября 1909 года, писал: «Всецело предан флоту, любит морское дело и этим объясняет оставление службы в Морском генеральном штабе. Минный офицер, всесторонне образованный по всем отраслям военноморского дела... По своим качествам рекомендуется мною как офицер, способный командовать боевым кораблем и руководить подчиненными, которых всегда сумеет подчинить своей воле и увлечь своим примером на подвиги»¹.

В 1909—1911 гг. Пилкин командовал эскадренным миноносцем «Всадник», сполна пройдя школу вице-адмирала Н.О. фон Эссена. В ноябре 1911 года Владимир Константинович за отличие был произведен в капитаны 1 ранга и назначен командиром строившегося линкора «Петропавловск», одного из четырех дредноутов типа «Севастополь», призванных стать ядром возрождавшегося Балтийского флота. Более чем лестное назначение! Корабль вступил в строй уже после начала Первой мировой войны, а до того В.К. Пилкин совмещал наблюдение за его строительством с продолжением деятельности в Морском генеральном штабе, где разрабатывал судостроительные программы. В 1913 году для приобретения опыта в управлении большими кораблями в течение нескольких месяцев временно командовал столь знакомым ему «Цесаревичем», уже переклассифицированным в линейный корабль.

Вступление нового судна в строй было непростым — требовалось отладить множество механизмов, устранить большое число неисправностей. Роль командира

* Все даты до 14 февраля 1918 года — по старому стилю, далее — по новому.

как «дирижера» офицеров-специалистов и заводских инженеров была крайне важна. Начальник 1-й бригады линейных кораблей эскадры Балтийского моря контр-адмирал А.С. Максимов 1 сентября 1915 года аттестовал Пилкина так: «Отличный офицер и редкий служака, всей душой преданный службе. Отлично управляет людьми и судном. Нравственен, здоров. Твердый и решительный характер. Воспитан и дисциплинирован. Дай Бог побольше таких офицеров, честных. Самоотвержен — приятный по службе своими идеальными взглядами»². Впрочем, не все оценивали службу Владимира Константиновича так высоко. Командующий Балтфлотом вице-адмирал В.А. Канин в письме морскому министру И.К. Григоровичу от 11 октября 1915 года раздраженно писал о В.К. Пилкине: «Этот управляется хуже всех, не только дредноутов, а вообще хуже всех кораблей. Вполне признавая в нем высокие качества доблести и военно-морские знания, даже, может быть, талант, допускаю, что из него может выйти прекрасный начальник отряда, но командир он плохой, несмотря на наибольшую практику в управлении большими судами»³. Спустя полтора месяца, когда возник вопрос о назначении капитана 1 ранга А.В. Колчака в штаб командующего Черноморским флотом, тот же Канин в письме И.К. Григоровичу от 2 декабря 1915 года возражал против планируемого перевода и предлагал вместо него Пилкина или капитана 1 ранга А.П. Зеленого: «И тот и другой прекрасны. Но Пилкин старше и более подготовлен для настоящего военного времени»⁴. Складывается впечатление, что В.А. Канин, несомненно, не желавший отпустить от себя чрезвычайно деятельного Колчака, в то же время предпочел бы удалиться В.К. Пилкина от себя подальше.

Сразу вспоминается оценка, данная контр-адмиралом С.Н. Тимиревым: «Владимир Константинович Пилкин был самый старший из первых командиров дредноутов, но получил повышение по службе последним... Пилкин был человек очень твердых правил, без тени заискивания и подлаживания к начальству, никогда не задумывавшийся высказать всю правду, как бы она резка ни была. Обладая острым умом и серьезным образованием, он был всегда склонен к критике и сарказмам, что тоже не очень нравилось начальству. Кроме того, Пилкин был большой либерал и в дореволюционное время

пользовался репутацией "красного". По складу своей натуры он, пожалуй, был скорее кабинетный человек, из которого, однако, мог выработаться прекрасный общественный и политический деятель, военная же служба к нему как-то не подходила. Тем не менее это не помешало ему быть прекрасным командиром и выдающимся адмиралом. Характерной особенностью его натуры была внутренняя порядочность...»⁵.

19 декабря 1915 года начальником 1-й бригады линейных кораблей Балтийского моря был назначен контр-адмирал М.К. Бахирев, поднявший флаг на «Петропавловске». С того времени с В.К. Пилкиным его связывала крепкая дружба. Не случайно именно с Бахиревым сравнил Владимира Константинович Н.Н. Юденича, описывая в дневнике 6 января 1919 года свое знакомство со знаменитым героем взятия Эрзерума («...по типу, конечно; так они вовсе не похожи»).

В НОЯБРЕ 1916 года Пилкин получил новое назначение — начальником 1-й бригады крейсеров, а 6 декабря был произведен в контр-адмиралы. На этом посту ему пришлось пережить тяжелые дни Февральской революции, когда он вместе с контр-адмиралом Д.Н. Вердеревским всеми силами старался не допустить пролития крови в Ревеле, затем — тягостное ощущение постепенного развала флота. После Моонзундского сражения, в октябре 1917 года ему пришлось передать управление бригадой С.Н. Тимиреву. Диагноз врачей был страшен — чахотка.

Почти весь 1918 год бывший адмирал провел в туберкулезном санатории Нумнеэка (Numneeka) под Гельсингфорсом. Выздоровления достичь так и не удалось. С конца 1918 года он с семьей проживал в Гельсингфорсе, почти без средств для жизни и лечения, страдая от болезни и морально — от трагедии России, родного флота, редких, но страшных сообщений о судьбе оставшихся в Петрограде родственников, прескверного отношения финнов к «застрявшим» на их территории русским. Вокруг него как старшего по чину стали группироваться бывшие морские офицеры. Их положение простым не назовешь — уехать к Деникину, к Колчаку или в Архангельск было почти невозможно. Правда, бои с красными велись в Прибалтике, но действовавшие там силы — национальные формирования вновь образованных государств, остатки немецкой

армии и русско-немецкие полупартизанские отряды — симпатии вызывали не у всех. Можно ли, например, служить в армии Эстонии, если она отделилась от России самовольно? Даже если последняя в данный момент находится под властью большевиков? Эти и другие вопросы мучили В.К. Пилкина и его товарищей.

Впоследствии В.К. Пилкин, ставший весьма близкой к Н.Н. Юденичу фигурой, являлся морским министром в Северо-Западном правительстве, участвовал в осеннем походе на Петроград, подготовке восстания в бывшей столице. Вместе с армией испытывал прилив надежды, когда передовые части уже видели в дымке купол Исаакиевского собора. А затем пережил отчаяние и горечь поражения. Ноябрьские и декабрьские записи 1919 года передают подлинную картину положения в Нарве, где находился штаб армии. Войска с трудом удерживали фронт. Холод, голод, страшная эпидемия тифа, и на фоне всего этого — открытый грабёж эстонскими солдатами не только отступавших обозов, но и офицеров при разоружении частей, оказавшихся на эстонской территории. В самой Нарве, выходя на улицу, адмирал Пилкин, опасаясь встречи с эстонскими патрулями, не только брал с собой револьвер, но и клал в карман ручную гранату («бомбу»). Далее последовала трудная деятельность в Ревеле, где Владимир Константинович, входя в состав ликвидационной комиссии, старался помочь бывшим товарищам по оружию. Затем — эмиграция, скромная жизнь в Ницце. Средиземноморский климат благоприятно сказался на его здоровье, он дожил до 80 лет, скончавшись 6 января 1950 года.

ОТБРАННЫЕ для данной публикации фрагменты дневника относятся к периоду января—марта 1919 года. В целом о дневнике следует сказать следующее. Это преимущественно толстые тетради размером 20 × 13,5 см. Разлинованные в клетку листы покрыты мелким, очень трудно читаемым почерком. Ценность дневников В.К. Пилкина неоспорима. Автор дает интересные характеристики Н.Н. Юденича и его сподвижников, рассказывает о перипетиях организации «белого фронта» под Петроградом, о наступлении Северо-Западной армии, а затем о ее трагедии, невыразимо унижительном разоружении ее эстонцами после отступления за р. Нарову. Важность информации тем более велика, что В.К.

Пилкин являлся одним из наиболее доверенных лиц Н.Н. Юденича, принимал участие во многих важных встречах и беседах. Так, например, государственный контролер в Северо-Западном правительстве, меньшевик-плекхановец В.Л. Горн вспоминает, что каждый раз, когда возникала дискуссия с генералом Юденичем, он «старался меньше высказываться и старательно прибегал к содействию своего коллеги адм[ирал]а Пилкина, человека тонкого, умного и весьма хитрого...». «Всякий раз, — продолжает В.Л. Горн, — как я начинал переговоры с генералом Юденичем, адм[ирал] Пилкин мгновенно появлялся в комнате, как из-под земли»⁶.

Напомним, что подавляющее большинство воспоминаний высшего командного состава белых армий (в том числе и таких талантливых, как «Записки» генерала П.Н. Врангеля) написаны после самих событий Гражданской войны, в которых они участвовали. Их авторы уже знали ее итог на том или ином фронте или, говоря попросту, писали задним числом.

В отличие от них дневник, или «журнал» адмирала Пилкина, как он его сам называет, передает переживания, надежды и оценки действий участников в ходе самих событий. Поэтому он дает возможность представить длинную картину или, вернее, панораму того, что автор видел и знал на данный момент. Все это погружает читателя в атмосферу белой борьбы на Северо-Западе России в 1919—1920 гг.

При публикации пунктуация приведена к современным требованиям, также исправлены архаичные окончания слов. Места, где отдельные слова разобрать не удалось, указаны в квадратных скобках: [нрзб], сделанные при публикации сокращения отмечены угловыми скобками: <...>. Помещенный после слова знак вопроса в круглых скобках означает прочтение лишь предположительное. Часть фрагментов текста в тетрадах вырезана, судя по всему, самим В.К. Пилкиным; такие случаи оговорены с указанием на примерное число утраченных знаков. При комментировании не делались пояснения к общеизвестным историческим фигурам — Колчаку, Деникину и т.п. Развернутые биографии действующих лиц будут приведены в отдельном издании дневников В.К. Пилкина.

* * *

1.1.[19]19 г[ода]. Ясный морозный день; море начинает замер-

зать. В воздухе тишина. Двадцать лет тому назад я начал в этот день, 1 января, вести мой журнал-дневник. Это было на клипере «Разбойник»; мы подходили под парусами к Буэнос-Айресу. Помню, что с 4 часов утра я вступил на вахту, и мне пришлось лечь в дрейф, чтобы принять лоцмана. Рядом шло много купцов; один из них, что приходится редко видеть, был с лиселями. Некоторые из купцов тоже ложились в дрейф. Эта картина так живо встала перед моими глазами, как будто я ее видел вчера. <...>

Обедала Фанни Александровна Лурье, очень интересная еврейка. Она уже не молода, ей под сорок, лицо иногда очень серьезное, иногда злое и противное, особенно рот. Видно, что в человеке борются два начала. Разговор, замечания очень тонкие. Все понимает с полуслова. Но зачем она к нам ходит? Уроки рисования нашим девчонкам и еще бесплатно! Может быть, для них она готовится стать настоящей преподавательницей рисования, может быть, действительно бескорыстно заинтересовалась несомненными способностями девочек, а может быть... Как думает Маруся, чтобы уговаривать ее продать подешевле антиквару, у которого она служит, нашу мебель и другие вещи. Кто знает? Темна душа человека!

Рассказывала Фанни Александровна о своем недавнем посещении Репина. Он ей показывал свои последние картины. По словам Ф.А., ужасно слабые. Портрет Керенского очень похожий, но в очень неприятных тонах и грубый, как фотография. Затем «Илья-пророк», списанный со старого складня, непреодолимо слабейший, чем этот складень, но Репин не понимает и ходит кругом, как павлин, и ждет, чтобы его хвалили. Бедняга! Ужасно пережить свой талант и не суметь уйти вовремя. <...>

* * *

4.1.[19]19 г[ода]. Узнал, что приехал Коломейцов⁷, т.е. прибежал из Петербурга; пошли к нему с Вилькеном⁸ и Ламкертом⁹, но по дороге встретились с ним. Он похудел, но держится молодцом, щеголем, с бинтами на ногах, в каком-то козыре. Решили зайти к Фагеру(?) выпить чаю. Там Коломейцов рассказал нам свою эпопею. После того как он был списан Эссеном¹⁰, он командовал речной или, точнее, озерной флотилией на Чудской позиции. Там его застала революция. Сначала все шло хорошо, команда была хорошая, но затем приехали агитаторы, а тут еще он приказал (сколько

человек на этом свернулось?) снять красные банты как нарушающие форму. Его тогда арестовали и отвезли в Следственную комиссию Государств[енной] думы по обвинению в контрреволюционности и склонности к рукоприкладству. Ник[олай] Ник[олаевич] признался, что, вообще не дерясь, он ударил какого-то сигнальщика. В Думе его расспросили и выпустили. Он поселился с женой в доме у своего родственника Набокова¹¹. Через несколько времени он получил весьма любезное письмо от Дудорова¹², в котором тот благодарил его за службу от имени флота и «ввиду чрезвычайных обстоятельств» и репероизводства адмиралов просил подать в отставку. Коломейцов так и сделал, но попросил Вердеревского дать ему при отставке чин вице-адм[ирала]. Просьбу его исполнили. Дом Набокова постепенно наполнялся посторонними жильцами, распродававшими вещи, серебро, картины, а вскоре Н.Н. с женой и вовсе оттуда выселился. Прошло еще несколько времени, и его арестовали в качестве заложника. Следователь, господин как будто бы и интеллигентного вида, сказал ему в объяснение (в то время еще допрашивали арестованных): «Интеллигенция против большевиков и в союзе с буржуазией. Их поддерживают старшие офицеры, кругом которых группируется молодежь. Это круговая порука». И вот Коломейцова посадили в П[етропавловскую] крепость. В одиночной камере помещалось 16 человек. Два месяца он сидел, и ни разу его из камеры не выпустили подышать воздухом, на прогулку. Камера не проветривалась, а так как они тут же выполняли свои потребности, то воздух был ужасающий. Кормили их настоем из селедки и кусочками воблы раз в сутки. Все помирилось с голоду. Все попытки доставить им пищу со стороны оканчивались неудачно: комиссары и караул съедали все сами. Только то, что присылалось из германского посольства (это стоит отметить), доставлялось в раскраденным. С Коломейцовым сидели К[онстантин] Вас[ильевич] Стеценко¹³, Дюшен¹⁴, князь Васильчиков. Жена Н[иколая] Ник[олаевича] хлопотала, чтобы его выпустили, и у немцев, и у комиссаров. Давала взятки и, наконец, когда была комиссия, его освободили. Сыграли ли тут что-нибудь деньги или нет — он не знает. Они решили бежать. За себя и за жену и за 4 чемодана им было заплачено проводникам 10 тысяч рублей. Шли они лесом, глубоким снегом. Мадам Коломейцо-

ва, у которой не в порядке почки и, кроме того, жар, несколько раз ложилась в снег и просила оставить ее умирать. Каждые пять минут у нее была рвота, но Коломейцов силой заставлял ее идти. Теперь он достает визы, чтобы ехать в Лондон, куда его приглашает директор Вост[очно]-азиатского пароходства, что ли!

Узнал, что Юденич приехал. Я просил через Полушкина¹⁵, генерала Горбатовского¹⁶ предупредить Юденича о моем посещении. Зашел сам к Горбатовскому, потом к Полушкину, потом к Бунину¹⁷, но никого не застал дома!

* * *

5.1.[19]19 г[ода]. Написал письмо Кнюпферу¹⁸, просил сообщить его условия приема русских офицеров на миноносцы¹⁹. Вместе с тем я ему сообщил, что если бы удалось иметь на миноносцах Андреевский флаг, то пошло бы служить гораздо больше офицеров. Теперь многие думают, что, служа под эстляндским флагом, они как бы признают независимость от России этой области, делаются участниками измены по отношению к России. С другой стороны, если мы не пойдем на миноносцы, они будут окончательно потеряны для нас. В случае, если большевики возьмут Ревель, миноносцы эти будут проданы или переданы кому-нибудь, Финляндии, например. Если русских офицеров на миноносцах будет много, то от них будет зависеть в нужную минуту поднять Андреевский флаг, присоединиться к англичанам и т.п. и вообще контролировать эстляндцев.

Я писал еще Кнюпферу, что если командный состав будет назначаться некомпетентным лицом, то многие офицеры затруднятся вверить свою репутацию и жизнь неизвестному и неопытному командиру. Желательно было бы найти какой-нибудь компромисс. Например, чтобы мы выставили своих кандидатов или, чтобы, если они назначат командира, старш[ий] офиц[ер] был бы наш, или чтобы при нашем командн[ом] составе был бы их комиссар. Я мало надеюсь на то, что эстляндцы пойдут на уступки, но надо сделать попытку обеспечить(?) дело комплектования наилучшим образом. Надо бы также несколько увеличить сумму, отпускаемую для обеспечения семейств. На 100 рубл[ей], ассигнуемые эстл[яндским] правит[ельством], в Гельсингфорсе, да и вообще в Финляндии прожить нельзя. Если семьи обеспечены не будут, то запишутся на миноносцы только холостые, а женатые не пойдут.

Через несколько времени эстляндцы убедятся, что если на миноносцах будут служить опытные техники, то это обойдется дешевле, т[ак] к[ак] их потребуется менее, чем серых мужиков.

Затем я просил навести справку, какие вакансии свободны? Каков паек? Какое обмундирование? С кем заключаются и заключаются ли контракты и т.п. <...>

* * *

6.1.[19]19 г[ода]. Все тает, снег сошел, дышать тяжело. Днем были у меня Вилькен и Лушков²⁰, для совещания по делу комплектования миноносцев. Мы вызвали П.Н. Бунина, который поедет в Ревель узнать подробные условия записи и предложит наши условия. Ультиматумов мы никаких не будем ставить, но укажем, что в одном случае, т.е. с их условиями, поедет мало народа, а с нашими много. Я обратил внимание Бунина на необходимость осторожно касаться тех вопросов, которые могут возбудить их подозрительность. Они, наверное, страшно чувствительны во всем, что касается их прерогатив самостоятельного государства. Надо быть также осторожным с Вейгелиным²¹, чтобы не возбудить его против нас, и с... Кнюпфером, который, по-видимому, хотел бы командовать одним из миноносцев. Ну и пусть командует. Бунин сделает ему от моего имени предложение.

Целый день ждал указаний, в котором часу меня примет Юденич, которому я послал карточку с просьбой назначить мне время для разговора. Наконец мне передали, что он будет ждать меня в 6 [часов] 30 минут. В 6 час[ов] мы только кончили наше совещание. Накурили все так, что плавали в сизо-синем дыму. Я очень торопился поспеть в «Société», где остановился Юденич, но ровно в половине седьмого я вошел к нему в номер.

Юденич — это второй Мих[аил] Коронат[ович] Бахирев²², по типу, конечно; так они вовсе не похожи. Небольшого роста, коренастый, со взглядом исподлобья. По-видимому, очень осторожный, не без лукавства, несколько застенчивый, как и Мих[аил] Коронат[ович]. Вероятно, упрямый, наверное, умный. Помнится, Мих[аил] Коронат[ович], глядя на его портрет (кстати, мало похожий), промолвил с одобрением: «Не дурак выпить». Может быть, и не дурак! На это намекает отчасти нос, хотя и не сливой и не красной, но в очертаниях его есть что-то... обещающее, что ли! Усы седые, длинные. Одет в пиджак и цветную ру-

башку. Когда я вошел к нему, у него был какой-то плотный, неопределенных лет курчавый господин, со ртом акулы и с ласковым взглядом... Буксгевден, оказывается. Мы пожали друг другу руку, и он вышел. Я одно мгновение боялся, что он останется.

Мы сели с Юденичем друг против друга, и я начал, взвешивая каждое слово, свой доклад, что ли?! Я ему сказал, что беспокою его своим посещением, потому что являюсь старшим из морск[их] чинов в Финляндии, что на мне как на старшем лежат, согласно Морскому уставу, юридические обязанности по отношению к находящимся морск[им] офицерам, не говоря о нравственных. Ко мне обращаются за советами, обращаются за руководствами, не зная обстановки, я не могу руководить моими сослуживцами. Они не знают, что им делать, и я не знаю, что делать. Офицерство терпит нужду и офицерство желает принять участие в общем деле освобождения России от большевиков. Обе эти причины заставляют офицеров стремиться на какой-нибудь из действующих фронтов. Но пробраться к Колчаку или Деникину почти невозможно, на Мурман сперва было сравнительно легко, но теперь и туда путь закрыли. Остается идти на южный берег, в Ревель. Но наша цель свергнуть большевистскую власть. Достигается ли эта цель записью в эстляндские войска? Не будет ли это трата наших сил, которые могут еще пригодиться, когда потребуется напрячь разом все силы России? Недаром Деникин предупреждал, что, покушаясь с негодными средствами свалить большевиков, офицерство потеряло 30 тысяч человек и таких генералов, как Алексеев, Корнилов, Марков.

Если союзники не намереваются в ближайшем будущем начать на сев[ерном] театре операции против большевиков, то офицерству здесь, по-видимому, придется помириться с мыслью, что они только косвенным путем, притягивая большев[истскую] арм[ию] к Эстл[яндскому] фронту, примут участие в общем деле.

Затем я ему рассказал про намерение наше идти на миноносцы, переданные Эстляндии, и [указал] на сомнения наши — не будет ли служба под эстляндским флагом компрометировать русских офицеров. Вместе с тем я ему высказал и свой взгляд на этот вопрос, заключающийся в том, что нам необходимо в воз-

можно большем числе идти на миноносцы.

Юденич слушал меня, изредка движением головы соглашаясь с моими словами. Когда я кончил изложение положения дел, как оно мне представилось, я поставил Юд[еничу] вопрос: может ли офицерство надеяться, что на севере начнутся широкие операции против Петербурга? В ответ Юденич рассказал следующее: он виделся в Стокгольме с представителями американского, английского, французского п[равительст]в. Всем им он изложил свой взгляд на необходимость активного вмешательства в русские дела, и вмешательства в первую голову, раньше, чем в германские. Кроме французского посланника, согласившегося со взглядом Юденича, остальные посланники высказались против вмешательства «во внутренние дела России». Они ссылались также на усталость войск после 4 лет войны, на заслуженный войсками отдых и т.п. Тем не менее они взяли передать своим п[равительст]вам записку Юденича и сообщить ему ответ п[равительст]ва. Юденич прожил после того 3 недели в Стокгольме, и ответа ни от кого не пришло. Затем он имел разговоры с представителями финансов и промышленности, главным образом английскими, которые высказались тоже против активного вмешательства, но за материальную помощь русским добровольческим армиям. Однако чего-нибудь конкретного никто не предложил. Там же, в Стокгольме, к Юденичу обратились направленные к нему англ[ийским] посл[анником] представители лифляндского правительства. Они предложили Юденичу принять на себя командование войсками Лифляндии, Эстляндии, с которой заключено соглашение, и, может быть, Финляндии, с которой ведут переговоры.

Юденич в принципе согласился на предложение, но поставил следующее условие: не ограничиваться защитой границ, а идти на Петербург. Допустить без ограничения образование русских дружин. Допустить сформирование иностранных отрядов. Представители лифляндского п[равительст]ва сказали ему, что не уполномочены дать ему ответ и снесутся со своим п[равительст]вом. А между тем, заметил Юденич, база «все уменьшается и уменьшается».

Юденич не скрывает от себя, что войска, которыми ему, может быть, придется командовать, очень плохи. Он сказал мне, что,

может быть, в ближайшем же будущем будет разрешено Финляндией формировать русские дружины в самой Финляндии, что значительно облегчит дело.

На мой вопрос, находится ли он в контакте с генералом Деникиным, Юденич ответил отрицательно. Он только встретил в Стокгольме Нобеля, который в ноябре видел Деникина. По словам Нобеля, у Деникина нет недостатка людей, но нет снабжения, нет патронов, нет сапог...

Что же, значит, сообщение газет о высадке на юге 100 армий союзников и полной поддержке Деникина — bleff? «Значит!» — заметил Юденич. Он еще сказал: «Я не соперник Деникину!».

Мы поговорили с ним о танках. Полторы тысячи офицеров с ружьями — ничто, с танками же это целая армия. Мы, морские офицеры, могли бы взяться обслуживать танки, если бы их удалось достать. У нас есть механики, есть шоферы, не говоря уже об артиллеристах.

«Не может ли генерал просить о танках у союзников?» Генерал не может. «Не может ли генерал просить помощи у богатых русских людей?» «Они ничего не дадут», — был меланхоличный ответ.

Весь наш разговор с Юденичем носил по форме глубоко старорежимный отпечаток: ваше высокопревосходительство намеревается... ваше превосходительство полагает... и т.п.

Я просидел у него около часу все-таки!

Все ли он мне сказал? Я думаю, что все. Я его предупредил, что понимаю, что с совершенно ему незнакомым человеком говорить трудно, но он любезно заметил, что «мое превосходительство» ему известно уже, и известно, что я будто бы объединил в Финляндии м[орских] офицеров. Это, разумеется, слова, и никого я не объединял здесь.

Ну какое же общее впечатление произвел на меня Юденич? Хорошее и немного странное. Он не совсем обыденный человек, не то чудак, не то просто сильно себе на уме, неладно скроен, да крепко шит, вероятно, очень цельный характер... <...>

* * *

7.1.[19]19 г[ода]. Собрались у меня Вилькен, Лушков, Вильсон²³, Леонтьев²⁴, и я сообщил им о том, что мне говорил Юденич. От союзников ждате нечего (а я все-таки жду), Юденич благословляет идти на миноносцы — значит, надо хвататься за единственное, что нам остается. (Мне кажется, все-таки

есть некоторая нелогичность между образом действий Юденича, идущего воевать на условиях, что воевать будут не только за границей Эстляндии и Лифляндии, и благословением его идти в Эстляндию без выполнения этих требований.) <...>

Все тает! Южный ветер, дышит тяжело; я очень похудел за последний месяц.

* * *

10.1.[19]19 г[ода]. Пригласили меня на совещание русских начальников в консульстве. В 11 час[ов] собралось человек 25. Тут и полковники, тут и врачи, тут и наша морская группа: Вилькен, Лушков, я. Меня звали председательствовать, но я отклонил эту честь, и председательствовал Витенберг. <...>

Делал доклад молодой момент, полковник ген[ерального] штаба Крузенштерн²⁵; страшно был туп, сам себя слушающий и распевающийся по-ярому соловьем. На меня произвел впечатление пустобреха.

Дело шло о формировании русских частей для отправки на фронт. Оказывается, что Маннергейм как будто бы разрешил начать формирование русских частей здесь же, и Финляндия будет оказывать содействие. Части формируются для эстл[яндского] п[равительст]ва, но, кажется, на счет Финляндии. Все русские добровольцы будут получать то же, что и добровольцы финские. Финл[яндское] п[равительст]во даст во временное пользование пулеметы, кажется, 5 штук. Это для пулеметной команды. Формируется в первую очередь еще полубатарей, т.е. не формируются, а будут формироваться. Пулеметная команда придается к кавалерийскому отряду какого-то Бибикова²⁶, у которого, по-видимому, Крузенштерн собирается быть н[ачальни]ком штаба. Все это решится будто бы в ближайшие дни.

Для содействия формированию русских частей старшие чины просили б лиц составить комитет и обсудить необходимые мероприятия. В комитет попал и я, и вечером под моим председательством состоялось совещание этого комитета. Он состоит из Витенберга, Покидова, Буксгевдена, еще кто не помню. На совещании нас заговорил... да, вот кто еще... Крузенштерн, а я [нрзб]... После долгих прений решили пригласить Юденича взять на себя возглавление т.н. военной организации, затем (это предложение Буксгевдена, поддержанное всеми, кроме меня)

образовать союз офицеров в Финляндии и... просить Юденича быть его председателем, что ли. По-моему, этот союз — мертворожденное собрание, и при настоящих условиях его не учредить. Говорят, Энкель²⁷ согласен... Посмотрим! Объем же в этой задаче большой, не потонула бы задача момента, формирование. Я бы спросил: кто будет командовать пулеметной командой? Такой-то! Ему и поручить формирование, предоставить ему выбор помощников и т.п. Мы же должны только всячески помогать.

Ох, устал я! И закуривают же меня!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 873. Оп. 15. Д. 197.

² Там же.

³ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 429. Л. 49—49 об.

⁴ Там же. Л. 60.

⁵ *Тимирев С.Н.* Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 64.

⁶ *Горн В.Л.* Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1923. С. 121.

⁷ **Коломейцов Николай Николаевич** (16 июля 1867 — 6 октября 1944 г.) — вице-адмирал в отставке (6 октября 1917 г.). Участник экспедиции Э. Толля, в Цусимском сражении спас вице-адмирала З.П. Рожественского и его штаб. Считался очень храбрым и решительным офицером, но в первые месяцы Первой мировой войны его действия в должности начальника бригады крейсеров Балтийского моря были осуждены командованием. Командующий Чудской военной флотилией (1915—1917). Сбит американским грузовиком в Париже.

⁸ **Вилькен Павел Викторович** (12 июля 1879 — 31 января 1939 г.) — капитан 1 ранга (30 июля 1916). Участник обороны Порт-Артура (1904), спасения жителей разрушенной землетрясением Мессины (1908), Первой мировой войны. В 1919 г. — ближайший помощник В.К. Пилкина. Умер в Хельсинки.

⁹ **Ламкерт Александр Оскарович** (31 мая 1889 — 9 октября 1966 г.) — лейтенант (6 апреля 1914). В годы Первой мировой служил на кораблях Минной дивизии Балтфлота. Умер в эмиграции в Стокгольме.

¹⁰ **Эссен Николай Оттович фон** (11 декабря 1860 — 7 мая 1915 г.) — адмирал (14 апреля 1913). Герой Русско-японской войны. Командующий Балтийским флотом (1908—1915). Внес неоценимый вклад в подготовку к боевым действиям.

¹¹ Женой Н.Н. Коломейцова с 12 июля 1909 г. являлась Нина Дмитриевна Рауш фон Траубенберг, ур. Набокова (14 октября 1860 г., С.-Петербург. — 28 сентября 1944 г., Париж), дочь министра юстиции, действительного тайного советника Д.Н. Набокова (1826—1904). В первом браке (1880—1909) она была за генерал-лейтенан-

том Е.А. Рауш фон Траубенбергом (1855—1923), командовавшим в 1894—1899 гг. л.-гв. Кирасирским ее императорского величества полком. Младшим братом Н.Д. Коломейцовой являлся известный конституционный демократ В.Д. Набоков (1869—1922), а племянником — известный писатель В.В. Набоков (1899—1977).

¹² **Дудоров Борис Петрович** (29 июля 1882 — 11 октября 1965 г.) — контр-адмирал (3 сентября 1917). Участник обороны Порт-Артура (1904) и Первой мировой войны. С 1 июня по 3 сентября 1917 г. — помощник морского министра. Умер в США.

¹³ **Стеценко Константин Васильевич** (21 мая 1862 — ?) — адмирал в отставке (15 июня 1917). Участник Русско-японской войны. Начальник Главного морского штаба (1914—1917). В 1918 г. сидел в тюрьме, затем работал в морском архиве.

¹⁴ **Дюшен Сергей Петрович** — генерал флота (1915). Начальник Главного управления кораблестроения и снабжений (с 1909), член, а с 1915 г. — председатель Главного военно-морского суда. В 1918 г. умер в тюрьме.

¹⁵ **Полушкин Александр Сергеевич** (18 ноября 1877 — 19 февраля 1963 г.) — контр-адмирал. С лета 1919 г. служил в войсках А.В. Колчака. Умер в Нью-Йорке.

¹⁶ **Горбатовский Владимир Николаевич** (26 мая 1851 — 30 июля 1924 г.) — генерал от инфантерии. Активный участник обороны Порт-Артура (1904), Первой мировой войны (командовал 13-й, затем 12, 6, 10-й армиями). Умер в Ревеле.

¹⁷ **Бунин Петр Николаевич** (29 июня 1886 — 13 сентября 1958 г.) — старший лейтенант (28 июля 1917). После «Ледового похода» бежал из Петрограда в Финляндию, отсюда в 1919 г. уехал во Владивосток. Жил и умер в Сербии.

¹⁸ **Кнопфер Морис Георгиевич** (11 сентября 1882 — 18 марта 1954 г.) — капитан 1 ранга (28 июля 1917). Участник Цусимского сражения, Первой мировой войны (сдался в плен на батарее Церель). Начальник морского управления Северного корпуса, затем Северо-Западной армии. Изобретатель. Жил и умер в Лондоне.

¹⁹ Речь идет об эскадренных миноносцах «Спартак» и «Автроил», захваченных кораблями британского флота 26—27 декабря 1918 г. во время проводившейся под руководством Ф.Ф. Раскольникова «разведки» Ревеля (Таллина). 2 января 1919 г. корабли были переданы флоту Эстонской Республики и начали комплектоваться личным составом из русских и эстонцев.

²⁰ **Лущков Александр Николаевич** (23 октября 1886 — 30 ноября 1954 г.) — капитан 2 ранга (28 июля 1917 г.). Опытный артиллерист, в 1917 — флагманский артиллерист бригады дредноутов. Немало служил в подчинении В.К. Пилкина, пользовался его особым доверием. В 1919 г. — флаг-офицер морского штаба Северо-Западной армии. В эмиграции занимался сельским хозяйством. Умер под Марселем.

²¹ **Вейгелин Георгий Евгеньевич** (8 февраля 1886 — ?) — старший лейте-

нант (6 декабря 1915 г.). Участник Первой мировой и Гражданской войн. В эстонском флоте командовал минным крейсером «Lennuk» (бывший эсминец «Автроил») (2 января — 17 июля 1919 г.). В Северо-Западной армии командовал батальоном, бронепоездом «Адмирал Эссен», ротой тяжелых танков. Жил в Эстонии, с 1939 г. — на территории Польши. В 1944 г. призван в ряды фольксштурма. Предположительно погиб в 1945 г.

²² **Бахирев Михаил Коронатович** (17 июля 1868 — 16 января 1920 г.) — вице-адмирал (6 декабря 1916 г.). Активный участник Русско-японской и Первой мировой войн. Командующий морскими силами Рижского залива в Моонзундском сражении. Арестован ВЧК за участие в подготовке восстания в Петрограде (17 ноября 1919 г.), расстрелян.

²³ **Вильсон Георгий Александрович** (16 февраля 1879 — 1 января 1970 г.) — капитан 1 ранга. Участник обороны Порт-Артура (1904), Первой мировой войны. Жил в эмиграции и умер в Хельсинки.

²⁴ **Леонтьев Владимир Константинович** (12 июля 1882 — 15 октября 1959 г.) — капитан 1 ранга. Участник обороны Порт-Артура (1904), Первой мировой войны. Опытный минный офицер, выпускник Николаевской морской академии. Получил отравление газом при пожаре в бомбовом погребе (1915), по выздоровлении был назначен в Ставку, однако в январе 1917 г. вернулся на флот. В 1918 г. находился в Финляндии, в марте 1919 г. уехал в Сибирь к А.В. Колчаку, у которого был помощником начальника морского штаба. В конце 1919 г. уехал в Японию, затем на Филиппины и далее в США. Умер в Калифорнии.

²⁵ **Крузенштерн Оттон Акселевич фон** (21 ноября 1880 — 9 октября 1935 г.) — генерал-майор (1919). Участник Первой мировой войны. С мая 1919 г. — начальник тыла Северного корпуса. С 31 августа 1919 — начальник канцелярии военного министра Северо-Западного правительства, вел переговоры в Варшаве о финансовой помощи белым. Жил в Эстонии, с 1930 г. — в Бразилии.

²⁶ **Бибиков Георгий Евгеньевич** (6 апреля 1881 — 27 сентября 1971 г.) — полковник л.-гв. Уланского полка. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С октября 1918 г. командовал конным партизанским отрядом, с декабря — заместитель командующего отдельным псковским добровольческим корпусом, с января 1919 г. — командир конного отряда, с мая — на тыловых должностях. В эмиграции жил в Германии, Франции, США.

²⁷ Вероятно, речь идет о **Карле Карловиче Энкеле**, министре иностранных дел Финляндии в 1918—1919 гг. и в 1944—1946 гг. Видную роль играл также его брат **Оскар Карлович Энкель** (1878—1960) — полковник русской и генерал-лейтенант финской армий, возглавлявший финский генеральный штаб в 1919—1924 гг.

Публикация А.Ю. ЕМЕЛИНА
(Санкт-Петербург)
(Окончание следует)

● ЗАБЫТОЕ ИМЯ ●

ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ М.С. ВОРОНЦОВ — ОДИН ИЗ «ЭНЕРГИЧНЕЙШИХ И КУЛЬТУРНЕЙШИХ АДМИНИСТРАТОРОВ»

ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ светлейший князь Михаил Семенович Воронцов родился 19* (30) мая 1782 года в семье видного дипломата екатерининской эпохи генерала от инфантерии графа Семена Романовича Воронцова (1744—1832) и получил блестящее европейское образование, так как детство и юность провел в Англии, где его отец был российским послом. Граф С.Р. Воронцов принадлежал в высшей дворянской элите, в которую входили около 500 генералов и 300—400 высших чиновников I—IV класса. Хотя каждый из этих «избранных судьбы» владел многими сотнями крепостных крестьян, ни один из них не стеснялся просить императрицу «пожаловать... еще крепостных душ». Екатерина II часто жаловала, но однажды заявила: «Уж столько пожаловано, что уж мало остается, что жаловать»¹.

В четырехлетнем возрасте по обычаям того времени Михаила Воронцова записали бомбардир-капралом в лейб-гвардии Преображенский полк, а в сентябре 1798 года он был пожалован в прапорщики и определен в камергеры Высочайшего Двора. Военную службу М.С. Воронцов начал в октябре 1801 года поручиком Преображенского полка. Вскоре он добровольцем отправился на театр военных действий и принял участие в Русско-персидской войне 1804—1813 гг. В 1805 году храбрый офицер возвратился в свой полк капитаном, удостоенным нескольких орденов, в том числе ордена Святого Георгия 4-й степени — самой почетной боевой офицерской награды того времени.

С 1805 по 1815 год Воронцов провел в непрерывных войнах, боях и походах, многократно проявляя высокие боевые качества: хладнокровие, мужество и отвагу. В боях на Кавказе он под огнем горцев вынес с поля боя раненого товарища — Котляревского. Воронцов с юных лет выше всего ставил честь и храбрость, среди своих подчиненных он всегда стремился поддерживать высокий воинский дух.

В войне с наполеоновской Францией (1805—1807) Воронцов участвовал в сражениях в Польше и Восточной Пруссии, за отвагу, проявленную в бою под Пултуском (декабрь 1806 г.) был произведен в полковники. В 1807 году он получил назначение командиром 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка. В 1809 году отбыл в Дунайскую армию, где командовал Нарвским мушкетерским полком. За проявленные при штурме турецкой крепости Базарджик (май 1810 г.) храбрость и воинское умение произведен в генерал-майоры; за

М.С. Воронцов

взятие Виддина (март 1811 г.) награжден орденом Святого Георгия 3-й степени. Во время Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. М.С. Воронцов руководил войсками при осаде и взятии крепости Варна, за что получил шпагу, усыпанную бриллиантами с надписью: «За взятие Варны»².

Отечественную войну 1812 года граф Воронцов встретил 30-летним генерал-майором, начальником сводно-гренадерской дивизии в составе 2-й Западной армии, которая отважно дралась под Дашковым и Смоленском. В Бородинском сражении его дивизия стойко удерживала Багратионовы флеши. В критический момент Воронцов неустранимо повел своих гренадер в контратаку и получил тяжелую рану мушкетной пулей в бедро. Его сумели вынести с поля боя, но большая часть его дивизии погибла: из 4000 осталось только 300 человек. Раненого генерала привезли в Москву как раз накануне ее сдачи Наполеону. Подъезжая к своему трехэтажному дому в Немецкой слободе, Воронцов увидел, что все имущество его семьи — картины, драгоценности, библиотека — уже подготовлено к вывозу, для чего стояли наготове 200 подвод. Граф распорядился оставить все неприятелю, а подводы отдать для эвакуации раненых из московских госпиталей в свое родовое имение — село Андреевское, что находилось в трех днях пути от Москвы. Так было спасено 50 офицеров и свыше 300 солдат. Кроме того, в графских конюшнях удалось разместить более 300 армейских лошадей³. Каждый солдат по выздоровлении получал от графа десять рублей (император Александр I пожаловал солдатам — участникам Бородинской битвы лишь по пять рублей). За боевые заслуги, проявленные Воронцовым на Бородинском поле, ему был пожалован алмазный знак ордена Святой Анны 1-й степени.

Оправившись от ранения, М.С. Воронцов приступил к командованию авангардом 3-й Западной армии, с февраля 1813 года он генерал-лейтенант. Воронцов участвовал в Заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. Его войска брали Познань, осаждали Кюстрин и Магдебург, участвовали в Лейпцигской «битве наро-

* По другим данным 18-го.

дов». В феврале 1814 года в сражении под Краоном возглавляемые Воронцовым части стойко выдержали натиск французской армии, руководимой самим Наполеоном, затем отличились при взятии Парижа.

По завершении Заграничных походов Воронцов в 1815—1818 гг. командовал во Франции российским оккупационным корпусом, в котором по его инициативе впервые в истории русской армии были отменены телесные наказания солдат. Надо отметить, что еще ранее, в 1814 году, Михаил Семенович составил и утвердил «Правила для обращения с нижними чинами» и «Наставление офицерам 12-й дивизии», в которых офицерам внушалось гуманное отношение к солдатам, резко осуждалась муштра и «фрунтовая акробатика», в то время упорно насаждавшаяся в российской армии. Для солдат были организованы школы по обучению грамоте. Физическое воздействие офицеров на солдат Воронцов считал «обычаем мерзким, подлым, противным законам Божеским и человеческим».

Позднее один из будущих декабристов — Д.И. Завалишин вспоминал: «В солдате признаны были достоинства и требования человека; обращение с ними начальников переменилось радикально, новые отношения начальников к нижним чинам — честность, справедливость, заботливость, гуманность, даже учтивость в отношении к ним — появились на практике и, сделавшись общими в корпусе Воронцова, остававшегося во Франции долгое время, достигли своего идеала в старом Семеновском полку»⁴. Чтобы полнее оценить гуманизм графа Воронцова, достаточно вспомнить, что в недалеком прошлом, при Павле I, были возобновлены порки унтер-офицеров из дворян. Так, за словесные пререкания с инспектировавшим полк А.А. Аракчеевым в 1797 году два офицера 7-го егерского полка литовской дивизии — капитан Эгрес и поручик Штакельберг — были приговорены к лишению чинов и дворянства и ссылке на каторжные работы в Нерчинск. Лишь в связи с последующей опалой Аракчеева этот суровый приговор отменили⁵. Что касается рядовых, то только в 1800 году 88 солдат были приговорены к смертной казни, замененной «наказанием кнутом и ссылкой в каторжную работу»⁶.

Генерал Воронцов приобрел в России устойчивую репутацию англомана и сторонника английской политической системы. При штабе его корпуса даже возникла легальная офицерская организация — «Русский клуб», устав которой по сути являлся миниатюрной копией конституционного государства английского типа.

Когда русский оккупационный корпус в конце 1818 года покидал пределы Франции, его командиру пришлось выделить из собственных средств полтора миллиона рублей ассигнациями для оплаты частных долгов подчиненных ему офицеров, наделанных ими за время службы в стране, где к их услугам всегда были красивые женщины, изысканные вина и «французской кухни лучший цвет, и Страсбурга пирог нетленный меж сыром лимбургским живым и ананасом золотым». Для выплаты этих долгов М.С. Воронцов продал имение Круглое в Могилевской губернии, унаследованное им от тетки — знаменитой княгини Екатерины Романовны Дашковой (1744—1810), первого президента Петербургской академии наук и художеств.

Накануне вывода русских войск из Франции состоялся высочайший смотр оккупационного корпуса императором Александром I, во время которого государь пожаловал его командиру орден Святого Владимира 1-й степени на ленте. Получить эту высокую награду в возрасте 36 лет до Воронцова никому не удавалось. В 1825 году Воронцов был произведен в генералы от инфантерии, а в 1826-м стал членом Государственного совета, почетным членом Петербургской академии наук. В 1834 году он был награжден алмазными знаками высшего в России ордена Святого Андрея Первозванного.

Воронцов, получивший европейское образование, не

мог не сознавать экономическую невыгодность крепостного права; в его многочисленных имениях крестьяне не ходили на барщину. Владея не одной тысячей крепостных, Воронцов был глубоко убежден в необходимости постепенного избавления их от рабства. Вместе с князьями А.С. Меншиковым и П.А. Вяземским, братьями А.И. и Н.И. Тургеневыми М.С. Воронцов обратился к императору Александру I с предложением об отмене крепостного права. Под напором высших сановников царь, сначала одобрявший эту идею, затем решительно от нее отказался, а ее сторонники попали в длительную опалу.

В мае 1823 года граф М.С. Воронцов стал генерал-губернатором Новороссии (Северного Причерноморья) и наместником Бессарабской области. На этом посту он проявил незаурядные административные способности: основал города Бердянск и Ейск, лично выбрав места для их заложения, развил пароходство по Черному и Азовскому морям, основал его на Каспийском море. По его инициативе и часто на его личные средства предпринимались изыскания месторождений каменного угля в крае, увенчавшиеся успехом. Одесса и вся Новороссия необычайно расцвели в годы правления М.С. Воронцова.

В эпоху Николая I граф являлся новороссийским и бессарабским генерал-губернатором, наместником на Кавказе и главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом. В августе 1845 года Николай I даровал наместнику Кавказа неограниченные полномочия и возвел его в княжеское достоинство, в 1852 году М.С. Воронцов получил титул светлейшего князя. Взойдя на престол, император Александр II в 1856 году пожаловал ему высший в империи воинский чин генерал-фельдмаршала.

Воронцов неизменно выделялся бескорыстием, честностью, энциклопедической образованностью и утонченной вежливостью. Он отличался изумительной работоспособностью и умением схватывать суть вещей, был высококомпетентным поклонником искусств и щедрым меценатом.

По воспоминаниям современников, в его поведении сказывалось английское воспитание. Сдержанный, он всегда держался гордо, холодно и властительно, как знатнейший британский лорд, в работе был неутомим и очень методичен, точно определенные часы работы, еды и отдыха никогда не изменялись. «Наружность Воронцова поражала своим истинно-барским изяществом. Высокий, сухой, замечательно благородные черты, словно отточенные резцом, взгляд необыкновенно спокойный, тонкие, длинные губы с вечно игривеею на них ласково-коварною улыбочкою. Чем ненавистнее был ему человек, тем обходился приветливее он с ним...»⁷.

Вместе с тем, будучи царедворцем и карьеристом, Воронцов умел ладить с высшими сферами, был ненасытно тщеславен, мстителен и злопамятен, противоречия не терпел, зато любил лесть. Еще недавно близкий к преддекабристским идеям, он быстро изменил свои взгляды. Так, например, узнав о восстании декабристов, М.С. Воронцов, слышавший до того убежденным либералом и англоманом, вдруг выразил надежду, «что это не кончится без виселицы и что государь...будет теперь и себя беречь, и мерзавцев наказывать»⁸. Стремясь к достижению цели, М.С. Воронцов не стеснялся в средствах. Эти его отрицательные качества сыграли определенную роль в отношениях графа с А.С. Пушкиным. М.С. Воронцов, выполняя просьбу друзей Александра Сергеевича, в июле 1823 года содействовал переводу опального поэта из Кишинева в Одессу и первоначально принял его очень ласково, ввел в круг своих приближенных, представил жене Елизавете Ксаверьевне, урожденной Браницкой — дочери богатеишего польского магната, великого коронного гетмана графа Ксаверия Петровича Браницкого и племянницы Г.А. Потемкина. Вскоре поэт стал членом кружка, группировавшегося

вокруг графини Е.К. Воронцовой. Однако через несколько месяцев отношения Пушкина с Воронцовым начали портиться. «Аристократическая гордость сливается у нас с авторским самолюбием», — писал Пушкин А. Бестужеву. Воронцов стал обращаться с поэтом как с обычным чиновником низкого ранга и настойчиво просить министра иностранных дел К.В. Нессельроде, по ведомству которого значился Пушкин, удалить поэта из вверенного ему края. Пушкин не остался в долгу и ответил на неприязнь губернатора огнем злых и далеко не во всем справедливых эпиграмм в его адрес. Как справедливо отмечал В.В. Вересаев, пушкинские эпиграммы «сильно изуродовали в глазах потомства подлинное лицо графа Воронцова. При всех выше отмеченных отталкивающих его свойствах он был одним из энергичнейших и культурнейших администраторов прошлого века»⁹.

Необъективное отношение к выдающемуся российскому полководцу особенно отчетливо проявилось в советский период нашей истории. Во всех трех изданиях Большой советской энциклопедии, например, почти ничего не говорится о его военных заслугах и организаторских талантах, зато подчеркиваются недостатки, часто мнимые. Так, в 1-м издании БСЭ М.С. Воронцов аттестуется «скупым и расчетливым хозяином». А этот «скупец» все свое жалованье в должности наместника Кавказа ежемесячно отдавал служителям канцелярии в добавление к их скромному заработку. Каждый из его многочисленных слуг имел в своем распоряжении отдельную комнату и к обеду получал бутылку виноградного вина. За столом у губернатора Новороссии ежедневно обедали от 100 до 200 подчиненных ему офицеров и чиновников. «Покоритель Кавказа» генерал А.П. Ермолов назвал М.С. Воронцова «милейшим другом и удивительнейшим из чиновников»¹⁰ и имел для этого все основания. Умер М.С. Воронцов 6(18) ноября 1856 года в любимой им Одессе, где и был похоронен.

После В.В. Вересаева новой попыткой дать справедливую оценку М.С. Воронцову как государственному деятелю и полководцу следует считать статью С. Экшгута в журнале «Родина», хотя и в ней есть проявления субъективизма¹¹. Надо надеяться, что только время — самый строгий и справедливый судья — полностью дорисует портрет храброго и гуманного военачальника, выдающегося государственного деятеля России XIX столетия, генерал-фельдмаршала, светлейшего князя Михаила Семеновича Воронцова. Имя его, несомненно, останется в российской истории навсегда.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архив князя Воронцова. М., 1890. Кн. XXVII. С. 25.
- ² Федорченко В. Императорский дом. Выдающиеся сановники: В 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 231—233.
- ³ Архив князя Воронцова. М., 1890. Кн. XXXVI. С. 8—10.
- ⁴ Завалишин Д.И. Записки декабриста. СПб., 1906. С. 109.
- ⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 8. Оп. 10/99. Л. 221.
- ⁶ РГВИА. Ф. 8. Оп. 9/98. Л. 157.
- ⁷ Вересаев В.В. Спутники Пушкина. М., 1993. Т. 1. С. 361.
- ⁸ Архив князя Воронцова. М., 1890. Кн. XXIII. С. 416.
- ⁹ Вересаев В.В. Указ. соч. С. 365.
- ¹⁰ Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. VII. С. 40—42.
- ¹¹ Экшгут С. Полу-герой... полу-подлец? // Родина. 1994. № 7. С. 41—45.

*Полковник медицинской службы А.А. БУДКО,
доктор медицинских наук, профессор;
полковник медицинской службы в отставке
Е.Ф. СЕЛИВАНОВ,
кандидат медицинских наук
(Санкт-Петербург)*

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ПАМЯТЬ О ГАНГУТЕ

ДВАДЦАТЬ один год Россия вела так называемую Великую Северную войну со Швецией за получение жизненно важного для нее выхода в Балтийское море и за возврат на морском побережье исконно русских земель, отторгнутых шведскими интервентами. Главную роль в разблокировке Финского залива должен был сыграть русский флот, превратившийся к 1714 году в серьезную боевую силу благодаря увеличивавшемуся размаху кораблестроительных работ. И вот 9 августа 1714 года авангард гребного флота под командованием Петра I, трижды у мыса Гангут атаковав шведов, после ожесточенного боя захватил в плен все неприятельские корабли. Петр I приравнял победу у Гангута к Полтавской битве.

Именно в честь этой памятной даты Российской государственной военной историко-культурной центр при Правительстве Российской Федерации, Министерство обороны РФ, правительство Москвы и объединенный совет ветеранов ВМФ провели в августе торжественное мероприятие, посвященное Дню воинской славы России.

Открыл и вел это мероприятие у монумента «300 лет Российскому флоту» ответственный секретарь коллегии Росвоенцентра капитан 1 ранга В.И. Лепский. Первое слово он предоставил исполняющему обязанности директора Росвоенцентра Н.В. Зеленину. Затем на торжестве морской победы выступили от Комитета общественных связей г. Москвы Н.Е. Какбуриев, представитель Главного штаба ВМФ России контр-адмирал В.В. Фетисов, председатель Центрального совета межрегиональной общественной организации ветеранов ВМФ РФ вице-адмирал запаса А.А. Побожий, председатель объединенного совета моряков Московского комитета ветеранов войны Т.С. Манаенков, курсант клуба моряков и речников имени Петра Великого Михаил Власов.

Торжественную литию морякам, погибшим 290 лет назад у мыса Гангут, отслужил настоятель храма Вознесения Господня за Серпуховскими воротами Константин Татаринцев.

К подножию монумента были установлены корзины с цветами, возложены венки и живые цветы.

Полковник в отставке В.М. ЧИКОВ

* * *

НЕДАВНО в Москву для экспонирования на открытой площадке Центрального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. из г. Арсеньева Приморского края после проведения реставрационных работ прибыл самолет-бомбардировщик периода Великой Отечественной войны Ил-4.

В военные годы на авиационных заводах было выпущено 5756 самолетов этого типа, которые находились в эксплуатации до 1947 года. До настоящего времени имелся только один экземпляр такого самолета — в музее авиации Северного флота, что в поселке Сафоново Мурманской области. Тактико-технические данные Ил-4: экипаж 3—4 человека, дальность полета — 4265 км, бомбовая нагрузка — 1 т. На высоте 6650 м самолет развивал скорость 404 км/час.

Для подготовки самолета к демонстрации в экспозиции вооружения, военной техники и инженерных сооружений музея был выполнен комплекс работ: наращивание узлов и агрегатов, оборудование кабин и огневых точек, остекление кабин, центровка и юстировка самолета, покраска и нанесение номеров, технических надписей, опознавательных знаков, установка ограждения.

ЧТО СТАЛО С ПОДВОДНОЙ ЛОДКОЙ «ЯГУАР»?

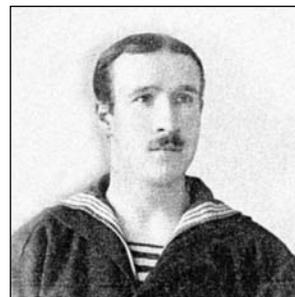
С БОЛЬШИМ интересом читаю статьи «Военно-исторического журнала» под рубрикой «Фамильный архив». В нашей семье сохранились материалы об отце, служившем в годы Первой мировой и Гражданской войн на подводной лодке «Ягуар».

Отец — Кузнецов Филипп Яковлевич — родился в 1893 году. В 1915 году его призвали на Балтийский флот. Служил он на подводной лодке «Ягуар» в качестве минного машиниста. В аттестате, выданном ему в марте 1918 года, сказано, что «за все время плавания его на вышеуказанной лодке относился к своим обязанностям с полным старанием, показал полное знание своего дела... Человек безукоризненной честности». Аттестат подписан командиром лодки лейтенантом Крагельским и комиссаром.

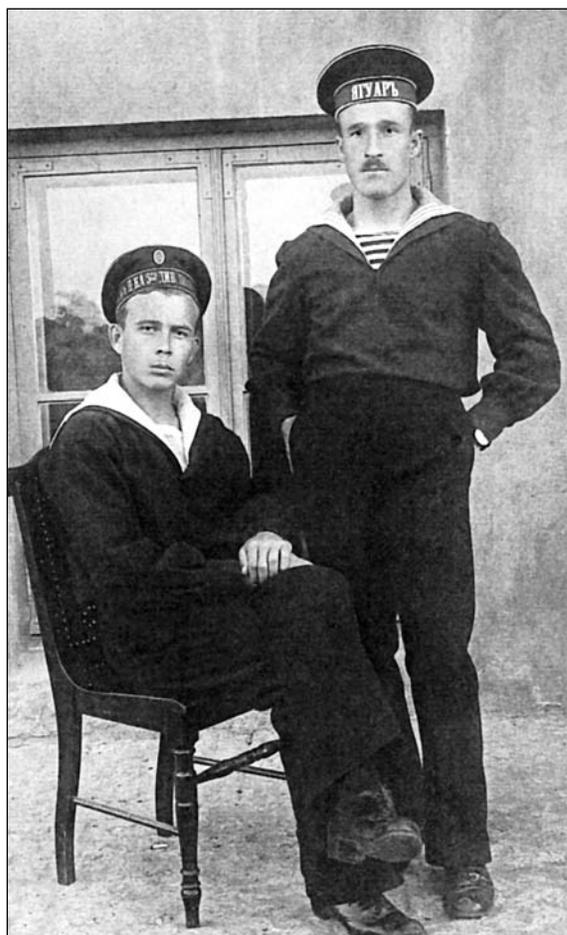
В 1917 году подводная лодка «Ягуар» базировалась в Кронштадте. Отец вместе с другими матросами участвовал в революционном движении, посещал демонстрации и митинги.

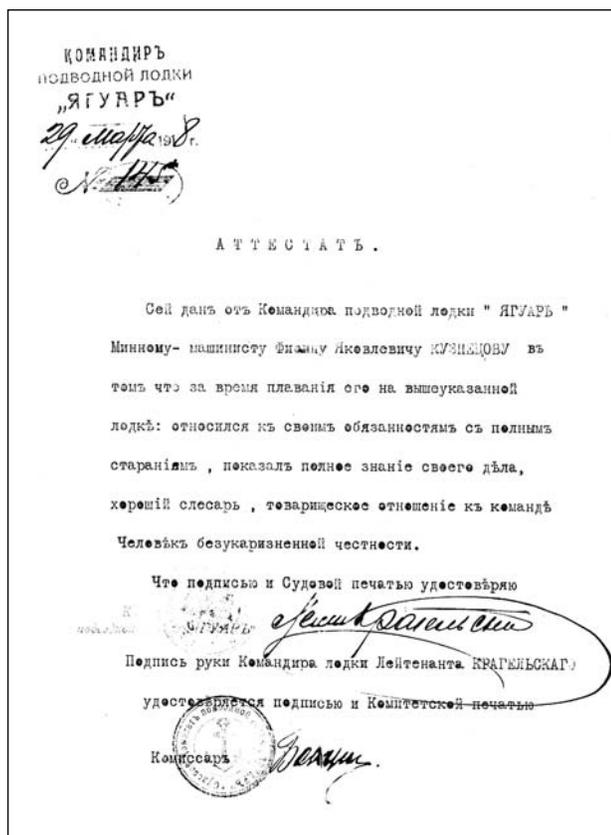
Ф.Я. Кузнецов
1915 г.

Ф.Я. Кузнецов
1916 г.

Ф.Я. Кузнецов (справа)
1917 г.

Аттестат, выданный Кузнецову в 1918 году. Подписан командиром подводной лодки «Ягуар» лейтенантом Крагельским (подпись скреплена царской гербовой печатью лодки) и комиссаром лодки (печать судового комитета) 1915 г.

Уволившись с флота в 1922 году, Филипп Яковлевич работал на предприятии «Мострамвайстрой». За свой труд он был награжден грамотами, выданными этой организацией в 1932 году и председателем Мосгорсвета в 1943-м.

С возрастом меняются ценности, взгляды, по-другому оцениваются события. И мне захотелось больше узнать про подводную лодку «Ягуар». Интересно, что с ней произошло после революции, где она базировалась во время советской власти и как закончила свое существование? Но, куда я ни обращался, ничего про подводную лодку «Ягуар» не обнаружил.

Я очень надеюсь, что найдется какая-нибудь информация, которая поможет узнать о судьбе этой лодки и ликвидировать еще одно белое пятно в истории Российского флота.

Е.Ф. КУЗНЕЦОВ
(Москва)

● ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ ●

Матросы подплава на манифестации 1917 г.

Грамоты, которыми был награжден Ф.Я. Кузнецов в 1932 и 1943 гг.

Моряки с подводной лодки «Ягуар». Ф.Я. Кузнецов — справа 1917 г.

ОТ РЕДАКЦИИ. Подводная лодка «Ягуар» (типа «Барс») заложена в июле 1914 года на заводе «Ноблеснер» в Ревеле, спущена в ноябре 1916 года, вступила в строй в октябре 1917 года. С декабря 1922 года лодка называлась «Краснофлотец» (борт. № 8), с сентября 1934 г. — «Б-4», с мая 1949 года — «ПЗС-4». В боевых действиях во время Первой мировой войны участия не принимала. Участвовала в «Ледовом походе» кораблей Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт (апрель 1918 г.). В 1919 году принимала участие в боевых действиях против английского флота в Балтийском море. Капитальный ремонт лодки производился в 1921—1923 гг. В августе 1930 года лодка с визитом посетила Копенгаген. В 1936 году выведена из боевого состава флота и переоборудована в плавучую зарядную станцию (ПЗС). С октября 1956 года исключена из списков ВМФ и передана для разборки на металл.

«МЫ ВСЕ ЧУВСТВОВАЛИ В ВАС НЕ ТОЛЬКО УМЕЛОГО НАЧАЛЬНИКА, НО И ОПЫТНОГО УЧИТЕЛЯ...»

С.А. Пугачев

СЕМЕН Андреевич Пугачев родился 26 февраля 1889 года в Рязани, в семье дворянина, преподавателя 2-й мужской гимназии Андрея Гавриловича Пугачева. Его мать не перенесла родов, и все заботы о сыне легли на плечи отца и его сестры.

В доме Пугачевых была хорошая библиотека, и мальчик рано пристрастился к чтению. Любимые книги — произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя — обычно читались вслух, обсуждались всеми членами семьи. Все это способствовало формированию в детях свободолюбивых взглядов, критического отношения к окружающей действительности.

В 1898 году Семен Пугачев поступил в гимназию, где преподавал его отец. Среди однокашников он выделялся начитанностью, прекрасной памятью. Учился с большим интересом, отлично успевая по всем предметам. Особенно увлекали его история, героика жизни русского народа, что и определило дальнейший жизненный путь будущего командарма.

Окончив в 1906 году гимназию с золотой медалью, юноша поступил в Московское Алексеевское военное училище. Спустя два года молодой офицер был направлен для прохождения службы в 219-й резервный пехотный полк, расквартированный в городе Моршанске Тамбовской губернии.

В 1911 году Семен Андреевич стал слушателем Академии Генерального штаба, которую окончил в 1914 году, накануне Первой мировой войны. В действующие войска (северный участок фронта, 6-й Сибирский стрелковый корпус) он попал в сентябре этого же года. Служил в штабах дивизий, корпуса, был начальником оперативного отделения штаба Северного фронта. Награжден орденами Святого Станислава 3-й и Святой Анны 2-й степени.

Будучи широко образованным, демократически настроенным человеком, Пугачев хорошо знал о революционных веяниях, проникших в армейскую

среду, был близок к солдатам. Поэтому-то его, волевого и справедливого командира, в 1917 году солдаты избрали в Пскове в Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, и он с честью оправдал оказанное ему доверие. Вскоре после опубликования Советским правительством Декрета об организации Рабоче-крестьянской Красной армии С.А. Пугачев добровольно вступил в ее ряды.

Военно-теоретические знания, большой фронтовой опыт и незаурядные организаторские способности выдвинули Семена Андреевича в число лучших красноармейских военачальников. Он становится начальником отдела формирования, возглавляет оперативное управление, а затем и оперативный отдел Уральского военного округа. В январе 1919 года С.А. Пугачев назначается начальником окружного штаба.

В апреле, когда колчаковские войска перешли в наступление по всей линии Восточного фронта, пытаясь прорваться к центральному губерниям Советской России, Семен Андреевич Пугачев подал рапорт с просьбой направить его непосредственно в район боевых действий. Его просьба была удовлетворена. По прибытии на фронт он обеспечивал связь окружного Уральского комиссариата с Реввоенсоветом Восточного фронта.

В мае РВС направляет Пугачева на штабную работу во 2-ю армию Восточного фронта. В этот период под его руководством разрабатываются планы боевых операций по разгрому колчаковцев на Север-

С.А. Пугачев — выпускник гимназии 1906 г.

С.А. Пугачев — юнкер 1908 г.

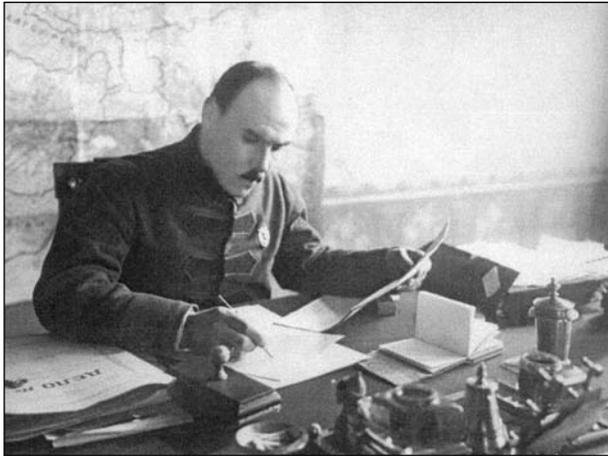
С.А. Пугачев 1910 г.

С.А. Пугачев 1915 г.

● ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ ●

С.А. Пугачев — командующий фронтом
1923 г.

С.А. Пугачев — командующий армией в Закавказье

С.А. Пугачев — заместитель начальника штаба РККА
1926 г.

еще являлся одновременно и помощником наркомвоенмора Закавказской Республики.

В июле 1923 года Семен Андреевич получил назначение на должность командующего войсками Туркестанского фронта. При прощании с ним ему был вручен памятный адрес, где были такие примечательные строки: «Мы все чувствовали в Вас не только умелого

С.А. Пугачев

начальника, но и опытного учителя...». В приказе же по Отдельной Кавказской армии отмечалось: «Трудящиеся закавказских республик в лице своих лучших представителей, вошедших в ряды национальных дивизий Закавказья, знают помощника народного комиссара по военным и морским делам ЗСФСР по его работе над созданием на одной из окраин Советской Федерации военной мощи и братской семьи национальных войск единой Красной Армии. Редкое трудолюбие, опыт, знания, настойчивая воля, выдержка, внимание к нуждам войсковых частей и отдельных армейских работников, простота товарищеских отношений создали глубокое уважение и любовь к Семену Андреевичу Пугачеву».

Командовать войсками в Туркестане в условиях борьбы с басмачами было далеко не просто. Однако Семен Андреевич с честью справился с возложенными на него задачами, усмиряя басмачей, руководя боевой подготовкой дивизий, укрепляя моральный дух национальных частей, входящих в состав его объединения.

В 1924 году по ходатайству РВС Кавказской Краснознаменной армии С.А. Пугачев был назначен ее командующим. Однако вскоре и эту должность ему пришлось оставить.

Новый нарком и председатель Реввоенсовета Республики М.В. Фрунзе, хорошо осведомленный о способностях С.А. Пугачева, пригласил его в центральный аппарат на должность заместителя начальника Штаба РККА. При этом он учел еще и рекомендацию М.Н. Тухачевского. С.А. Пугачеву предоставлялось право докладывать обо всем важном непосредственно наркому и заместителю наркома И.С. Уншлихту. Это было вызвано тем, что возглавлявший этот важный военный орган С.С. Каменев, одновременно являясь главным инспектором РККА, вынужден был тратить много времени на инспектирование войск. Естественно, что Пугачеву приходилось почти самостоятельно руководить Штабом РККА, держа его официального начальника в курсе основных

ном Урале, которые были успешно осуществлены в ходе освобождения Перми и Кунгура, основного горно-заводского района и центра Северного Урала — Екатеринбурга.

В штабе армии С.А. Пугачев стал, как говорится, правой рукой командования. Он часто и всегда очень тактично проявлял инициативу, предлагая решения. Наиболее ответственные оперативные директивы и приказы он писал обычно бисерным, но четким почерком, всегда сразу набело, не упуская при этом мелочей. Документ выходил качественным, не требовал перепечатки на машинке, проверки, а это экономило время, что в боевых условиях было очень важно.

В августе 1919 года С.А. Пугачев руководит оперативным отделом штаба особой группы Южного фронта, а затем (после реорганизации) штаба Юго-Восточного фронта, в феврале 1920-го — Кавказского фронта. За умелую разработку ряда оперативных планов и энергичную деятельность по ведению штабной работы удостоивается ордена Красного Знамени.

Возглавляя позже штаб Отдельной Кавказской армии, С.А. Пугачев немало сделал для укрепления боевого потенциала и успешных действий объединения в сложных условиях Гражданской войны. А ведь он

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ
И ИНФОРМАЦИЯ

мероприятий и советуясь с ним по важнейшим вопросам. Надо иметь в виду, что в то время происходила реорганизация армии, вызванная набиравшей силу военной реформой. Михаил Васильевич Фрунзе видел в Семене Андреевиче Пугачеве, полностью разделявшем его взгляды на строительство армии, одного из самых ревностных и энергичных своих помощников.

Когда на пост начальника Штаба Красной армии вступил Тухачевский, он тоже не захотел расставаться с Пугачевым. Тому по-прежнему был разрешен непосредственный доклад наркому и заместителю наркома по всем срочным вопросам, поскольку его новый непосредственный начальник не сомневался, что таким путем будут устранены задержки в работе.

С.А. Пугачев, будучи военным консультантом и представителем РККА, в 1927 и 1928 гг. входил в состав делегации СССР, возглавлявшейся М.М. Литвиновым, на Женевских конференциях по сокращению вооружений.

В период работы в Штабе РККА Семеном Андреевичем было написано и издано много военно-теоретических трудов, в том числе «Мобилизация промышленности», «Танки в современной войне», «Основы подготовки страны к обороне» и ряд других. За умелое руководство войсками на фронтах Гражданской войны и в годы послевоенного строительства Вооруженных сил С.А. Пугачев был награжден орденом Красного Знамени РСФСР, орденами Бухарской и Хорезмской республик и именными золотыми часами.

В 1934 году Серго Орджоникидзе и С.М. Киров дали С.А. Пугачеву рекомендации, и он был принят в партию непосредственно Центральным Комитетом ВКП(б) без кандидатского стажа.

В мае 1928 года, после двухлетнего пребывания во главе Штаба РККА, М.Н. Тухачевский был переведен на должность командующего войсками Ленинградского военного округа. Пугачева сначала перевели в распоряжение наркома, а затем он уехал в Харьков, где получил должность помощника командующего войсками и начальника штаба Украинского военного округа. Из Харькова в 1931 году был переведен в Среднюю Азию, а в 1932-м возглавил Военно-транспортную академию РККА в Ленинграде.

С.А. Пугачев вложил много сил и энергии в подготовку высококвалифицированных военных специалистов, которые ценили в нем обширные военные знания, образцовую штабную культуру, методическое мастерство, редкое трудолюбие, простоту в обращении с людьми.

В октябре 1938 года в расцвете творческих сил Семен Андреевич Пугачев стал жертвой необоснованных репрессий. По воспоминаниям лиц, отбывавших с ним заключение и ныне реабилитированных, он своим тактом, выдержкой и прямотой заслужил уважение товарищей по несчастью. 16 марта 1943 года Семен Андреевича не стало. Он так и не был освобожден.

*Лейтенант А.С. ПУГАЧЕВ,
правнук командарма 1 ранга
С.А. Пугачева
(Москва)*

В ВЫСТАВОЧНОМ зале федеральных архивов прошла историко-документальная выставка «Последняя война Российской Империи» (к 90-летию начала Первой мировой войны). Ее организатор — Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Автор идеи директор РГВИА И.О. Гаркуша; ответственный составитель — Т.Ю. Бурмистрова; составители: В.И. Егоров, В.П. Пономарев, А.В. Травникова, И.В. Ульянова, С.А. Харитонов (РГВИА), А.А. Литвин — Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ); фотосъемка — В.В. Замжицкий; дизайн-студия «RENEW». Выставка организована при поддержке Фонда содействия кадетским корпусам имени Алексея Йордана. Информационная поддержка — сайт «Архивы России», «Военно-исторический журнал».

1 августа 2004 года исполнилось 90 лет со дня начала Первой мировой войны 1914—1918 гг. Эта война стала поворотным пунктом в истории всего мира, завершив собою целую историческую эпоху, привела к крушению Российской, Германской, Османской империй, Австро-Венгерской монархии. На карте мира появились новые государства: Польша, Чехословакия, Югославия и др. Война отличалась невиданным прежде размахом, носила тотальный характер, привела к огромным человеческим жертвам и разрушениям. В ходе ее появились ранее не существовавшие виды вооружений и рода войск.

Организаторы выставки стремились воссоздать историю Первой мировой войны, осветить политические, военные, дипломатические, экономические, социальные аспекты этого глобального международного конфликта, показать жизнь и судьбу человека на войне, воздать дань уважения русским офицерам и солдатам, честно исполнившим свой долг перед Родиной. Впервые историко-документальная выставка, посвященная этой теме, проводилась в столь значительном масштабе. Основу экспозиции составляют уникальные документы РГВИА. Среди них приказы, рапорты, донесения и доклады русских военачальников о наиболее выдающихся боевых операциях русских войск, описания подвигов, послужные списки, воспоминания и дневники участников войны (А.А. Брусилова, В.А. Сухомлинова, А.А. Поливанова, А.Н. Куропаткина), письма, плакаты. Ряд экспонатов рассказывает об организации армии и тыла, снабжении армии, помощи раненым и положении военнопленных, союзниках и противниках России, событиях 1917 года, деятельности по сбору документов Первой мировой войны.

Экспозицию дополнили материалы Государственного исторического музея: награды, предметы униформы, образцы вооружения периода этой войны, художественные изображения ее участников. В их числе принадлежавший А.А. Брусилову генеральский мундир Офицерской кавалерийской школы, скульптурные изображения русского верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и французского главнокомандующего генерала Жоффра, портреты генералов М.В. Алексеева и Н.Н. Юденича, винтовки Мосина и Арисака, пулемет Гочкиса.

КАДЕТСКИЕ ГОДЫ

Воспоминания В.М. Догадина

В предыдущих выпусках «Молодежного военно-исторического журнала» мы начали публикацию воспоминаний В.М. Догадина о его жизни и учебе в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе. Внимание читателей предлагается их продолжение, где рассказывается об учебе автора в средних классах этого учебного заведения.

В средних классах корпуса

В ЧЕТВЕРТОМ и пятом классах, входивших в состав второй роты, у нас воспитателем был подполковник П.И. Лавров, выделявшийся исключительной методичностью и педантизмом и за это не любимый кадетами. Он нередко упрекал их за нарушение порядка и дисциплины, а раз, выведенный из равновесия их предосудительными действиями, он выкрикнул: «Это африканские страсти! Жеребьячи наклонности!». Бывали случаи, когда он целый час, отведенный для занятия строем, посвящал подобному осмотру состояния не только нашего обмундирования, но и ногтей ног, поучая, что пехотинцу очень нужны исправные ноги.

Хочу описать подробнее, как производился этот методический осмотр.

Сначала Лавров медленным шагом проходил вдоль фронта выстроенного в две шеренги строя кадет, пытливым взглядом определяя чистоту и блеск пуговиц и сапог. Затем подавал команду «Кругом!» и приказывал показать правый каблук. Убедившись в достаточной чистоте правых задников, приказывал показать левый каблук и вновь проходил по шеренгам. Далее таким же образом осматривались наши руки с целью определения чистоты и состояния ногтей. Потом шли команды «Направо!» и «Поднять левую руку!», после которой он, идя вдоль фронта, заглядывал в подмышки, чтобы выяснить, нет ли там прорех. Так же осматривались и правые подмышки.

Затем нам приказывал снять пояс и расстегнуться, чтобы показать, что все пуговицы на брюках находятся налицо. И это не все: по команде мы направлялись в свой класс, здесь снимали сапоги и по очереди показывали воспитателю свои ногти на ногах.

Надо сказать, что ни один из воспитателей, кроме Лаврова, не доходил до таких подробных осмотров, и хотя они казались нам странными и обременительными, однако нельзя отрицать в них несомненной пользы на всю жизнь для воспитуемых, так как приучали их постоянно содержать себя в порядке. С этой же целью он понуждал нас почаще заглядывать в зеркала, расположенные повсюду в наших помещениях, чтобы своевременно обнаруживать недостатки в своем внешнем виде. Петр Иванович вел особую тетрадь, в которую записывал характеристики кадет. Однажды он эту тетрадь забыл у нас в классе на столе. Мы, конечно, сейчас же воспользовались его оплошностью и поспешили

прочитать, что он записал о каждом из нас. Под моей фамилией стояла только одна короткая фраза, из которой мне запомнилось одно слово: мягкосердечен.

Петр Иванович довольно быстро спохватился и с непривычным для нас видом смущения вернулся в класс за тетрадью. «Вы, наверное, уже прочитали, что здесь написано». Мы его стали уверять, что и не заглядывали в тетрадь. Тогда он сам предложил прочитать желающим, что он о них записал в их характеристиках.

В шестом классе, входившем в состав первой роты, у нас воспитателями были сначала подполковник Бородин, переведенный вскоре в Нижегородский Аракчевский кадетский корпус, а после него — капитан Б.Б. Михайлов. Это был очень спокойный, молчаливый и деликатный человек. У нас сохранились о нем самые добрые воспоминания. Мы были уже достаточно взрослыми и сознательными юношами, и нам нужен был не воспитатель, а как бы старший товарищ. Я не помню, чтобы у кого-нибудь из кадет были с ним какие-либо неприятности...

В течение всего дня постоянно находясь на глазах либо преподавателей — на уроках, либо воспитателей — во время подготовки заданного, кадеты не могли либо отвлекаться от своих занятий и поневоле должны были сидеть над книгой, а не шалить. Для того, чтобы они старались хорошо учиться и вести себя, применялись побудительные меры воздействия, причем абсолютно никаких мер поощрений в виде наград, похвальных грамот и прочего не существовало. Единственной наградой, выдававшейся окончившему корпус первым учеником, были три огромных и роскошно изданных тома «Путешествия Наследника Цесаревича (Николая I) по Африке, Индии и Японии».

Поэтому учиться отлично заставляли лишь чувство самолюбия, стремление в порядке соревнования занять по учению место выше своих товарищей. А каждый хорошо знал свое место по учению, так как в классе всегда висел список кадет в порядке их успеваемости по учению и с указанием баллов за четверть. Что касается принудительных мер воздействия на нерадивых кадет, то тут существовала целая система различного вида наказаний. Самое легкое наказание — это стоять за партой или у стены в классе. Затем шла высылка из класса. Так наказывали преподаватели.

Наказания во внеклассное время были более многочисленными. Обычное — стойка на один или два часа перед комнатой дежурного воспитателя. За неудовлетворительный балл «пять» кадет не получал сладкого блюда за обедом. За «четыре» и ниже, а также за различные проступки его оставляли только на супе (без второго и третьего блюда).

Самым строгим наказанием было заключение в карцер, нахождение в котором не освобождало от присутствия на классных занятиях. Наконец, в виде исключения, допускалось применение розог, но только по постановлению педагогического комитета и при непременном согласии родителей.

Впрочем, этот вид наказания применялся настолько редко, что во все семь лет моего пребывания в корпусе розгами никто не был наказан.

Кадеты, показавшие полную неспособность к занятиям и к дисциплине, переводились в специальную

школу в Вольске, в которой было всего 4 класса, и окончившие ее направлялись в юнкерские училища. В этой школе существовал особо строгий режим.

Однообразно и монотонно проходили дни нашей учебной жизни... День за днем шло время в ожидании отдыха по воскресеньям. Накануне их наши товарищи, имевшие в городе родителей, расходились по домам, а нас вечером водили в церковь, где мы более часа стояли за всенощной, с самого ее начала до конца. Затем, сидя в классе, мы наблюдали, как служители-солдаты швабрами мыли деревянный крашенный пол в классе, осушая затем его опилками, которые так приятно пахли хвойной древесной. После вечернего чая с ситным хлебом ложились спать, а утром имели право спать на один час дольше, чем в будни, то есть до 7 часов.

Утром снова ходили в церковь, а после завтрака три часа могли играть на воздухе, зимой кататься на коньках или салазках или читать книжки.

Кроме воскресных дней было не менее 50 церковных праздников и царских дней, так что в среднем приходилось по одному празднику на каждую неделю.

Особенно ожидали, отсчитывая дни, рождественские каникулы, длившиеся две недели — с 24 декабря по 6 января, когда некоторые кадеты, имевшие родителей недалеко от Оренбурга, имели возможность поехать домой. Я не мог ездить в свою семью ни на Рождество, ни на Пасху, так как в те времена ближайшей станцией от Астрахани был Царицын (Сталинград), находившийся на расстоянии 500 километров, поэтому и эти праздники проводил в корпусе.

На рождественские и пасхальные каникулы нам разрешалось нарушать обычный порядок расположения классных парт, и мы их расставляли по стенам класса, оставляя середину его свободной. Этого момента мы всегда ждали с большим нетерпением, и едва успевал преподаватель выйти с последнего перед праздником урока, как все бросались расставлять парты под стены. Нам казалось, что так получается уютнее, а главное, нам этим хотелось изменить надоевший казенный порядок в классе и отметить праздничное состояние.

На освобожденном пространстве в середине класса на Пасхальную неделю мы катали крашенные яйца с горком по насланным одеялам, которые для этой цели нам специально выдавались. При этом некоторым счастливым игрокам удавалось свои парты наполнять яйцами до самого верха.

Надо сказать, что праздники являлись для нас не только отдыхом от учебы и занятий, но и одновременно приносили развлечения в нашу однообразную обстановку интерната. В праздничные дни мы хоть могли увидеть существа, отличные от тех людей, которые нас постоянно окружали, — кадеты, учителя, воспитатели. Так, например, в праздники мы могли увидеть в нашей домоводной церкви приходивших в нее членов семей служивших в корпусе, среди которых было несколько барышень, особенно привлекавших наше внимание, а именно: дочерей воспитателей Валю Вдовкину, Наташу Бородину, Веру и Таню Трофимовых. По свойственной в нашем возрасте пренебрежительности к женскому полу мы между собой называли их унижительными именами: «Наташка» и «Валька»*. Мы могли их видеть только на миг после окончания службы, когда они проходили мимо нас к кресту, так как во время службы все посторонние стояли сзади за балюстрадой, а мы — впереди, причем находясь под надзором дежурных воспитателей, не имели права оглядываться назад. Некоторые из нас, одолеваемые любовью, доходили до того, что

опускались на колени, наклонялись лбом до пола, якобы в усердной молитве, и, раздвинув ноги, наблюдали через образовавшееся отверстие за теми, кто стоял позади.

На рождественские каникулы «существа из другого мира» оказывались от нас на более близком расстоянии, так как в эти дни устраивались елка для кадет младшей роты и по одному балу для других двух рот, на которых присутствовали все наличные кадеты и приглашенные члены их семейств и служащих. С ними кадеты знакомились и пробовали применять на практике свое умение, полученное на уроках танцев.

В связи с существовавшим порядком, находясь уже в третьем классе, я присутствовал на елке в своей роте, и среди выставленных для обозрения подарков присмотрел один, который особенно меня заинтересовал. Однако когда нам стали раздавать подарки по жребию, то, к моему крайнему огорчению, мне достался игрушечный поезд из маленьких вагончиков, который надо возить за веревочку. Ну на что он был мне — юноше в возрасте 15 лет?! Я был ужасно удручен. И вот на другой день после обеда пришел к нашей выстроеной роте директор корпуса и после поздравления с праздником спросил: «Все ли получили подарки на елке?». «Все!» — ответили кадеты дружно. «Все ли довольны своими подарками?» «Все», — снова был громкий ответ. «А кто недоволен подарком, пусть выступит вперед». И перед строем выступило всего нас двое. Директор подошел ко мне, взял за плечо и сказал: «Даренному коню в зубы не смотрят!». Мне и теперь стыдно, когда я вспоминаю этот свой позор.

Вагончики я тотчас же сменял на коробку с почтовым набором.

На Масленицу у нас каждый год устраивалось традиционное музыкально-вокальное утро, и в первое же из них я декламировал то произведение Некрасова, начинающееся словами: «Однажды в студеную зимнюю пору», с которым я выступал на вечере, когда еще готовился в гимназию. Из всех участвовавших в этом утрене я был самым маленьким и потому произвел на зрителей большое впечатление. Мне очень много хлопали, даже напечатали обо мне в оренбургской газете, а взрослая дочь ротного командира сказала, что она готова была меня расцеловать.

Очень большое впечатление производило на нас празднование Пасхи, перед которой в течение семи недель длился Великий пост. Во время поста мы три недели питались постной пищей, а на остальных четырех неделях постились каждую среду и пятницу. Затем одну неделю говели, посещая утром и вечером церковные службы, продолжавшиеся по полтора—два часа. Наконец, в Пасхальную ночь мы присутствовали с 12 часов на торжественном богослужении, после которого ночью разговлялись вкусными кушаньями, состоявшими из кулича, пасхи, яиц, ветчины, масла и шоколада, которые подавались в таком количестве, что мы не могли их сразу съесть, и нам разрешалось их выносить с собой из столовой и съедать позднее, хотя бы и ночью в перерывах сна. В этом тоже была своя прелесть.

1 мая каждый год устраивалась «маевка», когда весь корпус в полном составе выходил походом с музыкой в лагерь, расположенный в местности под названием «Маяк». Там устраивались игры, гимнастические состязания и предлагалось угощение с включением большого количества апельсинов.

Весной, в апреле—мае, были проведены экзаменационные испытания по пройденному курсу, в результате которых определилось мое первое место по учению в классе.

Наконец, наступил момент отъезда домой на каникулы. За нами, тремя товарищами-астраханцами, приехала мать Самсонова.

Не могу описать радостное волнение, с которым мы отправлялись в родной город, в свою семью после

* Это презрение к женщине являлось причиной того, что самым большим оскорблением у нас считалось назвать товарища женским именем, поэтому почти каждый кадет имел какую-либо женскую кличку. Меня, например, почему-то прозвали «Нинкой», которую, правда, применяли редко, да и то в младшем классе.

восьми месяцев нахождения в казенной обстановке. Сначала мы погрузились в вагон, специально отведенный для кадет, в котором в течение ночи доехали до Самары, чтобы пересестись на волжский пароход.

Если во время первой поездки по железной дороге в Оренбург я боялся крушения, то, направляясь в обратный путь, очень хотел, чтобы поезд летел все быстрее и быстрее. Я стоял у открытого окна, мимо пронеслись живые картины весенней природы, сердце сладостно сжималось, а в стук колес я слышал мелодию любимого вальса «Весенние мечты». По приезде на пристань я с наслаждением вдыхал запах родной волжской реки, смоленого каната и рыбы. Через четверо суток мы прибыли на пароходе в Астрахань, и я, не смотря на раннее утро, поспешил на извозчике домой.

Въехав на свою уличку, я заметил, что она очень невзрачна, а дома ужасно маленькие, как будто они жались за время моего отсутствия.

Войдя в дом, я обнаружил, что все комнаты стали настолько тесными, что в них трудно было повернуться. А ведь когда-то я мог свободно бегать по ним. Окна были закрыты, я ходил из комнаты в комнату, никого не встречая. Только где-то за перегородкой услышал голос сестры Кати: «Кто-то приехал». Я приехал без предупреждения, и меня не ждали. «Это я — Воля», — откликнулся я; и наконец сбежалась вся семья, кроме матери, которая была на базаре. Стали осматривать друг друга и взаимно выявлять перемены во внешности. И вдруг я спохватился: при мне не было моей шинели, которую мне так нравилось носить внакидку. Ясно, что я ее забыл на пароходе, и можно было надеяться, что ее взяли с собой Самсоновы, которые уехали с парохода после меня. Сильно взволнованный, я тотчас же отправился в станицу Казийский бугор, отстоявшую от Астрахани в шести километрах, где тогда проживали Самсоновы. Действительно, моя шинель оказалась у них, и, подтрунивая над моей рассеянностью, вызванной радостью возвращения домой, они вручили ее мне. Затем быстро разнеслась весть: Воля приехал, и начали друг за другом приходить соседи, которые с веселыми возгласами стали меня рассматривать, а потом подвели к косяку двери, где был отмечен зарубкой мой рост в прошлом году, и определили, насколько я вырос за год.

По случаю моего приезда моя мать приготовила к обеду мои любимые кушанья, и в том числе на закуску астраханскую зернистую икру, которая стоила на базаре 80 копеек за фунт. Так началось мое радостное беззаботное пребывание в кругу своей семьи, в родном городе, в привычных условиях астраханского климата.

...В августе погода стала ухудшаться, начали выпадать дожди, по вечерам темнело раньше, и было настолько прохладно, что приходилось надевать пальто. Чувствовалось приближение осени, а с нею и возврат в корпус на учение.

Я с тоской ждал этого момента, и в день отъезда уже, конечно, не мог ничего есть из-за полной потери аппетита. Учение в тот год начиналось 16 августа**, а в дальнейшем начало учения было перенесено на 1 сентября.

В пути в последний раз нас провожала мать одного из моих товарищей, а в следующие годы мы ездили в Оренбург и обратно уже самостоятельно.

В дорогу мама меня снабдила всякой снедью, в том числе обязательно баночкой зернистой икры и огромной корзиной винограда. На мои протесты против такого обилия съестного, которого я не мог никак использовать за весь свой длинный путь, мама мне говорила, что я еду не один, что могу поделиться со своими товарищами. А так как с такими же словами мамы моих товарищей обесценивали питанием своих сыновей, то перед прибытием в Самару мы должны были выбрасывать в Волгу немало испор-

ченных продуктов, в особенности винограда, который не выдерживает продолжительного хранения.

Однако и после этой операции освобождения от лишнего багажа все-таки порядочно вкусных вещей я привез с собой в корпус, и когда я с щемящей болью вступил в стены этого заведения, кадеты с криками торжества бросились растаскивать все, что со мною было привезено. Я был так подавлен возвращением в замкнутую жизнь интерната, напоминающую собою пребывание в тюрьме, что разгром кадетами привезенных лакомств вместо приветов, в котором я в эту минуту остро нуждался, довел меня до горячих слез. Впрочем, это были последние слезы, так как кадету плакать не полагалось ни при каких обстоятельствах.

Начался второй год пребывания в кадетском корпусе. Теперь уже весь распорядок жизни был хорошо знаком, воспитатель был тот же, дядьки те же и питание то же. Новыми были только некоторые предметы учения да учителя, их преподававшие. Среди последних обращал на себя внимание преподаватель естественной истории Безбедович. Это был очень полный и очень добродушный человек. С нами он держался, как с детьми. Любимейшим его обращением было: «Ах ты разбойник этакий!».

Ежедневно и неизменно он приносил с собой на урок цветущий куст левкой и на нем показывал все элементы растения, начиная с корня, ствола, листьев и кончая цветком с венчиком, пестиком и плодами.

Нас он поражал тем, что при чтении надевал две пары очков. Однако все его добродушие превращалось в сильнейший гнев, если он замечал при изучении природы признак легкомыслия со стороны кого-либо из учеников. Тут он начинал метать громы и молнии, и виновному здорово попадало за обывательский подход к научным вопросам.

Безбедович вскоре перевелся на службу во вновь открытый кадетский корпус в Одессе, но полюбившийся запах левкой до сих пор вызывает в сознании уроки по естественной истории и ее добродушно-приветливого преподавателя.

Во втором классе я продолжал учиться так же отлично, как и в первом.

Старший брат Вейгелина Константин в советское время занимался писанием книг по истории русской авиации и в период борьбы с космополитизмом и низкопоклонничеством незаслуженно подвергался нападкам злой критики.

А мой друг Жорж перед выпускными экзаменами из корпуса внезапно заявил родителям, что он страстно желает перевестись в морской кадетский корпус, чтобы непременно быть моряком. Никакие отговоры не помогли, и Жорж отправился в Петербург держать экзамены, выдержал их блестяще и был потом среди гардемарин фельдфебелем, поддержав славу нашего Неплюевского кадетского корпуса.

Второй учебный год проходил так же размеренно, как и в первом классе. Так же ярко влетали в нашу сумрачную жизнь светлые дни рождественских каникул с блестящими елками и балами, оставляя по себе память на долгие годы; так же радостно проходили пасхальные каникулы в сопровождении необычно вкусной еды и катания яиц. Вскоре подошла весна и одновременно с ней пора экзаменов с напряжением ума и нервов. Наконец сдан последний экзамен, в раскрытые окна летят тетради при салюте из бумажных хлоплушек, и радостное чувство облегчения распирает грудь.

Затем быстрые сборы к выезду на каникулы, одна ночь в вагоне вместе с ошалевшими от свободы кадетами, которые в налетах на станцию опустошали начисто буфеты, и наконец наслаждение при встрече с водными просторами родной Волги...

*Публикация З.Д. ЯСМАН,
кандидата исторических наук
(Москва)*

(Окончание следует)

** Даты даются по старому стилю

КОНКУРС

ВИКТОРИНА «ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА»

1. Кто руководил строительством в дельте Невы первой в городе крепости? Она была возведена по последнему слову военно-инженерной мысли, изначально стала символом мощи огромной державы, но никогда не использовалась по своему прямому назначению.

2. Как называется остров, на котором в 1723 году возник город, служивший крепостью-прикрытием дельты Невы и Санкт-Петербурга?

3. Какие пушечные корабли были спущены на воду в 1712 году после перестройки Адмиралтейской верфи?

4. К какому году завершилось строительство Пушечно-литейного двора (Санкт-Петербургского арсенала)?

5. Где по распоряжению Павла Петровича был создан Сиротский дом для солдатских детей?

6. Какой орган управления был учрежден Павлом I 7 ноября 1796 года в Петербурге?

7. Где находился дом Д.И. Хвостова, в котором скончался гениальный русский полководец А.В. Суворов?

8. Какое военно-учебное заведение Петербурга в 1757—1760 гг. стало начальным этапом формирования будущего великого полководца М.И. Кутузова, не только вырастило целую плеяду талантливых военных деятелей, но и сыграло важную роль в развитии русской национальной культуры? Активное участие в улучшении постановки преподавания в этом военно-учебном заведении принимал великий русский ученый М.В. Ломоносов.

9. Где проводились маневры войск в царствование императрицы Екатерины II?

10. Какое военно-учебное заведение Петербурга окончил великий русский поэт М.Ю. Лермонтов?

11. Кто из русских поэтов назвал Санкт-Петербург «военной столицей», расцвет которой приходится на XIX век?

12. Назовите элитную часть русской армии, размещавшуюся в Петербурге?

13. Что изменило культурный облик «военной столицы» в правление Александра I, достаточно эффективно повлияв на повышение общеобразовательного и военного уровня офицерского состава?

14. Где проводился майский парад, заканчивавший зимний сезон светской жизни, в котором участвовали все войска петербургского гарнизона?

15. Какое здание при Александре I возвел талантливый русский архитектор А.И. Захаров?

16. Какое уникальное творение К.И. Росси, созданное им в 1819—1829 гг., стало подлинным гимном архитектуры?

17. Кто является скульптором открытых 10 января 1838 года (по н. ст.) монументов прославленным героям Отечественной войны 1812 года — знаменитым полководцам М.И. Кутузову и М.Б. Барклая-де-Толли?

18. Назовите имя прославленного литейных дел мастера, которому была заказана отливка статуй М.И. Кутузова и М.Б. Барклая-де-Толли?

19. Кто являлся митрополитом Петербургским и Новгородским, благословившим главнокомандующего русской армией М.И. Кутузова иконой Казанской Божией Матери со ступеней Казанского собора после молебна об избавлении России от вражеского нашествия?

20. Кто стал директором образованного в 1864 году в Санкт-Петербурге Педагогического музея военно-учебных заведений?

21. Какое событие было торжественно отпраздновано в ноябре 1889 года в Санкт-Петербурге?

22. Назовите имя отставного чиновника Морского министерства, инженера и математика, выкупившего у казны в 1868 году одно из крупнейших предприятий военной промышленности, сохранившееся до наших дней.

23. Какую должность до начала Первой мировой войны занимал самый авторитетный военный из лиц императорской фамилии — великий князь генерал-адъютант и генерал от кавалерии Николай Николаевич (Младший)?

Вопросы викторины подготовил полковник в отставке А.С. ЖДАНОВСКИЙ (Москвы)

Уважаемые читатели!

Приславший наибольшее количество правильных ответов на вопросы викторины получит приз — книгу «300 лет военной истории Санкт-Петербурга» под редакцией В.С. Бобрышева (СПб.: Ин-т военной истории МО РФ; Штаб Лен.ВО; АО «Славия», 2003. 575 с., ил.; см. 3-ю страницу обложки журнала).

Пожалуйста, указывайте свою фамилию, имя, отчество, профессию, возраст, адрес. Школьников, студентов и курсантов просим указывать адрес учебного заведения и фамилию, имя и отчество его руководителя. Сведения о победителях и ответы на криптограммы будут опубликованы: «К 65-летию победы на реке Халхин-Гол» (Воен.-истор. журнал. 2004. № 7) — в № 12 (декабрь) 2004 года; «Первая мировая война: кампания 1914 года» (№ 8) — в № 1 (январь) 2005 года; на кроссворд «Отечественная война 1812 года» (№ 9) — в № 2 (февраль) 2005 года; криптограмму «Швейцарский поход А.В. Суворова — 205 лет» (№ 10) — в № 3 (март) 2005 года; викторину «Военная история Санкт-Петербурга» (№ 11) — № 4 (апрель) 2005 года.

Ответы на криптограмму «Итальянский поход А.В. Суворова — 205 лет» (Воен.-истор. журнал. 2004. № 6). Ключевые слова: 1. С.Р. Воронцов; 2. Корфу; 3. Ионические; 4. Гофкриграт; 5. А.Ф. Петрушевский; 6. М.Ф. Мелас; 7. И.Г. Шатлер; 8. А. Карачай; 9. Ада; 10. П.И. Багратион; 11. Командующий Итальянской армией; 12. Милан; 13. Ж.Э. Макдональд; 14. Турин; 15. Тидона, Требия, Нура; 16. Мантуя; 17. Б.К. Жубер; 18. Ж.М. Серюрье, К.Д. Периньон, Э. Груши, Л.Л. Коли, Л. Партуно; 19. А.Г. Розенберг; 20. М.А. Милорадович; 21. Н.А. Чубаров; 22. А.К. Денисов; 23. Г. Бельгард; 24. П.А. Толстой; 25. Ж.В. Моро; 26. Ф.В. Ростопчин; 27. Нельсон; 28. «Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?» **Текст:** «Суворов, привыкший побеждать не числом, а умением, стремительным наступлением в короткий срок добился выдающегося стратегического успеха: очистил от французов почти всю Северную Италию, взял больше двадцати крепостей и десятки тысяч пленных. Он мог реально начать наступление на Париж. Но Гофкриграт не дал возможности Суворову воспользоваться результатами кампании и завершить дело разгрома Фран-

Петропавловский собор

ции. В очередной раз всему миру были продемонстрированы сила русского солдата и гениальность русского полководца».

Победителями этого конкурса стали члены центра гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи «Армеец» (г. Ступино Московской обл.). Они получают книгу: Офицерский корпус Русской Армии: Опыт самопознания. М.: Военный ун-т, Русский путь, 2000. 640 с. Особо отмечаем наших читателей: Д.В. Непарко, студента (г. Береза Брестской обл., Республика Беларусь); гвардии полковника С.М. Шведова (г. Владимир); И.Н. Шеттухина (г. Одиново Московской обл.); С.М. Минеева (г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл); А.Ю. Авлеева (г. Богучар Воронежской обл.); капитана 2 ранга в отставке А.П. Курохтина (г. Североморск Мурманской обл.); С.И. Поварова, преподавателя (г. Волжск-9, Республика Марий Эл); В.С. Тихошенко, студента (п. Селиваново Ленинградской обл.); М.М. Изюмова, ветерана военной службы (г. Владимир); М.Р. Федорова (Санкт-Петербург); П.Ф. Семенова (г. Сясьстрой Ленинградской обл.); В.С. Комиссарова (г. Челябинск); М.В. Калимуллин, учащуюся школы № 241 (Санкт-Петербург); В.Д. Мальгина (г. Котово Нижегородской обл.); А.Н. Мотрича, военного пенсионера (п. Горячие Ключи Сахалинской обл.).

«МАЛОЧИСЛЕННОСТЬ ПЕХОТЫ ВЫНУЖДАЛА НАС ВСЮ ТЯЖЕСТЬ ПРОГРЫЗАНИЯ ВРАЖЕСКОЙ ОБОРОНЫ ВОЗЛАГАТЬ НА АРТИЛЛЕРИЮ...»

Из истории учреждения Дня ракетных войск и артиллерии

МЫСЛЬ о необходимости увековечить в памяти народной заслуги артиллерии как важнейшего в вопросах защиты Отечества рода войск возникла давно. Так, в 1889 году в России повсеместно отмечалось 500-летие артиллерии¹, однако дата празднования непосредственного отношения к артиллерии не имела, а была приурочена к 8 ноября — дню тезоименитства великого князя Михаила Николаевича, генерал-фельдцейхмейстера. Тем не менее до октябрьских событий 1917 года артиллеристы отмечали ее как день своего рода войск, хотя юридически, на правительственном уровне она узаконена не была.

Вплоть до Великой Отечественной войны в полномочные инстанции не поступало каких-либо предложений об установлении соответствующего праздника. При этом лишь только Военно-воздушные силы и Военно-морской флот имели такие праздники.

Артиллерия в ходе боевых действий полностью подтвердила теоретические положения военной мысли о ее важной роли в современной войне. Уже первые оборонительные бои и операции лета 1941 года показали, что она, взаимодействуя с другими родами войск, ведя борьбу с пехотой, танками, артиллерией и самолетами противника, поддерживая контратаки и контрудары наших частей и соединений, обеспечивая их отход и выход из окружения, являлась главной огневой ударной силой Красной армии. А когда осенью 1942-го под Сталинградом у противника была вырвана стратегическая инициатива и наступление стало главным видом боевых действий наших войск, умелое и эффективное применение артиллерии оказывало заметное, порой решающее влияние на успех не только отдельного боя, но и значительной операции. При обеспечении

войск массой огня вес артиллерийских боеприпасов достигал 85—90 проц. всех расходованных в той или иной операции². «Малочисленность пехоты, — вспоминал выдающийся полководец войны Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский, — вынуждала нас всю тяжесть прогрызания вражеской обороны возлагать на артиллерию...»³.

Вполне естественно, что в годы войны, особенно после Сталинградской битвы, в военных кругах высказывались мнения о том, чтобы в честь боевых заслуг столь выдающегося рода войск установить официальный праздник — День артиллерии. Одним из первых такую идею подал начальник Артиллерийского исторического музея полковник Ян Францевич Куске, направив соответствующее письмо начальнику штаба артиллерии Красной армии генералу Ф.А. Самсонову. Предложил и конкретную дату — 2 февраля, день завершения победоносной Сталинградской битвы.

Ответ Самсонова Я.Ф. Куске в архиве музея не обнаружен. Возможно, были и другие предложения от других организаций и учреждений.

Почему же день 2 февраля не стал праздником артиллерии? По свидетельству командующего артиллерией Красной армии главного маршала артиллерии Н.Н. Воронова, бывшего в годы войны заместителем Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, представителем Ставки ВГК, была предложена другая дата — 19 ноября, чем, как вспоминает Н.Н. Воронов, артиллеристы обязаны члену военного совета артиллерии Красной армии генерал-лейтенанту И.С. Прочко⁴. Именно он выбрал и обосновал ее, приурочив к всеокушающему удару артиллерии перед началом контр наступления под Сталинградом.

Итак, приводим ряд документов по этой теме.

Документ № 1

Письмо начальника Артиллерийского исторического музея начальнику штаба артиллерии Красной армии генералу Ф.А. Самсонову с ходатайством об установлении ежегодного празднования Дня советской артиллерии⁵

Принимая во внимание установленные в Красной армии традиции ежегодного празднования дня Военно-воздушного флота и Военно-морского флота, а также традицию ежегодного празднования Дня артиллерии в Русской армии (дата празднования была восстановлена в 1889 г.), ходатайствую о вхождении в правительство с представлением о ежегодном праздновании Дня советской артиллерии Красной армии в ознаменование ее выдающихся боевых заслуг в годы Великой Отечественной войны.

Одновременно вношу предложение о назначении дня указанного праздника на 2 февраля каждого года в честь великой Сталинградской битвы, которая завоевала себе место в истории сражений как артиллерийская битва, показавшая все величие и сокрушительную мощь артиллерийского огня советской артиллерии по разгрому вражеских полчищ

**П.П. Начальник
Артиллерийского музея Красной армии
Полковник: подпись (Я. КУСКЕ)
«25» октября 1943 г.**

Документ № 2

**Указ Президиума
Верховного Совета СССР
об установлении
ежегодного праздника
Дня артиллерии Красной армии⁶**

Учитывая большие боевые заслуги артиллерии Красной армии на всех фронтах Отечественной войны в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, установить ежегодный праздник — День артиллерии.

День артиллерии праздновать ежегодно 19 ноября. В этот день во всех столицах советских республик, а также в Ленинграде, Сталинграде, Севастополе, Одессе, Хабаровске и Новосибирске День артиллерии от-

мечать двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

**Председатель Президиума
Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.**
Москва, Кремль. 21 октября 1944 г.

Документ № 3

**П Р И К А З
ВЕРХОВНОГО
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО**
19 ноября 1944 года № 225.
Москва, Кремль⁷

Товарищи артиллеристы и минометчики, инженеры и техники, офицеры и генералы советской артиллерии!

Сегодня советские люди празднуют День артиллерии Красной армии. Вся страна отмечает сегодня великое значение артиллерии как главной ударной силы Красной армии.

Как известно, артиллерия была той силой, которая помогла Красной армии остановить продвижение врага у подступа Ленинграда и Москвы.

Артиллерия была той силой, которая обеспечила Красной армии разгром немецких войск под Сталинградом и Воронежем, под Курском и Белгородом, под Харьковом и Киевом, под Витебском и Бобруйском, Ленинградом и Минском, под Яссами и Кишиневом.

Своим сокрушающим огнем артиллерия успешно расчищала путь пехоте и танкам в величайших сражениях Отечественной войны, в результате чего враг оказался изгнанным из пределов нашей Родины.

Теперь вместе со всей Красной армией советская артиллерия наносит сокрушительные удары по живой силе, технике и укреплениям врага в последних решающих боях за победу над Германией.

Всем известно, что советская артиллерия добилась полного господства на поле боя над артиллерией врага, что в многочисленных боях с врагом советские артиллеристы и минометчики покрыли себя неувядаемой славой исключительного мужества и героизма, а командиры и начальники показали высокое искусство управления огнем.

Это такой успех, которым может по праву гордиться наша страна.

Товарищи артиллеристы и минометчики, инженеры и техники, офицеры и генералы советской артиллерии! Поздравляю вас с Днем артиллерии!

В ознаменование решающих успехов артиллерии Красной армии в Отечественной войне

П р и к а з ы в а ю:

Сегодня, 19 ноября, в День артил-

лерии, в 19 часов в столице нашей Родины — Москве, в столицах союзных республик и в городах Ленинграде, Сталинграде, Севастополе, Одессе, Хабаровске, Новосибирске, Свердловске, Горьком, Молодове и Туле от имени Родины салютовать нашим славным артиллеристам двадцатью артиллерийскими залпами.

Пусть живет и здравствует советская артиллерия на страх врагам нашей Родины!

**Верховный главнокомандующий
Маршал Советского Союза
И. СТАЛИН**

Документ № 4

**Указ Президиума
Верховного Совета СССР
о праздновании Дня ракетных войск
и артиллерии**

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

Установить ежегодное празднование 19 ноября Дня ракетных войск и артиллерии.

В этот день в столице нашей Родины г. Москве, столицах союзных республик и в городах Ленинграде, Волгограде, Севастополе и Одессе производить салют двадцатью артиллерийскими залпами.

**Председатель Президиума
Верховного Совета СССР А. МИКОЯН.
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ**

Москва, Кремль. 17 ноября 1964 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В последующем дата юбилея, связанная с первым применением огнестрельных орудий, была уточнена. В частности, на основе данных Никонской и других летописей за 1382 г. было установлено, что при отражении штурма Москвы войсками хана Тохтамыша 23—26 августа 1382 г. ее защитники вели огонь «из тюфяков и пушек».

² *Радзиевский А.И.* Прорыв. М.: Воениздат, 1979. С. 176.

³ *Рокоссовский К.К.* Тиски сомкнулись / Сталинград: уроки истории. М.: Воениздат, 1976. С. 152.

⁴ Красная звезда. 1992. 13 ноября.

⁵ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС). Ф. 3. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.

⁶ Красная звезда. 1944. 22 октября.

⁷ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1950. С. 140, 141.

**Публикация полковника запаса
В.М. КРЫЛОВА,
кандидата исторических наук
(Санкт-Петербург)**

**КНИЖНАЯ ПОЛКА
ВОЕННОГО ИСТОРИКА**

Залесский К.А. **Наполеоновские войны 1799—1815.** Биограф. энцикл. словарь. М.: АСТ; Астрель, 2003. 826 с., ил.

Кони Ф.А. **Фридрих Великий.** М.: Эксмо; Алгоритм, 2003. 497 с.

Тамерлан / Сост. А.И. Булдаков, С.А. Шумов, А.Р. Андреев. М.: Крафт+, 2003. 206 с.

Функен Ф., Функен Л. **Европа. XVIII век. Франция. Королевская свита и пехота. Великобритания и Пруссия. Пехота / Пер. с фр.** М.: АСТ; Астрель, 2003. 150 с., ил.

Амброз С.Е. **День «Д». 6 июня 1944 г.: величайшее сражение Второй мировой войны / Пер. с англ.** М.: АСТ, 2003. 617 с., ил.

Зефилов М.В. **Асы люфтваффе. Ночные истребители.** М.: АСТ, 2003. 494 с., ил.

Назембло Е. **Сицилия: 1943 / Пер. с польск.** М.: АСТ; Астрель, 2003. 155 с., ил.

Рузвельт Э. **Его глазами.** 2-е изд., доп. М.: АСТ; Астрель, 2003. 284 с., ил.

История Балтийского завода 1856—1925. / Сост. А.Е. Коткас, А.И. Узрюмов. СПб.: Гидрометеоздат, 2003. Т. 1. 279 с., ил.

Левцкий Н.А., Быков П.Д. **Русско-японская война.** М.: Эксмо, Изографус; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 667 с., ил.

Фадеев Р.А. **Кавказская война.** М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. 634 с.

Седые дети войны. Воспоминания бывших узников фашистских концлагерей. 2-е изд., испр. и доп. Калуга: Фридельм, 2003. 403 с., ил.

Голицын П.А. **Записки начальника военной разведки.** М.: ООО НПФ «Церебра», 2002. 191 с., ил.

Перов В.И., Растренин О.В. **Штурмовая авиация Красной Армии. Суровая школа.** М.: Издатель А.С. Акчурун, 2003. Т. 1. 210 с., ил.

Галушин З.В. **Вручаются героям ордена.** М.: Патриот, 2003. 285 с., ил.

Селезнев И.А. **Военно-исторический стратег XX века: к 50-летию со дня смерти Генералиссимуса И.В. Сталина.** Краснодар: Сов. Кубань, 2003. 175 с.

Сokolov Б.В. **Георгий Жуков. Триумфы падения.** М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2003. 590 с.

Амелько Н.Н. **В интересах флота и государства: воспоминания адмирала.** М.: Наука, 2003. 180 с., ил.

Женщина века. Ярославль: ЛИЯ, 2003. 143 с., ил.

Сергеев Е.Ю., Удунян А.А. **Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах 1900—1914 гг.** 2-е изд., перераб. и доп. М.: Реалии-Пресс, 2003. 478 с., ил.

Материал подготовлен при информационной поддержке ежемесячного информационного бюллетеня «Новая военная литература» (приложение к журналу «Российское военное обозрение»)

МАЛОИЗВЕСТНОЕ О ГЕНЕРАЛЕ АРМИИ А.В. ХРУЛЁВЕ

БИБЛИОТЕКА документальной военно-исторической литературы пополнилась новой книгой писателя В.В. Карпова — на этот раз о генерале армии Хрулёве*. По утверждению автора, он снова, как и в своей повести «Полководец» о генерале армии И.Е. Петрове (М.: Воениздат, 1985), выступает как защитник «обиженных и оскорбленных» (с. 9). А таких среди советских военачальников было немало. Одни подвергались необоснованным репрессиям, как, например, Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов, других если не притесняли, то и не очень жаловали, третьи всю жизнь оставались как бы в тени. Думается, к последним и относится Андрей Васильевич Хрулёв (1892—1962), генерал армии (1943), внесший большой вклад в строительство Тыла ВС СССР, развитие железнодорожного и автомобильного транспорта страны. Однако серьезные публикации о нем, к сожалению, нет, и книга В.В. Карпова заполняет образовавшийся пробел в историографии Великой Отечественной войны. Освещая жизнь и деятельность А.В. Хрулёва, автор умело собрал в единую картину факты его деятельности на всех постах, подкрепив свои рассуждения документальными источниками, приказами, директивами, свидетельствами очевидцев. Все это позволило создать яркое, как бы мозаичное полотно, в котором образ главного героя лучше понимается на фоне важнейших событий Великой Отечественной войны и в тесной связи с их хронологией. При этом автор в каждом разделе стремится простым и доходчивым языком познакомить читателя с общей обстановкой на фронтах, замыслом той или иной предстоявшей стратегической операции и сроками ее проведения, а также с перечнем особых мероприятий по обеспечению войск и сил флота всеми необходимыми видами довольствия.

Так что книга, видимо, задуманная как биографическая повесть об одном человеке, стала — и это присуще творчеству Карпова — своеобразной историей титани-

* Карпов В.В. Генерал армии Хрулёв. Все для Победы. Великий интендант. М.: Вече, 2004. 384 с.

Обложка книги

ческой деятельности органов Тыла Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Но образ главного героя не теряется на фоне общей картины. Наоборот, общее лучше высвечивает частное: организаторский талант и огромную работоспособность А.В. Хрулёва, деятельность которого показана как бы по восходящей линии начиная с предвоенного времени. Так, в 1930 году А.В. Хрулёв руководил Центральным военно-финансовым управлением Наркомата по военным и морским делам, где сумел навести образцовый порядок, за что получил звание корпусной комиссар. Став в 1939 году первым начальником Тыла Красной армии, А.В. Хрулёв приобрел солидный опыт тылового обеспечения осенью-зимней кампании 1939—1940 гг. на Карельском перешейке, что позволило ему сделать вывод о несоответствии возложенных на Управление начальника снабжения функций тем задачам, которые реально решаются в боевых операциях. В конце 1940 года по его предложению в Красной армии было создано Главное интендантское управление. В целом же к началу Великой Отечественной войны А.В. Хрулёв достаточно глубоко освоил проблемы тыла и снабжения Вооруженных сил.

Несомненная ценность книги состоит также в раскрытии в хронологической последовательности развивавшихся на фронтах Великой Отечественной войны действий, требовавших от А.В. Хрулёва принятия в вопросах тылового обеспечения операций неординарных решений, что показывает его как руководителя, умевшего мыслить творчески, предвидеть и прогнозировать собы-

тия, обладавшего твердой волей и решительностью. Естественно, самым тяжелым для органов Тыла был первый период войны, особенно зима 1941/42 года. Автор показывает, какой ценой А.В. Хрулёву и его штабу удалось наладить снабжение фронтов всеми видами довольствия, как умело штаб Тыла использовал все уменьшавшиеся возможности железных дорог. Последнее, видимо, послужило причиной того, что Ставка ВГК в феврале 1942 года возложила на А.В. Хрулёва и руководство путями сообщения — до апреля 1943 года. Приняв, по словам автора, от Л.М. Кагановича железнодорожное хозяйство в весьма критическом состоянии, А.В. Хрулёв сумел в тяжелых условиях не только наладить деятельность этой важнейшей народнохозяйственной отрасли, но даже вести новое строительство в интересах Вооруженных сил. Так, в сжатые сроки были построены новые железнодорожные пути для подвоза личного состава и материальных средств в период подготовки Сталинградского сражения, Курской битвы и т.д. Органы Тыла и НКПС приложили большие усилия и к сооружению легендарной «Дороги жизни» по льду Ладожского озера.

Нельзя не отметить теплоту и чувство искреннего уважения, с которыми автор описывает жизнь и деятельность генерала армии А.В. Хрулёва. Герой книги предстает перед читателем не только крупным военным деятелем, обладающим незаурядными качествами, но и личностью мужественной, с сильной волей и характером. В специальном разделе «Истоки прочности» В.В. Карпов в сжатой форме нарисовал наряде с биографическими данными увлекательный образ А.В. Хрулёва — бойца за рабочее дело в годы революции, красногвардейца-питерца, комиссара-кавалериста в годы Гражданской войны.

В целом новая книга В.В. Карпова является первым значимым произведением о генерале армии А.В. Хрулёве.

К достоинствам книги следует отнести также и то, что она насыщена интересными справочными данными и иллюстрациями. Все это делает ее добрым собеседником различных категорий читателей, особенно военнослужащих и ветеранов Великой Отечественной войны.

**Генерал-майор в отставке
В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ**
(Москва)

«ОТ ДОБРОГО ПРОВИАНТА БУДУТ И ЛЮДИ ЛУЧШЕ...»

Обложка книги

ВИЗДАТЕЛЬСТВЕ Нижегородского государственного университета вышла необычная книга — монография о том, как и чем питались моряки на заре зарождения Российского военного флота*. Эпиграфом к своему труду автор поставил слова из рапорта шаутбенахта Дж. Поддона, командовавшего Котлинской эскадрой в 1717—1718 гг., которые актуальны и по сей день: «От доброго провианта будут и люди лучше...». На рапорте против этих слов рукой Петра I начертано: «Резон», т.е. признано, что шаутбенахт говорит дело.

Труд полковника в отставке И.Г. Дурова отличается огромным количеством первоисточников: автор использовал 9 федеральных и областных архивов, 52 фонда, что позволило ему детально исследовать вопросы пищевого довольствия моряков, производственной деятельности адмиралтейских предприятий, способы заготовки морской провизии и сухопутного провианта, изучить другие элементы системы провиантского обеспечения флота. Это тем более важно, потому что в отечественной историографии тема «Провиантское обеспечение флота в эпоху Петра Великого» до сих пор не получила достаточно полного и объективного освещения.

Таким образом, монография И.Г. Дурова, кандидата военных наук, доцента ка-

* Дуров И.Г. Провиантское обеспечение флота в эпоху Петра Великого: Монография. Н.Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2002. 719 с.

федры политологии Нижегородского государственного университета, является, можно сказать, самым полным за последнее время трудом по истории провиантского обеспечения флота. Книга состоит из введения, восьми глав, заключения и примечаний.

В первой главе рассматривается сложный и противоречивый процесс нормирования провиантского обеспечения флота, когда продовольственные пайки изменялись практически ежегодно, что зависело прежде всего от суммы денежных средств, выделявшихся на закупку провизии. В первые годы становления Азовского флота в продовольственных пайках нижних чинов, набравшихся из природных россиян, традиционно преобладали продукты растительного происхождения, что связано с географическим положением, климатическими условиями Московского государства, зерновой направленностью развития сельского хозяйства, материальной культурой населения и его бытовыми особенностями. Однако на Балтийском флоте в состав пищевых рационов включались уже продукты, богатые жирами и белками животного происхождения. При этом автор сопоставил продуктовый набор в российский рацион с аналогичными продовольственными пайками флотов ведущих западноевропейских государств и Османской империи.

Вторая глава монографии посвящена видам провиантского обеспечения. В ней не оставлено без внимания и питание военнопленных, учащихся военно-морских учебных заведений, флотских священнослужителей и других контингентов. Здесь же также исследуется эволюция хлебного жалования, кормовых денег, выплачивавшихся в 1696—1722 гг. мастеровым людям судостроительных верфей Петровского флота, и в целом показано, какую роль играли материальные стимулы в повышении профессионализма российских корабелов.

Третья глава — исследование способов заготовки морской провизии и сухопутного провианта в ходе Северной войны, анализ возможностей сельского хозяйства России по снабжению флота, юридического обоснования торгово-закупочных операций, применение зарубежного опыта.

В четвертой главе освещаются производственная деятельность адмиралтейских пищевых предприятий и использование местной продовольственной базы в интересах морского ведомства. В ней на основании впервые обнаруженных архивных ма-

териалов исследован вопрос, который, по сути, до сих пор ускользал от внимания ученых: внедрение западных технологий в пищевую промышленность России первой четверти XVIII века.

В пятой главе исследуется провиантское обеспечение армии и флота в совместных операциях. Выявленные новые архивные источники позволили автору внести дополнительные сведения о провиантском обеспечении Финляндского корпуса, корабельного и гребно-парусного флота в совместных операциях в 1713—1721 гг., в Персидском (Каспийском) походе 1722—1723 гг.

Шестая глава посвящена вообще малоисследованной проблеме — организации хранения морской провизии и сухопутного провианта на кораблях и берегу. Автор подробно рассматривает такие вопросы, как создание материально-технической базы хранения, мероприятия, проводившиеся провиантмейстерами и комиссарами по сохранению качества провианта и бракеражу продовольственных товаров, снижение естественной убыли продуктов, внедрение в Адмиралтействе унифицированной тары для содержания твердых и жидких тел и др.

В седьмой главе рассматривается обеспечение кораблей и береговых частей техникой и имуществом для приготовления и приема пищи. При этом показаны наиболее характерные источники поступления техники и имущества на различных этапах строительства флота.

В заключительной, восьмой главе исследуется проблема формирования личного состава Провиантской канторы Адмиралтейств-коллегии. Это тем более важно, что историческая литература по данной теме крайне бедна и в основном представлена только в постановочном плане.

В целом новый труд И.Г. Дурова — весьма заметное явление в военной историографии. Недаром автору решением президиума Академии военных наук присуждена премия имени А.В. Хрулева I степени. Есть уверенность, что книга будет востребована специалистами тыловых служб армии и флота, предпрятий пищевой промышленности, военными аналитиками и историками и послужит делу совершенствования системы продовольственного обеспечения Вооруженных сил Российской Федерации.

*Полковник
В.В. ТИМОШЕНКОВ,
кандидат исторических наук
(Москва)*

«И ИЗ-ЗА ЭТОГО МАЛЬЧИШКИ МЫ ПОТЕРЯЛИ ТЫСЯЧИ СОЛДАТ ФЮРЕРА?»

Обложка книги

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ военная литература пополнилась книгой о знаменитых советских разведчиках: вышла в свет вторым изданием книга С.Н. Полторака «Разведчик Кент»*. Ее автор — президент Международной ассоциации исторической психологии, доктор исторических наук, профессор, полковник запаса, главный редактор сразу двух журналов «Клио» и «История Петербурга».

Материал для своей книги Сергей Николаевич Полторака начал собирать давно, благо главным герой — Анатолий Маркович Гуревич — всегда находился под рукой: советский резидент Кент — петербуржец, 7 ноября 2003 года отпраздновал свое 90-летие.

В жизни Полторака этот подлинный герой России занимает особое место, и он более десяти лет исследует его биографию. Компетентные исследователи-специалисты в деле агентурной разведки называли Гуревича агентом № 1 Советского Союза против Германии времен Второй мировой войны. Это был ас разведки, суперагент. Немцы были убеждены, что из всех разведчиков в Бельгии и во Франции, а, может быть, вообще из всех разведчиков, он нанес самый ошутимый урон Германии. Недаром шеф гестапо Мюллер, увидев Кента на допросе в кабинете криминального комиссара унтерштурмфюрера Йогана Штрибинга, удивленно его

спросил: «И из-за этого мальчишки мы потеряли тысячи солдат фюрера?». О работе Кента знали Гитлер и Сталин, страницы своих мемуаров посвятил ему Вальтер Шелленберг.

А.М. Гуревич показан в книге довольно полно: юность, работа участковым инспектором, рабфак, учеба в ГРУ, Испания, затем — с апреля 1939 года до мая 1945-го — разведдеятельность за границей: Бельгия, Франция, Германия, Австрия, потом 10 лет советских лагерей, амнистия, снова лагеря. Окончательное освобождение наступило лишь в 1960 году.

Автору удалось показать своего героя не только как умелого разведчика, но и как человека, обладающего бесценным даром быть своим в любом обществе, даром бизнесмена и полиглотта, свободно владеющего французским, испанским, немецким, английским языками. Благодаря этим своим качествам, огромному кругу знакомств по всей Западной Европе Гуревич получал и передавал в Москву материалы огромной важности. Так, задолго до Рихарда Зорге и других разведчиков он доложил в Центр о том, что скоро начнется война. Осенью 1941 года Кент сообщил в Москву о готовившемся ударе немецких войск на Кавказе и под Сталинградом. Кент наладил связь с одним из руководителей «Красной капеллы», через которого регулярно передавал сведения чрезвычайной важности. Однако как ни был острожен Гуревич, его все-таки арестовали. В застенках гестапо он совершил новое чудо (а по-другому это и назвать нельзя): перевербовал на свою сторону нескольких германских контрразведчиков и в июне 1945 года вместе с ними прибыл в Москву, привезя важнейшие документы гестапо.

И все же в ведомстве Абакумова Кента посчитали предателем. Впрочем, отзвуки этого мнения, несмотря на полную реабилитацию разведчика, о чем можно узнать из книги С.Н. Полторака, слышны еще до сих пор.

*В.Е. ТРИДИН,
заслуженный
деятель науки РФ,
заслуженный работник
культуры РФ, профессор
(Санкт-Петербург)*

* Полторака С.Н. Разведчик «Кент». СПб.: Изд. Дом «Нева», 2003. 488 с.

«ВОЕННОЕ ДУХОВЕНСТВО РОССИИ»

И ОД ТАКИМ названием вышел труд доктора педагогических наук В.М. Коткова*, посвященный истории военного духовенства в русской армии и Военно-морском флоте. В двухтомнике подробно рассматривается деятельность Русской православной церкви в Вооруженных силах России в XVIII — начале XX века, подводятся итоги многолетнего исследования исторического вклада военного духовенства — как православного, так и неправославного — в духовно-нравственное и патриотическое воспитание военнослужащих русских армии и флота.

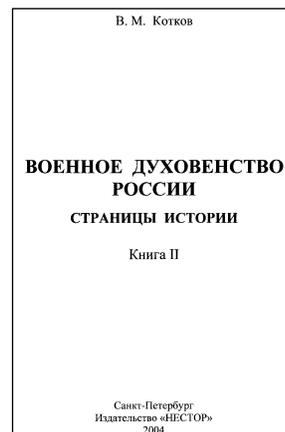
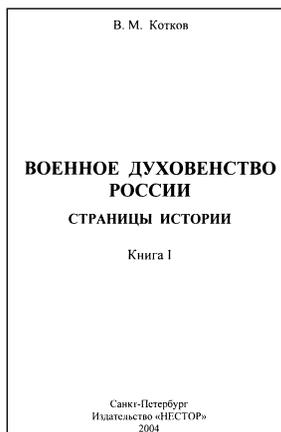
Исследуемая тема, являясь до сего дня малоизученным пластом военной истории, педагогики и культурологии, представляет собой несомненный интерес на современном этапе развития и реформирования Вооруженных сил Российской Федерации. В первую очередь это связано с возрождением духовности, лучших воинских традиций и обращением к накопленному за прошедшие десятилетия и сотни лет опыту русской армии.

Книга написана на основе изучения богатейшего собрания источников, включающих достаточно многочисленные, разнообразные по своему характеру, содержанию и значимости как опубликованные, так и не опубликованные документы. Важнейшими являются законодательные акты. К ним прежде всего относятся «Собрание первого с 1649 г. по 12 декабря 1830 г.» и «Собрание второго с 12 декабря 1825 года» Полного собрания законов Российской Империи (ПСЗ РИ), так как они являются фактически одними из немногих источников, где собраны правовые акты, отражающие почти все основные этапы деятельности военного духовенства. Широко использовался Свод зако-

нов Российской Империи, где собраны документы, принципиально значимые для правового регулирования военного строительства, в том числе деятельности духовенства основных религиозных конфессий в Вооруженных силах.

Основной массив источников составляют в большинстве своем впервые вводимые в научный оборот неопубликованные документы из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), архива и библиотеки Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВиВС), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Военно-исторической научной библиотеки ВС РФ, Центральной научной библиотеки Эрмитажа, Библиотеки Санкт-Петербургской духовной академии и семинарии, ряда других архивов и библиотек. Материалы Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД (РГИА. Ф. 821. Оп. 150), Центрального статистического комитета МВД (РГИА. Ф. 1290) и Санкт-Петербургского историко-статистического комитета раскрывают деятельность военного духовенства неправославного вероисповедания, его роль в воспитании нижних чинов русской армии. Кроме того, были использованы материалы периодической печати, официального делопроизводства, дневники и воспоминания генералов и офицеров, вещественные памятники. Автор вовлек в научный оборот документы, лежавшие без движения многие годы, а также собранные во время его командировок в Чеченскую Республику. Бросается в глаза уважительное отношение исследователя к предшественникам: Т.В. Барсову, Ф.М. Ласкееву, Н. Невзорову, С.Ю. Чимарову и особенно к своему учителю — М.А. Ариарскому, которому В.М. Котков и посвятил данную работу.

Труд состоит из двух книг, включивших в себя четыре главы, разверну-

Титульные листы двухтомника

тый перечень рекомендованной литературы и приложения. Автор рассказывает о предпосылках и условиях появления в армии и на флоте духовенства, его организационной структуре, формах и методах деятельности в мирное и военное время, дает исторические справки о полковых храмах, походных церквях наряду со сведениями о полках, их дислокации и командовании. Несомненной удачей В.М. Коткова являются достаточно полная характеристика простых полковых священников и служителей Русской православной церкви в армии и на флоте, руководителей военного духовенства, обозначение конкретных проблем, решенных каждым из них, а также описание взаимоотношений военного духовенства основных религиозных конфессий Российской Империи с офицерским корпусом и нижними чинами. Все это приобретает сегодня особую актуальность и востребованность. И эта тенденция, по мнению автора, будет развиваться в ближайшие годы.

В.М. Котков не идеализирует военное духовенство, справедливо подвергая критике отдельных его представителей, допущенные ими ошибки. В книге содержится немало оригинальных суждений, выводов и оценок. Вместе с тем хочется возразить автору в его суждении о введении сегодня института военного духовенства в Российской армии. Не пришло, не подошло еще то время, когда это станет возможным.

Совершенно справедливо автор считает, что победы русского оружия в первую очередь обусловлены субъективным (человеческим) и морально-психологическим факторами. Он поднимает острую проблему моральной силы, прежде всего патриотизма, полагая, что именно сплочение армии и народа, искренняя вера в Бога позволяют военнослужащим держаться в труднейших ситуациях и одерживать блестящие победы как в далекие времена, так и сегодня.

Следует отметить, что ценность книги значительно возросла бы при условии использования автором иллюстративного материала: фотографий, рисунков, схем. Это позволило бы более наглядно и доходчиво представить деятельность военного духовенства в исследуемый период. Вызывает сожаление слишком малый тираж книги — 500 экземпляров. Думается, она должна быть переиздана в достаточном количестве для библиотек учебных заведений, соединений, частей и личных библиотек офицеров-воспитателей. В ней много свежих фактов, интересных суждений, оценок, характеристик. Содержание и непринужденный язык, которым написана книга, делают ее привлекательной не только для специалистов, но и для всех, кто интересуется историей нашей армии и государства.

*Полковник в отставке
М.И. ФРОЛОВ,
доктор исторических наук,
профессор
(Санкт-Петербург)*

* Котков В.М. Военное духовенство России. Страницы истории. Кн. 1. 320 с. Кн. 2. 318 с. СПб.: Нестор, 2004.

Уважаемые члены редакционной коллегии, редакционного совета, редакторы и сотрудники журнала!

Горячо и сердечно поздравляю вас с 65-летием «Военно-исторического журнала». С вашим журналом я не расstaюсь с 1960-х годов. Журнал помогал и помогает мне разбираться в событиях военной истории и военном искусстве, правильно оценивать итоги Великой Отечественной войны, значение стратегических оборонительных и наступательных операций Красной армии, воспитывать личный состав частей и соединений, в которых я служил в послевоенные годы.

Под влиянием журнала и своего боевого опыта я, несмотря на то, что окончил, так сказать, сугубо гражданский вуз — МГУ имени М.В. Ломоносова, избрал в качестве темы диссертации «Гуманизм советской военной идеологии». К сожалению, завершить исследование не удалось.

К уже объявленному вами плану материалов о Великой Отечественной войне советую добавить статьи о полководческом мастерстве командиров корпусов, дивизий, полков, особенно полков. Полк — важнейшая структурная единица вооруженных сил, школа организации всех видов деятельности воинских коллективов, обучения и воспитания личного состава, совершенствования полководческого мастерства офицеров.

Желаю вам успехов в научно-исследовательской работе, новых ярких публикаций на военно-исторические темы.

С глубоким уважением,

гвардии полковник в отставке А.Д. ТАРАСЕНКО,
член Союза журналистов с 1961 года
(г. Армавир, Краснодарский край)

Уважаемая редакция! Позвольте поздравить вас с 65-летием вашего журнала. Подписываюсь на него с 1962 года, видел его становление, падение и возрождение. Всегда ждал и читал журнал с нескрываемым интересом и не представляю себе жизни без этого издания, хотя подписаться на печатную продукцию становится все труднее. Очередные номера журнала — просто чудо.

С уважением,

Д.Д. КУНСТМАН
(п. Савинский Архангельской обл.)

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Решением президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки Российской Федерации № 7/6 от 13 февраля 2004 года «Военно-исторический журнал» включен в Перечень ведущих научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук. Данное решение напечатано в «Бюллетене ВАК», 2004. № 3. С. 5—6.

Материалы номера рецензировали: кандидат исторических наук полковник И.И. Басик (Институт военной истории); доктор медицинских наук, профессор полковник медицинской службы А.А. Будко (Военно-медицинский музей МО РФ); генерал-майор в отставке В.В. Градосельский; доктор философских наук, профессор генерал-майор в отставке И.С. Даниленко (Военная академия Генерального штаба ВС РФ); полковник И.В. Домнин (Военный университет МО РФ); генерал-майор А.В. Кирилин (Военно-мемориальный центр ВС РФ); кандидат военных наук, старший научный сотрудник полковник А.А. Кольтюков (Институт военной истории); адмирал В.А. Кравченко (Главный штаб ВМФ); кандидат военных наук генерал-полковник в отставке Г.Ф. Кривошеев (Военно-мемориальный центр ВС РФ); кандидат исторических наук, профессор полковник запаса В.М. Крылов (Санкт-Петербург); кандидат военных наук генерал-полковник А.А. Ноговицын (Главное командование ВВС); полковник А.К. Никонов (Центральный музей Вооруженных сил); доктор исторических наук, профессор полковник запаса С.Н. Полтораки (Санкт-Петербург); доктор исторических наук Р.Б. Рыбаков (Институт востоковедения РАН); доктор исторических наук, профессор А.А. Чернобаев (Российская академия государственной службы при Президенте РФ); А.А. Чурилин (Историко-документальный департамент МИД РФ).

В соответствии с требованиями налоговой инспекции и финансовых органов «Военно-исторический журнал» может выплачивать гонорар и предоставлять бесплатный авторский номер журнала лишь тем авторам, которые сообщили обратный почтовый адрес, номера телефонов, полностью указали фамилию, имя и отчество, серию и номер паспорта (для военнослужащих — номера паспорта и удостоверения личности), число, месяц и год рождения, ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и номер страхового свидетельства Государственного пенсионного страхования.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи объемом не более одного авторского листа, отпечатанные на пишущей машинке или изготовленные на ПЭВМ в двух экземплярах (на дискете — с одной распечаткой, набранной в Word 95, 97) через два интервала с постраничными, последовательно пронумерованными ссылками на использованные источники. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За справками о присланных в редакцию материалах обращайтесь по тел.: (095) 157-84-50, 157-87-19. Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За содержание рекламы отвечает рекламодатель. В соответствии с Законом РФ «О средствах массовой информации» редакция имеет право не вступать в переписку с корреспондентами. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения автора. За качество полиграфического исполнения журнала и его распространение отвечает Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ. В случае затруднений в оформлении подписки и обнаружения брака сообщите по адресу в Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, 38а.

При перепечатке материалов ссылка на «Военно-исторический журнал» обязательна.

В работе над номером принимали участие:

научные редакторы —
Е.В. ДОБЫЧИНА,
В.Т. МИНОВ, О.В. КАРПОВА,
Ю.Н. ЛЕЩЕНКО, В.Г. ОПОКОВ,
А.В. ОСТРОВСКИЙ;
секретариат — Ю.В. СНЕГОВА
(заместитель ответственного секретаря), К.Н. АГАФОНОВА,
М.В. ЗАБРОДИНА, Е.В. КРИГЕР;

литературная редакция —
О.К. ГРАЧЕВА, А.М. ПЕТРОВ,
Г.В. САТИК;

художественные редакторы —
Л.П. ДЕМАХИНА, Т.Г. ПИМЕНОВА;
компьютерная верстка —
А.Д. МАРКОВА.

Адрес редакции для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (095) 157-84-50, 157-87-19.

Сдано в набор 22.09.2004.
Подписано к печати 26.10.2004.
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9,3+0,93 обл. и вкл.
Уч.-изд. л. 14+1 обл. и вкл.
Усл.-кр.-отт. 9,3+3,72 обл. и вкл.

Общий тираж 12000 экз. Зак. 3403.

Регистрац. № 01978 от 30.12.1992.

Допечатная подготовка выполнена в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ

Отпечатано в ЗАО
«Красногорская типография».

© «Военно-исторический журнал», 2004.

НАКАНУНЕ ПЕРВЫХ ИСПЫТАНИЙ

Маневры Краснознаменного Балтийского флота 1940 г.
Художник Н. БУБЛИКОВ

Изучение личным составом торпедного оружия
Неизвестный художник

Командующий Краснознаменным Балтийским флотом в 1939—1947 гг.
В.Ф. Трибуц

Ремонт линейного корабля «Марат»
Художник Г. ГОРШКОВ

Потопление финского транспорта подводной лодкой Щ-311
Январь 1940 г.
Художник Б. ПОЗДНЯКОВ

В КОНЦЕ 1930-х годов в ходе массовых репрессий командный и начальствующий состав РККА и РККФ понес невосполнимый урон. Результатом выдвижения на руководящие должности молодых командиров взамен репрессированных стало повсеместное падение уровня боевой и оперативно-тактической подготовки, что наиболее отчетливо проявилось в ходе Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. Не стал исключением и Краснознаменный Балтийский флот. Публикуемая в этом номере нашего журнала статья кандидата исторических наук П.В. Петрова «Балтийский флот накануне Советско-финляндской войны» стала одной из первых попыток максимально объективно осветить этот по сей день малоизученный вопрос на основе многочисленных, впервые вводимых в научный оборот документов из фондов Российского государственного архива Военно-морского флота.

НА ВЕЧНУЮ СЛАВУ»

инженерных войск и войск связи:
история и коллекции

Генерал-фельдцейхмейстер граф П.И. Шувалов. Принято считать, что именно он был инициатором организации хранилища древних артиллерийских памятников
Художник Л. ОСТРОВА 1947 г.

Николай Ефимович Бранденбург (1839—1903 гг.). Его более чем 30-летняя деятельность во главе музея стала золотой эрой в истории этого учреждения

Заведующий Артиллерийским историческим музеем Д.П. Струков, ученик и последователь Н.Е. Бранденбурга
Неизвестный художник Около 1912 г.

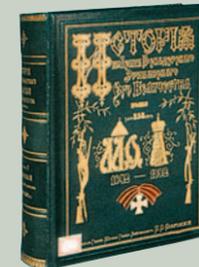
Группа военных чинов лейб-гвардии Уланского полка 1830—1840 гг.
Художник Г.И. ГЕБЕНС. 1853 г.

Штурм Очакова 6 декабря 1788 г.
Художник Я. СУХОДОЛЬСКИЙ 1953 г.

Штыковая атака
Художник П.П. КОРЯГИН 1910-е гг.

Обложки книг из собраний музея

Военно-историческое наследие

Министр обороны РФ С.Б. Иванов в зале ратного подвига
22 февраля 2003 г.

Фрагмент экспозиции, посвященной истории русской армии

Диорама «За Волгой для нас земли нет!»
Художники М.И. и А.М. САМСОНОВЫ

Фрагмент экспозиции о Московской битве

Занятие в зале Победы проводит начальник Главного управления воспитательной работы ВС РФ член редакционной коллегии «Военно-исторического журнала» генерал-полковник Н.И. Резник

Начало экспозиции, посвященной истории Вооруженных сил РФ

К 85-летию Центрального музея Вооруженных сил

Китель Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова (1940 г.) — начальника Генерального штаба и первого ответственного редактора «Военно-исторического журнала»

Мэр г. Лондона К. Левингстон в зале Победы 9 мая 2002 г.

«ВЕРНЫ СВОЕЙ РАБОТЕ — РОССИЙСКОЙ АРМИИ ИСТОРИЮ ХРАНИТЬ!»

Центральный музей Вооруженных сил

Рабочий момент: научные сотрудники ЦМВС поднимают по ступенькам музея джип для выставки о втором фронте

Экспозиция военной техники и вооружения на смотровой площадке

Посол Федеративной Республики Германии в России доктор Ганс-Фридрих фон Плетц делает запись в Книге почетных посетителей российско-германской выставки «Память о Сталинграде» 27 февраля 2004 г.

Представление боевых знамен

В ДЕКАБРЕ 2004 года Центральный музей Вооруженных сил отметил свое 85-летие. Учрежденный 23 декабря 1919 года приказом Реввоенсовета Республики как постоянная выставка-музей «Жизнь Красной армии и флота», музей прошел в своем становлении и развитии нескольких этапов. В сентябре 1924 года он получил наименование Центральный музей Красной армии, а в 1964-м — Центральный музей Вооруженных Сил СССР. В 1965 году ЦМВС СССР, 4 раза менявший свое местонахождение, переехал наконец в специально для него построенное здание по адресу ул. Советской армии, 2, что позволило увеличить его экспозиционную площадь в 5 раз. В 1978 году решением Совета министров СССР музей был отнесен к числу научных учреждений. ЦМВС — член Международного совета музеев (ИКОМ) и Ассоциации музеев вооружения и военной истории. Он не только один из наиболее посещаемых музеев нашей страны, но и признанный центр военно-патриотического воспитания. Центральный музей Вооруженных сил гордится своими коллекциями, прежде всего по Великой Отечественной войне (свыше 400 тыс. единиц хранения). Эти коллекции имеют основание считаться самыми крупными не только в России, но и во всем мире. Это награды героев фронта и тыла, оружие, фотографии, документы, форма одежды и другие музейные предметы, отражающие военную историю, деятельность таких выдающихся полководцев и военачальников, как И.В. Сталин, М.В. Фрунзе, Г.К. Жуков, А.М. Василевский, К.К. Рокоссовский, и многих других. Одним из крупнейших в мире является знаменитый фонд ЦМВС (свыше 28 тыс. знамен, флагов, штандартов и др.). Важным событием в культурной жизни страны стало возвращение из США в Россию музейного собрания общества русских эмигрантов «Родина». Оно насчитывает около 40 тыс. военно-исторических предметов, ставших основой нового отдела экспозиции музея, посвященной дореволюционному периоду истории русской армии и флота.

Богатство музейных фондов помогает проводить многоплановую воспитательную работу, поддерживать традиции патриотизма. Созидательный труд работников Центрального музея Вооруженных сил — настоящее подвижничество. Сплоченный работоспособный высококвалифицированный коллектив не только не останавливается на достигнутом, но и продолжает наращивать масштабы музейной деятельности, создавать новые филиалы, выставки и экспозиции, расширять географию их представления вплоть до отдаленных гарнизонов. За последние годы создан филиал ЦМВС — Мемориальный музей-кабинет Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Заметно активизировалась выставочная деятельность музея в России и за рубежом. Благодаря этому посещаемость выездных выставок стала значительно превосходить соответствующий показатель экспозиции ЦМВС в Москве.

Публикацию подготовил Ф.В. ОВСЮК, старший научный сотрудник, начальник методической группы Центрального музея Вооруженных сил, заслуженный работник культуры РСФСР (Москва)